

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2026

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

5.7.2. History of Philosophy (Philosophy)

5.7.7. Social and Political Philosophy (Philosophy)

5.4.1. Theory, Methodology and History of Sociology (Sociology)

5.4.4. Social Structure, Social Institutions and Processes (Sociology)

5.4.6. Sociology of Culture (Sociology)

5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Art History)

5.10.1. Theory and History of Culture, Art (Culture Studies)

5.10.3. Art Forms (specifying the art) (Art History)

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки),
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (социологические науки),
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки),
- 5.4.6. Социология культуры (социологические науки)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение),
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),
- 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства) (искусствоведение)

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматических достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of
Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State Uni-
versity for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University,
Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executive editors

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звезгинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

Е.А. Колосова, канд. социол. наук, доцент, РГГУ

О.В. Китайцева, канд. социол. наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

<i>Ariz A. Gezalov, Fanil S. Fayzullin</i> Soviet culture and the transformation of soviet mentality: philosophical and sociological analysis	10
<i>Natalia M. Velikaya, Anna A. Goloseyeva</i> Socio-political mobilization in the context of the 2024–2025 regional elections	23
<i>Galina A. Tsvetkova</i> Social mobilization for civil defense	37
<i>Olga V. Kryshstanovskaya, Ivan A. Lavrov</i> Digital threats as a challenge to the public contract between the state and society in the Russian Federation	50
<i>Vladislav A. Perepelkin</i> Generational identity of the Russian political elite (1998–2024)	63
<i>Elena A. Irsetskaya</i> The essential criteria of a just life in the public consciousness of Russians	73
<i>Natalia I. Belova</i> Responsible self-medication in Russia: cancel or implement	84
<i>Irina O. Shevchenko</i> University staff motivation factors	96
<i>Olga V. Kitaitseva, Mariya A. Kokoulina</i> Employee satisfaction in the Russian IT industry	106
<i>Yuliya V. Vaskina</i> Dynamics of indicators of social well-being and material situation of the population of the Samara region	119
<i>Marina S. Korotkova</i> Youth and youth organizations in the pre-perestroika period (1970–1980s): positions of subjectivity	131
<i>Elena A. Kolosova</i> The Great Patriotic War in the perception of modern children and adolescents: experience of monitoring research	141
<i>Marina A. Kolmykova, Arina E. Butysina</i> Foreign and soviet engineers in the <i>stalinist</i> social contract system in 1930s	153

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ариз А. Гезалов, Фаниль С. Файзуллин</i> Советская культура и трансформация советской ментальности: философско-социологический анализ	10
<i>Наталья М. Великая, Анна А. Голосеева</i> Социально-политическая мобилизация в контексте региональных выборов 2024–2025 гг.	23
<i>Галина А. Цветкова</i> Социальная мобилизация в области гражданской обороны	37
<i>Ольга В. Крыштановская, Иван А. Лавров</i> Цифровые угрозы как вызов общественному договору между государством и обществом в РФ	50
<i>Владислав А. Перепелкин</i> Поколенческая идентичность российской политической элиты (1998–2024 гг.)	63
<i>Елена А. Ирсетская</i> Сущностные критерии справедливой жизни в общественном сознании россиян	73
<i>Наталья И. Белова</i> Ответственное самолечение в России: отменить нельзя внедрить	84
<i>Ирина О. Шевченко</i> Факторы мотивации труда преподавателей и сотрудников университета	96
<i>Ольга В. Китайцева, Мария А. Кокоулина</i> Удовлетворенность трудом работников российской IT-сферы	106
<i>Юлия В. Васькина</i> Динамика показателей социального самочувствия и материального положения населения Самарской области	119
<i>Марина С. Короткова</i> Молодежь и молодежные организации предперестроечного периода (1970–1980-е годы): позиции субъектности	131
<i>Елена А. Колосова</i> Великая Отечественная война в восприятии современных детей и подростков: опыт мониторинговых исследований	141
<i>Марина А. Колмыкова, Арина Е. Бутыкина</i> Иностранные и советские инженеры в системе «сталинского» общественного договора в 1930-х гг.	153

УДК 316.7(47)

DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-10-22

Советская культура
и трансформация советской ментальности:
философско-социологический анализ

Ариз А. Гезалов

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Москва, Россия
arizkam@mail.ru*

Фаниль С. Файзуллин

*Институт социально-экономических исследований Уфимского
федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия
fayzullin.f@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию взаимосвязи культуры и трансформации советского человека. Утверждается, что советская культура определяется не столько национальными и языковыми особенностями, сколько своеобразием социальных практик, ценностей, норм, духовно-идеологических и политических установок, объединяющих народ в единую общественную систему. Подчеркивается роль и значение отечественной культуры в формировании ментальности советского человека. При этом под ментальностью понимается система устойчивых представлений и поведенческих паттернов, продолжающая оказывать влияние на сознание и поведение людей даже после исчезновения породившей ее социально-политической системы. Раскрываются базовые основания, определяющие менталитет советского человека и противоречия в их развитии. В случае обладания более высоким менталитетом субъектов страны и его эффективной реализации, по нашему мнению, можно было избежать радикальных преобразований горбачевского периода и последовавшего за ними стремительного распада государственности и обеспечить интенсивное устойчивое развитие страны.

Ключевые слова: советская культура, советский человек, субъект, менталитет, советская идентичность, социальная база, демократия, общественное сознание

Для цитирования: Гезалов А.А., Файзуллин Ф.С. Советская культура и трансформация советской ментальности: философско-социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-10-22

© Гезалов А.А., Файзуллин Ф.С., 2026

Soviet culture and the transformation of soviet mentality: philosophical and sociological analysis

Ariz A. Gezalov

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, arizkam@mail.ru*

Fanil S. Fayzullin

*Institute of Social and Economic Research
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia, fayzullin.f@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to revealing the relationship between culture and the transformation of the Soviet person. It is argued that Soviet culture is defined not so much by national and linguistic characteristics, but rather by the uniqueness of social practices, values, norms, spiritual, ideological, and political attitudes that unite the people into a single social system. The article emphasizes the role and significance of Russian culture in shaping the mentality of the Soviet person. In this context, mentality is understood as a system of stable beliefs and behavioral patterns that continue to influence people's consciousness and behavior even after the disappearance of the socio-political system that gave rise to it. The article reveals the basic foundations that determine the mentality of the Soviet people and the contradictions in their development. In our opinion, if the country's subjects had a higher mentality and implemented it effectively, the radical transformations of the Gorbachev period and the subsequent ones could have been avoided.

Keywords: Soviet culture, Soviet man, subject, mentality, Soviet identity, social base, democracy, public consciousness

For citation: Gezalov, A.A. and Fayzullin, F.S. (2026), "Soviet culture and the transformation of soviet mentality: philosophical and sociological analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 10–22, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-10-22

Введение

Советская культура – это культурный феномен, сложившийся в России, а затем в СССР в период с 1917 по 1991 г. В отличие от таких понятий, как «культура Древней Греции» или «русская культура», она ближе к таким историко-культурным явлениям,

как «культура Возрождения» или «культура Просвещения». Это объясняется тем, что советская культура определяется не столько национальными или языковыми особенностями, сколько набором идей и социальных практик, объединенных в единую систему.

Хотя официальным языком СССР был русский, советская культура не создала собственного языка – она использовала русский, лишь обогатив его некоторыми специфическими словами и выражениями («советизмами»), которые, однако, не изменили глубину языкового сознания. Основу советской культуры составляют идеи, во многом уходящие корнями в русскую культуру XIX в. (особенно в ее социально ориентированные аспекты), а также особые модели поведения, формировавшиеся под влиянием советской идеологии.

Аналогичным образом организованы, например, культура Возрождения или Просвещения: они существуют в рамках европейской культурной традиции, но выделяются благодаря уникальному сочетанию идей, ценностей и социальных норм, создающих целостную систему.

Советская культура, формировавшаяся в 1917–1991 гг., находится в сложных отношениях с русской культурной традицией, особенно с наследием XIX в. Эта связь приводит к неочевидности критериев, по которым те или иные произведения можно считать «советскими». Если в случае с русской культурой атрибуция текстов обычно не вызывает споров, то с советской все сложнее – ее границы размыты, и исследователи часто расходятся во мнениях.

Одни произведения признаются бесспорными образцами советской культуры: сатирические «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, соцреалистическая «Молодая гвардия» А. Фадеева или научно-фантастический «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких. Другие – например, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова – уже вызывают дискуссии: некоторые видят в них часть советского культурного поля, другие, как «Доктор Живаго» Б. Пастернака, большинство исследователей и вовсе исключают из советского контекста, относя их к русской литературе XX в.

Таким образом, вопрос о том, что считать «советской культурой», остается открытым. Его сложность – в диалектике взаимодействия: с одной стороны, советская культура наследует русской традиции, с другой – пытается создать собственную идентичность, что и приводит к неоднозначности классификаций.

Советская идентичность принципиально отличалась от русской своей основой – если принадлежность к русской культуре определялась прежде всего языком и естественной культурной средой, то советская идентичность требовала сознательного принятия определенной системы ценностей. Не каждый гражданин

СССР автоматически становился «советским человеком» в полном смысле – для этого нужно было разделять идеологические установочные системы.

Это создавало качественное различие в критериях идентификации. Понятие «нерусский» обычно имело этнолингвистический характер, обозначая людей иной языковой и национальной принадлежности. Тогда как «несоветский» – это прежде всего характеристика мировоззренческая, указывающая на неприятие официальной идеологии. Именно поэтому можно было говорить о «степени советскости» – мере принятия человеком ценностей системы, тогда как «русскость» не предполагала таких градуальных оценок, будучи в первую очередь фактом культурной и языковой принадлежности.

Такая особенность советской идентичности подчеркивает ее принципиально идеологическую природу – в отличие от органической русской идентичности, формируемой языком и традицией. Это объясняет, почему даже среди русскоязычных граждан СССР могли быть те, кого не считали «полноценно советскими», и почему само понятие «советскость» остается предметом дискуссий и различных интерпретаций.

Советскую культуру необходимо четко отделять от советского общества как социальной реальности. Если общество представляет собой конкретную систему экономических отношений, политических институтов и повседневных социальных практик, то культура выступает как система идей, выполняющая двоякую функцию: она одновременно отражает существующие общественные отношения и задает для них нормативные образцы. Это различие можно обозначить, используя терминологию антрополога Клиффорда Гирца, как разницу между «моделью реальности» (model of) и «моделью для реальности» (model for).

При этом анализ советской культуры неизбежно требует обращения к социально-политическому и экономическому контексту советской эпохи. Ее развитие можно понять только в постоянной соотнесенности с историческими событиями и процессами. Важно учитывать иерархию культурных элементов: с одной стороны, существуют базовые, устойчивые идеи, составляющие саму суть «советскости» и сохраняющиеся на всем протяжении существования СССР; с другой – конкретные формы их воплощения, которые менялись в разные периоды, а также локальные вариации, характерные для отдельных этапов советской истории. Таким образом, советская культура предстает как сложная динамическая система, находящаяся в постоянном взаимодействии с социальной реальностью, но несводимая к ней [Горшков и др. 2022, с. 7].

Несмотря на общую однородность базовых культурных установок, в политическом плане этот исторический отрезок четко делится на две принципиально разные фазы: эпоху «развитого социализма» (1969–1985) и период перестройки (1985–1991). Время так называемого застоя отличалось усилением политического консерватизма и формированием замкнутой касты партийной номенклатуры.

Партийная элита превратилась в стареющую, разветвленную систему, где личная преданность значила больше, чем идеологические принципы. Формальная риторика о «верности партийному делу» сохранялась, но потеряла реальное содержание – в эти идеалы уже почти никто искренне не верил. Характерной чертой эпохи стал перенос акцентов с революционного будущего на текущую стабильность, что отразилось и в концепции «развитого социализма», и в новой Конституции 1977 г.

Попытка сохранить систему «коллективного руководства», установившуюся после отстранения Н.С. Хрущева, вновь провалилась – власть постепенно сосредоточилась в руках Л.И. Брежнева. Возникший вокруг него культ личности с годами приобретал все более гротескные, почти фарсовые формы, демонстрируя глубину идеологического кризиса системы.

Период недолгого политического безвременья, последовавший за эпохой Л.И. Брежнева, завершился с приходом к власти М.С. Горбачева, чьи «смелые реформаторские инициативы» кардинально изменили вектор развития страны. Политика гласности раскрепостила общественное сознание, позволив впервые за десятилетия открыто обсуждать как историческое наследие СССР, так и возможные пути модернизации социалистической системы. Кадровая ротация во властных структурах, новая парадигма международных отношений и робкие попытки внедрения элементов политического плюрализма вдохнули в советское общество невиданную энергию преобразований.

Однако эти демократические послабления имели двойственный эффект. Воспринятые консервативными кругами как признак ослабления государственных устоев, реформы М.С. Горбачева спровоцировали стремительную дестабилизацию политической системы. Пробудившиеся центробежные силы, десятилетиями сдерживаемые жесткой централизацией власти, вырвались на свободу с неожиданной мощью. Ирония истории заключалась в том, что попытка обновления социалистической модели через ее демократизацию привела к необратимому распаду всей советской государственной конструкции, окончательно оформившемуся в декабре 1991 г.

Экономическая политика брежневского периода постепенно отказалась от серьезных преобразований. Реформы 1965 г., направленные на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, не получили полноценного развития и остались незавершенными. К середине 1970-х промышленность и сельское хозяйство демонстрировали устойчивое снижение темпов роста, обнажая кризис экстенсивной экономической модели.

Социально-экономическую ситуацию осложняли несколько взаимосвязанных процессов. Военные демографические провалы, массовая урбанизация и развитие социальной инфраструктуры исчерпали резервы дешевой рабочей силы. Одновременно в десять раз по сравнению с довоенным периодом выросло число людей с высшим образованием, преимущественно сосредоточенных в городах. Эта новая образованная прослойка формировала альтернативную систему ценностей, вступающую в противоречие с традиционным сельским укладом.

Культурный разрыв между городом и деревней, между образованной молодежью и старшим поколением стал характерной чертой позднесоветского общества. Это противостояние мировоззрений отражало глубинные изменения в социальной структуре и повседневных практиках, предвещавшие неизбежность грядущих трансформаций.

Период перестройки сопровождался парадоксальным экономическим эффектом. Несмотря на бурные дискуссии о новых моделях хозяйствования и серию реформ (расширение прав предприятий, легализация частной деятельности), благосостояние граждан неуклонно снижалось. К началу 1990-х ситуация приобрела кризисный характер: стремительный рост бюджетного дефицита, гиперинфляция и обвал национальной валюты подпитывали социальное недовольство и ускоряли распад страны.

Этот период стал временем глубокой трансформации советской культурной парадигмы. Ее фундаментальные ценности теряли смысловую наполненность, превращаясь в формальные лозунги. Риторика о коммунистическом будущем звучала все реже, а когда использовалась – воспринималась как пустая дань традиции. Идеологический акцент сместился с проектов будущего на осмысление прошлого: вместо обещаний «светлого завтра» актуализировались достижения советской истории – победа в войне, индустриализация, статус сверхдержавы.

Культурная память стала доминирующим нарративом: повсеместное создание мемориалов, музеев боевой и трудовой славы свидетельствовало о ностальгическом повороте. Общество, утратившее веру в коммунистическую утопию, искало опору в героизи-

рованном прошлом, что отражало кризис идентичности и распад прежней мировоззренческой системы.

Идеологический поворот к прошлому нашел отклик лишь у части общества. Некоторые группы, особенно в молодежной среде, пытались соединить новые установки с идеалами «оттепельных» 1960-х (как, например, участники неформального коммунарского движения). Однако для большинства этот курс оказался неприемлемым, что привело к поляризации поведенческих стратегий.

С одной стороны, процветал конформизм – формальное членство в комсомоле и партии, ритуальное произнесение «нужных» речей на собраниях стали платой за доступ к социальным благам: зарубежным командировкам, ученым степеням, карьерному росту. Менялись и образовательные приоритеты: абитуриенты массово стремились в экономические и торговые вузы, гарантировавшие стабильность и материальный достаток.

С другой стороны, набирало силу диссидентство в разных формах – от узкого круга правозащитников до широких слоев интеллигенции, погруженных в «самиздат» и кухонные дискуссии. Культурный ландшафт 1970–1980-х определяли два взаимосвязанных мотива: язвительная пародия на советскую действительность и глубокое чувство экзистенциального отчаяния. Эти настроения нашли наиболее полное воплощение в творчестве Владимира Высоцкого, ставшего голосом целого поколения и культурным символом эпохи заката СССР.

Культурный кризис эпохи выражался в отсутствии целостной системы позитивных ценностей. Диссидентское движение, участники которого подвергались преследованиям и оказывались в тюрьмах или психиатрических лечебницах, по сути оставалось в рамках той же советской парадигмы, просто отрицая официальные догмы вместо их утверждения. Как метко заметил писатель Абрам Терц (Андрей Синявский), диссиденты были продуктом самого советского общества – чаще всего это были в прошлом убежденные коммунисты, люди с принципами и революционными идеалами, которые со временем пришли в противоречие с системой.

Важно отличать их от более ранних критиков советской власти, таких как Б. Пастернак, О. Мандельштам или А. Ахматова. Хотя эти поэты и писатели тоже были инакомыслящими, их мировоззрение уходило корнями в дореволюционную культуру. Диссиденты же – явление сугубо советское, выросшее из самой системы и вступившее в конфликт с ее идеологией.

Попытки диссидентов создать новую систему ценностей сводились либо к развитию идей 1960-х, либо к заимствованию патриотических или либеральных концепций XIX в. Но по-настоящему

оригинальной альтернативы они предложить не смогли, оставаясь в плену той же логики, которую стремились преодолеть.

Стремление к коллективному единству в позднесоветский период находило выход в многочисленных неформальных объединениях – литературных кружках, клубах самодеятельной песни (КСП), шахматных секциях, туристических и альпинистских сообществах. Эти разнородные по составу и масштабу группы стали последними хранителями коллективистского духа, унаследованного от ранней советской культуры.

По своей сути советская культура явилась специфической формой эволюции русской культурной традиции в условиях ускоренной модернизации XX в. За одно столетие Россия прошла путь, на который европейским странам потребовались два века (XVIII–XIX) – вовлечение широких народных масс, ранее находившихся на периферии культурного процесса, в активное культурное творчество.

Этот процесс культурной трансформации происходил под влиянием идейного наследия леворадикальной интеллигенции XIX в. Однако в массовом сознании революционные идеи своеобразно переплелись с традиционными ценностями, создав уникальный синтез, определивший путь развития советской культуры [Файзуллин и др. 2022, с. 588]. К 1980-м гг. этот синтез исчерпал свой потенциал, завершив определенный исторический цикл культурного развития.

Советская культура продолжает жить в постсоветском пространстве через людей, которые выросли и сформировались в СССР. Большинство активного населения современной России – это те, кто родился в Советском Союзе, учился в советских школах и впитал определенную систему ценностей. Сегодня они – сознательно или нет – воспроизводят элементы этой системы, сталкиваясь с необходимостью совместить советское мировоззрение (уходящее корнями в русскую культуру XIX в.) с либеральной моделью, диктуемой рыночной экономикой.

Главное противоречие здесь – в принципиально разном отношении к деньгам, закону, государству. Либеральные ценности, несмотря на их многообразие, во многом противоположны советским установкам. В результате современное российское культурное поле – это огромный спектр мировоззренческих гибридов, возникающих при попытках соединить несоединимое. На уровне отдельного человека или целых сообществ эти конструкции остаются эклектичными и внутренне противоречивыми.

Разрешить это противоречие нельзя простым компромиссом – требуется принципиально иной взгляд, переосмысляющий весь

предыдущий культурный опыт. Поиск такого нового ракурса и составляет главный драматический сюжет развития российской культуры сегодня.

Социально-политические трансформации на рубеже XX–XXI вв. оказали глубокое влияние на сознание россиян и на развитие современного русского языка.

Советская система ценностей, сформировавшая языковую картину мира нескольких поколений, постепенно трансформируется под воздействием новых реалий. Этот процесс привлекает внимание исследователей из различных областей – лингвокультурологии, этнолингвистики, психоллингвистики и социальной антропологии. Ученые изучают, как изменяется отношение людей к социальным и духовным аспектам жизни, отражающееся в языке.

Междисциплинарные исследования рассматривают человека одновременно как:

- 1) носителя определенного типа мышления;
- 2) языкового субъекта, чья речь раскрывает ключевые черты менталитета.

Сквозь призму языка прослеживаются такие характерные особенности советского и постсоветского сознания, как: идеологическая обусловленность; этатистские (государственнические) установки; коллективистская ориентация.

Такой комплексный подход позволяет глубже понять взаимосвязь между языковыми изменениями и трансформацией общественного сознания в современной России.

Прошло уже более трех десятилетий с момента распада Советского Союза, но научное сообщество по-прежнему занято осмыслением феномена «советскости» [Бойма 2002; Козлова 2005; Круглова 2005] и ее трансформации в постсоветский период [Гудков 2004; Левада 2000; Рыклин 2002]. Этот процесс исследуется через призму изменений в коллективном сознании, социальных структурах, культурных парадигмах и идеологических установках. Центральное место в этих исследованиях занимает концепт ментальности, позволяющий выявить глубинные основания советской культуры и проследить их влияние на различные аспекты человеческой деятельности.

Советская ментальность понимается как система устойчивых представлений и поведенческих паттернов (англ. pattern – узор, образец, шаблон; форма, модель; схема, привычное мышление, поведение), продолжающая оказывать влияние на сознание и поступки людей даже после исчезновения породившей ее социально-политической системы. Она проявляется в языковых практиках, коллективных действиях, способах восприятия действительности,

формируя особый тип мировосприятия, который сохраняет свою актуальность в современном российском обществе. Изучение этого феномена требует комплексного подхода, объединяющего методы различных гуманитарных дисциплин, что позволяет раскрыть механизмы сохранения и трансляции культурных кодов в условиях кардинальных социальных преобразований.

Понятие ментальности в гуманитарных науках трактуется неоднозначно, порождая множество конкурирующих подходов. По своей сути ментальность представляет собой интегральное свойство культуры, воплощающее характерные для конкретного общества духовные ценности, мировоззренческие установки и поведенческие ориентации. Центральным элементом ментальности выступает система ценностей, которая находит выражение в устойчивых культурных концептах.

При анализе трансформации советской ментальности необходимо прежде всего определить ее базовые основания. Советская культура в своей основе была пронизана идеологическим началом [Барулин 2000; Геллер 1994; Зиновьев 2024], проникавшим во все сферы человеческого существования. Хотя некоторые исследователи рассматривают советского человека как продукт целенаправленного идеологического конструирования, правильнее говорить о сложном процессе взаимной адаптации – с одной стороны, усилия власти по реализации своего проекта, с другой – способность людей воспринимать предлагаемые нормы и ценности без явного принуждения [Бурдые 2001, с. 107]. Как отмечают специалисты, «советскость» возникла как непреднамеренный результат этого взаимодействия, где идеологические установки органично вплелись в повседневные практики и мировосприятие людей [Козлова 2005].

Заключение

В основе советской ментальности лежала идеологическая парадигма, сформировавшая ключевые характеристики сознания – этатизм (государственничество) и коллективизм. Эти два принципа стали системообразующими ценностями, где государство воспринималось как высшая форма социальной справедливости, а концепт «советский народ» объединялся вокруг образа сильного, справедливого государства.

В этой ситуации особый интерес представляет феномен «истинного советского человека» в отличие от типичных партийных функционеров, который обладает редким сочетанием качеств: вы-

сокого интеллекта и образованности; умения органически связать традиции и новые прогрессивные явления; высокой ответственностью и коммуникативным даром; способностью определять и реализовать интересы многонационального народа.

В случае обладания такими характеристиками субъектов страны СССР мог бы избежать радикальных преобразований горбачевского периода и последовавшего за ними стремительного распада государственности. Вместо этого Советский Союз получил бы возможность эволюционного обновления по модели «управляемой модернизации», сохранив при этом свою целостность и суверенитет.

Опыт успешного развития других социалистических стран (прежде всего Китая) показывает, что подобный путь мог бы обеспечить СССР даже не только сохранение, но и укрепление позиций мировой державы. При грамотном реформировании экономики, при сохранении политической стабильности Советский Союз вполне мог бы осуществить свой «экономический рывок» значительно раньше китайских реформ, подтвердив статус одной из ведущих мировых держав на долгие десятилетия вперед.

Однако история не знает сослагательного наклонения, и эти размышления остаются в области аналитических гипотез, подчеркивающих важность субъективного, общечеловеческого фактора в историческом процессе и альтернативные возможности развития крупных государственных систем.

Как метко в одно время выразился Владимир Путин: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца; кто хочет воссоздать его в прежнем виде, у того нет головы». Эта фраза отражает всю сложность отношения к советскому наследию – ностальгия по утраченному единству сочетается с пониманием необратимости исторических процессов.

Литература

- Барулин 2000 – *Барулин В.С.* Российский человек в XX веке: потери и обретения себя. СПб., 2000. 428 с.
- Бойма 2002 – *Бойма С.* Общие места: мифология повседневности. М., 2002. 320 с.
- Бурдые 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Геллер 1994 – *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
- Горшков и др. 2022 – *Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И.* На переломе веков: социодинамика российской культуры. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с.

- Гудков 2004 – Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. 807 с.
- Зиновьев 2024 – Зиновьев А.А. Гомо советикус: К столетию А.А. Зиновьева. М.: Канон+, 2024. 360 с.
- Козлова 2005 – Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
- Круглова 2005 – Круглова Т.А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург: Изд-во «Гуманитарный университет», 2005. 384 с.
- Левада 2000 – Левада Ю. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000 гг. / Под ред. М.С. Ковалевой. М., 2000. 576 с.
- Рыклин 2002 – Рыклин М. Пространство ликования. Тоталитаризм и различия. М.: Логос, 2002. 280 с.
- Файзуллин и др. 2024 – Файзуллин Ф.С., Комиссаров С.Н., Гезалов А.А. Актуализация проблем развития национальных культур России в условиях глобализации // Евразийский юридический журнал. 2024. № 10 (197). С. 587–589.

References

- Barulin, V.S. (2000), *Rossiiskii chelovek v XX veke: poteri i obreteniya sebya* [The Russian man in the twentieth century: loss and self-discovery], St. Petersburg, Russia.
- Boima, S. (2002), *Obshchie mesta: mifologiya povsednevnosti* [Common places: the mythology of everyday life], Moscow, Russia.
- Bourdieu, P. (2001), *Prakticheskii smysl* [Practical meaning], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.
- Fayzullin, F.S., Komissarov, S.N. and Gezalov, A.A. (2024), “Actualization of the problems of development of national cultures of Russia in the context of globalization”, *Eurasian Law Journal*, no. 10 (197), pp. 587–589.
- Geller, M. (1994), *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Machine and cogs. The history of the formation of the Soviet man], MIK, Moscow, Russia.
- Gorshkov, M.K., Komissarov, S.N. and Karpukhin, O.I. (2022), *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiiskoi kul'tury* [At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Gudkov, L. (2004), *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 gg.* [Negative identity. Articles of 1997–2002], Moscow, Russia.
- Kozlova, N.N. (2005), *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history], Evropa, Moscow, Russia.
- Kruglova, T.A. (2005), *Sovetskaya khudozhestvennost', ili neskromnoe obayanie sotsrealizma* [Soviet artistry, or the immodest charm of Socialist Realism], Gumanitarnyi universitet, Yekaterinburg, Russia.

- Levada, Yu. (2000), *Ot mneniyi k ponimaniyu: sotsiologicheskie ocherki 1993–2000 gg.* [From opinions to understanding: sociological essays 1993–2000], Kovaleva, M.S. (ed.), Moscow, Russia.
- Ryklin, M. (2002), *Prostranstvo likovaniya. Totalitarizm i razlichiya* [A space of jubilation. Totalitarianism and differences], Logos, Moscow, Russia.
- Zinoviev, A.A. (2024), *Gomo soveticus: K stoletiyu A.A. Zinov'eva* [Homo sovieticus: On the centenary of A.A. Zinoviev], Kanon +, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Ариз А. Гезалов, кандидат философских наук, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; arizkam@mail.ru

Фаниль С. Файзуллин, доктор философских наук, профессор, академик АН Республики Башкортостан, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия; 450054, Россия, Уфа, пр. Октября, д. 71; fayzullin.f@gmail.com

Information about the authors

Ariz A. Gezalov, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117218; arizkam@mail.ru

Fanil S. Fayzullin, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia; bld. 71, Oktyabrya Avenue, Ufa, Russia, 450054; fayzullin.f@gmail.com

УДК 323.2:324(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-23-36

Социально-политическая мобилизация в контексте региональных выборов 2024–2025 гг.

Наталья М. Великая

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия
natalivelikaya@gmail.com*

Анна А. Голосеева

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия
goloseyeva@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается процесс социально-политической мобилизации в России. На основе эмпирических данных анализируется институциональный и протестные типы социально-политической мобилизации в контексте региональных избирательных кампаний 2024–2025 гг. с точки зрения эффективности политического администрирования и перспектив устойчивого развития государства и общества. Эмпирическую базу статьи составили данные электоральной статистики по результатам единого дня голосования (ЕДГ) в сентябре 2024 и 2025 гг., а также данные Всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (май 2025 г.), проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Делаются выводы о слабой артикуляции своих политических интересов избирателями в регионах и, как следствие, невысоких показателях политической активности в публичной сфере, а также трансформации протестной активности и переходе ее в скрытые формы.

Ключевые слова: социально-политическая мобилизация, институциональная мобилизация, региональные выборы, протестная активность

Для цитирования: Великая Н.М., Голосеева А.А. Социально-политическая мобилизация в контексте региональных выборов 2024–2025 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 23–36. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-23-36

© Великая Н.М., Голосеева А.А., 2026

Socio-political mobilization in the context of the 2024–2025 regional elections

Natalia M. Velikaya

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com*

Anna A. Goloseyeva

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, goloseyeva@gmail.com*

Abstract. This article examines the process of socio-political mobilization in Russia. Using empirical data, it analyzes institutional and protest types of socio-political mobilization in the context of the 2024–2025 regional election campaigns from the perspective of the effectiveness of political administration and prospects for the sustainable development of the state and society. The article's empirical basis is comprised of electoral statistics from the results of the Unified Voting Day in September 2024 and 2025, as well as data from the all-Russian sociological monitoring "How Are You Living, Russia?" (May 2025) conducted by the Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Conclusions are drawn regarding the weak articulation of political interests by voters in the regions and, consequently, low rates of political activity in the public sphere, as well as the transformation of protest activity into covert forms.

Keywords: socio-political mobilization, institutional mobilization, regional elections, protest activity

For citation: Velikaya, N.M. and Goloseyeva, A.A. (2026), "Socio-political mobilization in the context of the 2024–2025 regional elections", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 23–36, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-23-36

Введение

Социально-политическая мобилизация – процесс объединения широких слоев населения для участия в работе политических институтов и достижения коллективных целей. Это процесс вовлечения индивидов и групп в различные формы политической активности, который представляет собой ансамбль ценностей,

институтов и групп, организованных для достижения социальных целей [Дойч 2012]. Полагаем, что в условиях жесткого санкционного давления и затянувшегося гибридного конфликта со странами Запада поиск и анализ источников социально-политической мобилизации является важной научной задачей.

В качестве теоретической базы исследования был использован концептуальный подход Герберта Блумера, предполагающий, что любая деятельность, направленная на поддержание общности, является социальной мобилизацией [Blumer 1969].

Анализ политической мобилизации в ходе региональных выборов представляется актуальным, в силу того что их итоги и динамика электоральных симпатий являются основанием для прогнозирования результатов федеральных парламентских выборов в 2026 году, результаты региональных электоральных кампаний позволяют политическим партиям корректировать актуальную политическую повестку.

На основе эмпирических данных мы анализируем институциональный и протестные типы социально-политической мобилизации в контексте региональных избирательных кампаний 2024–2025 гг. с точки зрения эффективности политического администрирования и перспектив устойчивого развития государства и общества.

Эмпирическую базу статьи составили данные электоральной статистики по результатам единого дня голосования (ЕДГ) в сентябре 2024 и 2025 гг. и данные Всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?»¹, проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Институциональная мобилизация и региональные выборы

Институциональная мобилизация, как один из типов социально-политической мобилизации, предполагает конструктивное взаимодействие граждан и государственных институтов в процессе

¹ Исследование проводится на основе всероссийской репрезентативной выборки, погрешность не превышает 3%. Объем выборки в разные годы варьировался от 1312 до 1866 респондентов. В статье использована эмпирическая информация 55-го этапа исследования «Как живешь, Россия?», проведенного в апреле 2024 г. Объем выборочной совокупности – 1700 респондентов, модель выборки – квотно-пропорциональная. Руководитель проекта – д-р социол. наук В.К. Левашов.

участия в политических процессах. Институциональная мобилизация в целом является условием укрепления институтов демократии и залогом самообновления и развития общественно-политической системы.

Институциональная мобилизация охватывает социальную и политическую активность, не наносящую ущерба государственно-политической системе, но способствующую установлению более конструктивных отношений между властью и обществом [Голосеева, Хохлов 2025, с. 86].

В рамках институциональной мобилизации особая роль принадлежит партиям и разнообразным группам интересов, консолидирующим граждан для решения тех или иных задач. В связи с этим обратим внимание на то, что партийно-политическая система современной России уже не первый год находится в своеобразном кризисе, который характеризуется тем, что почти половина наших граждан (47% в 2024 г. и 42% в 2025 г.) не видит на политической ландшафте партию, которая может представлять их интересы (табл. 1). При этом партийно-политический ландшафт не меняется вот уже 5 электоральных циклов, а в парламент проходят одни и те же 4–5 партий, получающих право на распределение мандатов как на федеральном, так и на региональном уровнях. Эти партии являются постоянными участниками электорального процесса на выборах всех уровней – от муниципального до федерального.

Подчеркнем, что сложившаяся в стране модель «ограниченной партийности», где партийный парламент формально противостоит беспартийному правительству в силу принципа разделения властей, не способствует развитию партий как институтов и не способствует расширению партийно-политического участия. Как результат, институциональное доверие к партиям остается самым низким по сравнению с другими властными институтами или общественными структурами, что понижает общую легитимность политической системы. В рейтинге индекса доверия в 2025 г. партии находятся на последнем месте с индексом «–0,4» (табл. 1).

Таблица 1

Отношение респондентов
к общественным структурам и институтам власти, 2025

Общественные структуры и институты власти	Доверяют (k = +1)	Не доверяют (k = -1)	Запутались ответить	Индекс доверия (I) ²
Президент РФ	75	13	13	0,6
Правительство РФ	52	28	20	0,2
Совет Федерации	40	31	29	0,1
Руководитель своего региона (области, республики, края)	41	30	28	0,1
Общественная палата	29	33	39	0
Общественные организации	31	34	36	0
Государственная Дума	32	44	25	-0,1
Профсоюзы	29	37	35	-0,1
Органы местного самоуправления (глава муниципалитета, мэр)	33	38	29	-0,1
Средства массовой информации	22	55	24	-0,3
Политические партии, движения	17	53	31	-0,4
Средний индекс доверия (средняя арифметическая индексов в последнем столбце)				0

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года. С. 22.

Как показали избирательные кампании последнего электорального цикла, ни ребрендинг политических партий, ни новые лидеры, ни появление новых партий не меняют общего расклада сил даже в минимальной степени: электоральные симпатии респондентов остаются неизменными на протяжении трех последних электораль-

² Индекс доверия рассчитан из соотношения: $I = (k*a + k*b) / (a + b + c)$, где k – коэффициент, на который умножаются числовые значения в первом (a), во втором (b) столбце. Индекс изменяет свою величину от «+1» – доверяют до «-1» – не доверяют.

ных циклов (см. табл. 2). В известном смысле это свидетельствует о замораживании партийной системы и вынужденной консолидации электората в условиях ограниченного предложения вокруг партии власти [Устойчивость 2025, с. 69–92]. В частности, в ходе единого дня голосования в 2025 г. на избирательные участки пришло около 16 млн человек, а в выборах приняли участие 14 из 23 зарегистрированных (по данным Минюста) политических партий.

Таблица 2

Уровень поддержки политических партий
РФ, % от числа опрошенных

Варианты ответов	2022, V	2023, VI	2024, IV	2025, V
«Единая Россия»	24	24	35	32
КПРФ	9	8	6	6
ЛДПР	8	5	2	5
«Справедливая Россия»	4	2	1	3
«Яблоко»	2	0	0	1
«Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»	0	1	0	1
«Новые люди»	2	1	2	1
«Партия роста»	0	0	0	0
«Гражданская платформа»	0	0	0	0
«Родина»	1	0	0	0
Никакую партию не поддерживаю	36	38	47	42
Затруднились ответить	9	10	6	10

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга, май 2025 г. С. 88.

Уровень поддержки партий, выявляемый в ходе мониторинга, показывает, что симпатии к тем или иным политическим партиям, как правило, ниже результатов, получаемых партиями в ходе выборов. При этом самый большой разрыв между симпатиями и полученными голосами мы видим у политической партии «Единая Россия». Так, накануне сентябрьских выборов 2024 и 2025 гг. уровень поддержки «Единой России» составлял 35 и 32% соответственно (табл. 2), а по

итогам подсчета голосов, за «Единую Россию» проголосовало порядка 60–75% избирателей, участвующих в выборах. Таким образом, электоральная мобилизация вокруг «партии власти» – пример управляемой сверху институциональной мобилизации.

Как мы видим, все остальные партии делили между собой пятую часть мандатов и реальная роль остальных партий в законодательных собраниях сводится к функции формального политического представительства и обеспечения легитимности выборов. Оппозиционные партии, хотя и не занимают ведущую роль в решении общественных проблем, поддерживают социально-политическую стабильность, продвигая интересы голосующих за них групп населения [Великая 2024]. На выборах в законодательные собрания субъектов Федерации распределялись 464 мандата, из них 225 по партийным спискам, а 239 – по одномандатным округам. В выборах участвовали 11 политических партий, из которых политическое представительство на региональном уровне получили только семь и в очень ограниченном объеме (табл. 3).

Таблица 3

Количество мандатов, полученных политическими партиями в законодательных собраниях субъектов РФ, 2025 г.

Партия	Количество мандатов
«Единая Россия»	395
КПРФ	26
ЛДПР	20
«Справедливая Россия»	18
«Новые люди»	12
«Партия пенсионеров»	6
«Родина»	1

Источник: данные ЦИК РФ.

Протестная мобилизация и идеологические ориентации граждан

Прямые выборы высших должностных лиц субъектов состоялись в 20 субъектах Российской Федерации. В них принимали участие 93 кандидата от 10 политических партий и всего один

зарегистрированный самовыдвиженец (из 19 выдвинувшихся). В 19 регионах предсказуемо одержали победу представители «Единой России». Как справедливо отметил А.Ю. Бузин,

о конкуренции на выборах глав регионов в 2025 г. говорить не приходится. Разница между долями голосов, набранных победителем и следующим за ним соперником, составила минимум 46,1% в Свердловской области и максимум 83,1% в Татарстане. Впрочем, такая ситуация наблюдается уже давно, фактически с самого 2012 года, когда выборы глав регионов были восстановлены, но с муниципальным фильтром [Бузин 2025, с. 3].

Заметим тем не менее, что даже в условиях жесткого административного контроля случаются «электоральные сбои», когда побеждают кандидаты, которых не поддерживает федеральная власть. Например, победа на губернаторских выборах Сергея Фургала в Хабаровске и последующие социальные волнения сильно обеспокоили федеральный центр³. Не зря этот кейс вызывал значительный интерес у исследователей [Семенов 2021]. Похожая ситуация сложилась и вокруг мэра Новосибирска коммуниста Анатолия Локотя⁴ в области, которая долгое время считалась частью «красного пояса», где традиционно сильны были позиции КПРФ. В этих случаях особая роль принадлежит протестной активности горожан. Но так как технократическая модель управления государством предполагает поддержание предсказуемости выборов и полный контроль над электоральным процессом, то приведенные примеры воспринимаются «политическими менеджерами» как электоральные аномалии, которые нужно исправить.

Протестная мобилизация, вплоть до самых ее радикальных форм, несет функцию информирования для власти.

Протестные настроения могут служить «обратной связью» для власти, которая получает сигнал от общества, что существуют определенные проблемы, которые необходимо срочно решать [Голосеева, Хохлов 2025, с. 87].

³ В Хабаровске прошел очередной митинг в защиту Фургала // РБК. Дело губернатора Фургала. 2020. 28 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2020/5fc1ba959a79470bd7ff0d33> (дата обращения 15 января 2026).

⁴ Мэр Новосибирска коммунист Локоть объявил о губернаторских амбициях // РБК. Политика. 2018. 17 апр. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2018/5ad5f2399a79470db55fa044> (дата обращения 15 января 2026).

Когда властная группа злоупотребляет репрессивными мерами контроля над политическим процессом, подобные сигналы перестают поступать: общество реагирует на давление со стороны государства путем отказа от полноценного диалога. Общество смиряется с запретом на открытое выражение протеста, и граждане демонстрируют формальную лояльность, что отражает замеры общественного мнения, в которых респонденты ограничиваются социально одобряемыми ответами.

Таблица 4

Динамика изменения поддержки гражданами различных форм защиты своих интересов (ответы на вопрос: «Что вы готовы предпринять в защиту своих интересов?») РФ, % от числа опрошенных

Варианты ответов	2015	2018	2022	2023	2024	2025
Мои интересы достаточно защищены	13	15	21	19	26	21
Подпишу обращение к властям	11	13	13	23	22	22
Выйду на митинг, демонстрацию	14	13	6	7	6	4
Буду участвовать в разрешенных забастовках, акциях протеста	12	8	7	8	6	4
Приму участие в акциях гражданского неповиновения	10	8	2	2	2	2
Обращусь к общественности через СМИ	–	–	6	11	9	10
Обращусь к общественности через Интернет	–	–	11	15	13	14
Ничего из перечисленного не буду делать	22	25	32	31	22	28
Затруднились ответить	18	18	23	18	22	22

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года. С. 84.

Мы видим, что формально протест ничтожен по своим масштабам и интенсивности. Однако сама протестная активность никуда не делась; она просто переместилась с поверхности социального поля в «тень», концентрируясь в различных сообществах оппозиционного характера, уходит в Интернет.

Отдельно остановимся на идеологических и мировоззренческих основаниях политической и партийной мобилизации. Структура идеологических ориентаций граждан в последнее время стабилизировалась. За 20 лет несколько сократилось количество сторонников либеральных, демократических взглядов (33% – 2004, 31% – 2013, 25% – 2005). Рост количества сторонников левых (социалистических) идей наблюдался с 2014 по 2020 г. (30% в 2020 г.), однако потом их число сократилось до 13% в 2025 г. Остальные сдвиги укладываются в статистическую погрешность. Обратим внимание, что количество симпатизантов патриотическим идеям резко выросло после крымских событий (20% – 2013, 29% – 2015). Вместе с тем обратим внимание на сокращение их числа (с 19% в 2022 г. до 14% в 2025 г.), что может свидетельствовать об усталости от затянувшегося гибридного конфликта и его последствий [КЖР 2025, с. 86].

Показательно, что за последние 4 года наблюдался и небольшой рост сторонников демократических ценностей, что можно объяснить тем фактом, что в последнее время практически не наблюдается позитивной динамики в плане реализации норм демократии.

Таблица 5

Индекс обеспечения норм демократии

Нормы демократии	Обеспечиваются ($k=1$)	Не обеспечиваются ($k=-1$)	Индекс обеспечения (I) ⁵
Социальные гарантии	72	28	0,4
Свобода политического выбора	65	35	0,3
Личная безопасность	61	39	0,2
Соблюдение прав человека	62	38	0,2
Терпимость к чужому мнению	58	42	0,2
Свобода слова	48	52	0
Равенство всех граждан перед законом	36	64	-0,3

⁵ Индекс обеспечения рассчитан из соотношения: $I = (k*a + k*b) / (a + b)$, где k – коэффициент, на который умножаются числовые значения в первом (a), во втором (b) столбцах. Индекс изменяет свою величину от «+1» – обеспечиваются до «-1» – не обеспечиваются.

При этом самой проблемной зоной является равенство граждан перед законом, где количество тех, кто считает, что эта норма не выполняется, превышает количество тех, кто считает, что этот принцип в стране реализуется (табл. 5). Низкий индекс мы видим и по индикатору «свобода слова», что также связано с важнейшими принципами демократического общества.

В любом случае необходимо отметить несоответствие идеологического спектра актуальной политической системы реальным политическим интересам и запросам граждан страны. Если сторонники левых идеологий (коммунисты и социалисты) так или иначе имеют своих представителей в законодательной власти, то, например, сторонники правых взглядов практически не представлены во власти.

Нельзя не сказать и о социально-экономических причинах политической мобилизации. Замедление темпов экономического роста, снижение уровня и качества жизни граждан, сокращение социальных расходов провоцируют социальную неудовлетворенность. По данным наших исследований, со сферой благосостояния связан ряд проблем, которые маркируются как наиболее волнующие россиян и отмеченные как обладающие высоким уровнем тревожности и беспокоящие россиян в наибольшей степени. По данным исследования, среди аспектов, объединяющих сферу благополучия и благосостояния, россияне отметили дороговизну жизни (49%), рост цен на продукты питания (47%), повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги (29%), высокую инфляцию (26%) [КЖР 2025, с. 12], что потенциально можно рассматривать как социальные риски, служащих основанием и для политической мобилизации в будущем.

Выводы

В настоящее время протестная активность, как одна из форм социальной мобилизации, существенно трансформировалась по причине ужесточения контроля за политической активностью граждан со стороны государства. Протест приобретает скрытый характер, который выражается в демонстрации респондентами тревожности в отношении снижения уровня жизни и общей политической неопределенности. В регионах в отличие от столиц политические интересы традиционно слабо артикулируются избирателями. Отсюда и невысокие показатели политической активности в публичной сфере. Высокая степень предсказуемости выборов и низкая политическая конкуренция, усталость избира-

телей от однообразия повестки и несменяемости лидеров парламентских партий становятся одним из факторов низкого уровня доверия к партиям как политическим институтам.

Тем не менее исследование показывает нарастание среди респондентов в регионах России беспокойства по поводу своих дальнейших социально-экономических перспектив и вероятных ограничений в публичной сфере.

Таким образом, можно предположить, что социальная мобилизация в российских регионах будет усиливаться, концентрируясь в формах протестного голосования (за другие парламентские партии против «партии власти» и/или снижение электоральной активности) и демонстрации недовольства своим социально-экономическим положением. Эта ситуация чревата непредсказуемостью социальной мобилизации, которая может мгновенно трансформироваться в протестную форму по самым разным и не обязательно политическим поводам. Проблема усугубляется еще и тем обстоятельством, что предотвращать вспышки спонтанной мобилизации граждан властям становится все сложнее, поскольку в публичном пространстве не осталось влиятельных субъектов политической оппозиции, с которой можно поддерживать конструктивный диалог.

Литература

- Бузин 2025 – Бузин А.Ю. Обзор электоральной статистики выборов глав регионов в 2025 году // Электоральная политика. 2025. № 2 (14). С. 3. URL: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/obzor-elektoralnoi-statistiki-vyborov-glav-regionov-v-2025-godu/> (дата обращения 10 января 2026).
- Великая 2024 – Великая Н.М. Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные органы местного самоуправления в 2024 году // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 4. С. 21–35. DOI: 10.19181/nko.2024.30.4.2.
- Голосеева, Хохлов 2025 – Голосеева А.А., Хохлов А.А. Социальная мобилизация: вызов или ресурс социально-политических изменений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 81–93. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93
- Дойч 2012 – Дойч К.В. Социальная мобилизация и политическое развитие // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг.: Сб. переводов. М., 2012. С. 115–143.
- КЖР 2025 – Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с.

- Семенов 2021 – Семенов А.Б. Протесты в Хабаровском крае 2020 г. в публикациях отечественных исследователей // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 12. С. 44–47. DOI: 10.24158/пер.2021.12.6.
- Устойчивость ... 2025 – Устойчивость российского государства и общества в условиях укрепления традиционных ценностей и становления многополярного мира. Социальная и социально-политическая ситуация / Под ред. В.К. Левашова. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 688 с.
- Blumer 1969 – Blumer H. Social Movements // Studies in Social Movements: A Social-Psychological Perspective / Ed. by B. McLaughlin. N.Y.: Free Press, 1969. 497 p.

References

- Blumer, H. (1969), “Social Movements”, McLaughlin, B. (ed.), *Studies in Social Movements: A Social-Psychological Perspective*, Free Press, N.Y., USA.
- Buzin, A.Yu (2025), “Review of electoral statistics for the 2025 elections of regional heads”, *Electoral politics*, no. 2 (14), p. 3, available at: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/obzor-elektoralnoi-statistiki-vyborov-glav-regionov-v-2025-godu/> (Accessed 10 January 2026).
- Deutsch, K.V. (2012), “Social mobilization and political development”, *Kontsepsiya modernizatsii v zarubezhnoi sotsial'no-politicheskoi teorii, 1950–1960 gg.: Sb. perevodov* [The concept of modernization in foreign socio-political theory, 1950–1960: Collection of translations], Moscow, Russia, pp. 115–143.
- Goloseyeva, A.A. and Khokhlov, A.A. (2025), “Social mobilization. A challenge or a resource for socio-political change”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 81–93, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93.
- Levashov, V.K., Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. [et al.] (2025), *Kak zhivesh', Rossiya? Ehkspress-informatsiya. 55 etap vserossiiskogo sotsiologicheskogo monitoringa, mai 2025 goda*: [How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Levashov, V.K. (ed.) (2025), *Ustoichivost' rossiiskogo gosudarstva i obshchestva v usloviyakh ukrepleniya traditsionnykh tsennostei i stanovleniya mnogopolyarnogo mira. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya* [The Resilience of the Russian State and Society in the Context of Strengthening Traditional Values and the Emergence of a Multipolar World. Social and Sociopolitical Situation], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Semenov, A.B. (2021) “Protests in Khabarovsk territory in 2020 in the publications of domestic researchers”, *Society: Politics, Economics, Law*, no. 12, pp. 44–47.
- Velikaya, N.M. (2024), “The parties of the parliamentary opposition in the elections to representative bodies of local self-government in 2024”, *Science. Culture. Society*, no 30 (4), pp. 21–35, DOI: 10.19181/nko.2024.30.4.2.

Информация об авторах

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; natalivelikaya@gmail.com

Анна А. Голосеева, кандидат исторических наук, доцент, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, goloseyeva@gmail.com

Information about the authors

Natalia M. Velikaya, Dr. of Sci. (Political Studies), professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; natalivelikaya@gmail.com

Anna A. Goloseyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; goloseyeva@gmail.com

УДК 316.62(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-37-49

Социальная мобилизация в области гражданской обороны

Галина А. Цветкова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, Qaltsvet@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлена сущность и особенности социальной мобилизации россиян в целях гражданской обороны, формируемые под воздействием военно-социальных отношений в условиях СВО и ВОВ. С учетом межотраслевого социологического подхода обоснована актуальность изучения социальных аспектов гражданской обороны. На основе различных эмпирических источников, включая обращения граждан, осуществлен социологический анализ проблем гражданской обороны как одного из базовых направлений МЧС России. Отобрана специфика исторических и современных форм и методов работы с населением на освобожденных новых территориях, а также в регионах прифронтовой зоны.

Ключевые слова: социальная мобилизация, участие россиян, гражданская оборона, гражданская безопасность, СВО, МЧС России, местная противовоздушная оборона, ВОВ

Для цитирования: Цветкова Г.А. Социальная мобилизация в области гражданской обороны // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 37–49. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-37-49

Social mobilization for civil defense

Galina A. Tsvetkova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, Qaltsvet@yandex.ru*

Abstract. This article presents the nature and characteristics of Russian social mobilization for civil defense, shaped by military-social relations during the Soviet Military District and Great Patriotic War. Taking into account the intersectoral sociological approach, the relevance of studying the social aspects of civil defense is substantiated. Based on various empirical sources, including

© Цветкова Г.А., 2026

citizen appeals, a sociological analysis of civil defense issues as one of the basic areas of the Russian Ministry of Emergency Situations was carried out. The specifics of historical and modern forms and methods of working with the population in the liberated new territories, as well as in the frontline regions, are reflected.

Keywords: social mobilization, participation of Russians, civil defense, civil security, air defense forces, MCHS of Russia, local air defense, Great Patriotic War

For citation: Tsvetkova, G.A. (2026), "Social mobilization for civil defense", *RSUH/RGGU Bulletin, "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 37–49, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-37-49

Социальные аспекты проблемы

Современная гибридная война против России – это тотальная угроза, при которой отсутствуют четкие правовые границы между мирным и военным положением в регионах. Значит, успешность СВО не может быть ограничена лишь усилиями Вооруженных сил Российской Федерации (ВС РФ). Необходима социальная мобилизация в целях гражданской обороны как преимущественно спланированный органами власти или самоорганизованный населением массовый процесс, в котором органы власти (подразделения МЧС и др.) совместно с различными социальными группами (волонтеры, жители и др.) активизируют социальные ресурсы общества для решения общей цели – обеспечения гражданской безопасности прежде всего на освобожденных от боевых действий и прифронтовых территориях.

При этом преимущественно люди действуют добровольно и ответственно, без подавления и искажения их мотиваций. Например, 80% россиян положительно восприняли появление в школе курса начальной военной подготовки, рекомендованного для мальчиков и девочек¹. С 2023 г. в школах и детских садах Белгородской области реализуются дополнительные программы по гражданской обороне. Поэтому социальная мобилизация в рамках защиты населения от военных опасностей всегда имела, имеет и будет иметь важное общественное значение. Социальная

¹ «Отношение к введению НВП в школах». Данные Всероссийского поквартирного опроса ФОМнибус 18–20 ноября 2022 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов (проект ФОМ-ОМ). URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14809> (дата обращения 11 августа 2025).

мобилизация являлась основой таких общественно значимых движений, как добровольческое народное ополчение. В годы ВОВ для выполнения задач гражданской обороны формировались и действовали различные формы участия народных масс: рабочие отряды, группы самообороны, группы самозащиты местной противовоздушной обороны² и пр., сохраняющие свое влияние и на современную практику социальной безопасности.

Злободневность иного социального аспекта заявленной проблемы обусловлена нормами правового регулирования: гражданская оборона вводится на конкретной территории при объявлении военного положения. Однако в условиях СВО, когда противник проводит периодические силовые акции и рейды для попыток захвата мирных территорий России, гражданская оборона как источник безопасности должна являться важной составляющей самоорганизации жителей и государственной социальной политики. Это подтверждают и данные социологических опросов ВЦИОМ, на фоне СВО россияне боятся возможности диверсий и атак беспилотников (2%). Не чувствуют себя на улицах в безопасности 17% опрошенных³. Это неслучайно, поскольку количество преступлений террористического характера увеличилось: в 2024 г. соответствующих уголовных дел заведено на 40% больше, чем в 2023 г. За 2025 г. выявлено более 400 диверсионных актов на объектах транспорта⁴. Новым видом вовлечения в совершение диверсий и терактов стали мошеннические действия иностранных спецслужб в отношении россиян. Количество лиц, совершивших соответствующие преступления на объектах транспорта в ЦФО, увеличилось на 125% (с 49 в 2023 г. до 61 человека в 2024 г.)⁵. В то же время сложности россияне понимают. Более двух третей

² Положение и программа по боевой подготовке групп самозащиты местной противовоздушной обороны. Главное управление местной противовоздушной обороны НКВД СССР. 1941 г.

³ О восприятии россиянами уровня безопасности в своем населенном пункте. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», 29 июня 2024 г. Метод опроса – телефонное интервью 1600 россиян в возрасте от 18 лет по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti> (дата обращения 12 августа 2025).

⁴ МВД: в 2025 году за диверсии на объектах транспорта задержали более 300 человек // РБК. 2025. 30 дек.

⁵ МВД сообщило о новом способе вовлечения в теракты на транспорте // ТАСС. 2025.13 апр.

опрошенных заявили о готовности к самоограничению ради победы России в СВО⁶ [Зайцева 2025].

Наряду с отмеченным выше современное участие жителей, да и социальные проблемы населения в рамках гражданской обороны в целом, изучены социологическим сообществом недостаточно. О.Н. Яницкий утверждает, что многие социологи, с которыми он разговаривал, вообще не имеют понятия, что такое «гражданская оборона»⁷. Доказательством этому могут служить и выявленные в базовом журнале «Социологические исследования» лишь две наиболее близкие по тематике целевые статьи от 2016 года за последние десять лет (0,1% от общего количества публикаций за этот период) [Шипунова 2016; Подольская, Назаркина 2016].

В системе МЧС России, конечно, социологические исследования проводятся. Однако их широкой пропаганды не выявлено. Отдельные из них представлены лишь в ведомственных периодических изданиях, имеющих корпоративный характер («Гражданская защита», «Основы безопасности жизнедеятельности» и др.), что наводит на размышления, поскольку предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций определяют настоятельную потребность в четко отработанных формах и методах взаимодействия, в высокой ответственности не только от органов власти, но и от населения. Исходя из этого, социальный аспект заявленной проблемы обусловлен необходимостью критического осмысления опыта и практики социальной мобилизации в условиях СВО.

Эмпирической базой данного исследования послужили многочисленные социологические материалы, которые условно можно объединить в несколько блоков: результаты социологических исследований всероссийского уровня ведущих социологических центров России (ФОМ, ВЦИОМ и пр.); официальные документы, раскрывающие функциональные направления деятельности гражданской обороны МЧС России⁸; данные статистики Главного

⁶ *Корня А.* Большинство россиян готовы к самоограничениям ради безопасности страны // Коммерсантъ. 2025. 22 окт. № 195. Данные Всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ 15 октября 2025 г. по заказу Экспертного института социальных исследований

⁷ *Яницкий О.Н.* Сетевая война как тотальный риск // Сайт Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_85.html (дата обращения 10 сентября 2025).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 696; Постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 546 и пр.

управления МЧС России по регионам (ДНР, ЛНР и др.); публикации периодических изданий (журналы «СОЦИС», «Научные и образовательные проблемы гражданской защиты»; газета «Комсомольская правда»). Дискуссионность о законных и эффективных способах социально-правового регулирования гражданской обороны в области противодействия угрозам национальной безопасности обусловила логику изложения материалов публикации: межотраслевой социологический анализ социально значимых процессов гражданской обороны.

Исторический опыт и практика

Социальная мобилизация в кризисных условиях имеет глубокие исторические корни. Ибо присутствует в обществе с древних времен. Безусловно, за долгие столетия накоплен значительный опыт и практика активизации и сплочения людей для социальной безопасности в тылу с учетом имеющихся угроз.

Предшественницей современной гражданской обороны в годы Великой Отечественной войны являлась местная противовоздушная оборона (МПВО), начальным звеном которой были группы самозащиты. Они повсеместно создавались и действовали практически в каждом жилом доме (даже в подъездах), на уровне уличных кварталов и предприятий, т. е. использовались различные основания (территориальное, производственное) с учетом численности жителей, служащих и работников предприятий. Присутствовал дифференцированный половозрастной подход к участию в МПВО мужчин и женщин (от 16 до 60 лет и от 18 до 50 лет соответственно). Непременным условием было и их прямое отношение к зданиям: жить в них или работать.

Группами самозащиты выполнялись практически все меры противовоздушной обороны, прописанные и в современных положениях гражданской обороны: подготовка и информирование людей, оказание помощи пострадавшим от нападений противника (доврачебной, материальной и пр.), ликвидация последствий и сохранение стратегических объектов различных отраслей экономики, памятников культуры, а главное – миллионов человеческих жизней⁹.

⁹ Поздравление Президента Российской Федерации В.В. Путина с 90-летием со дня образования гражданской обороны // Сайт МЧС России. 2022. 4 окт. URL: <https://mchs.gov.ru/history/> (дата обращения 24 июля 2025).

Изучение социально-исторических практик формирования и функционирования групп самозащиты позволило заявить об организационно-управленческих и правовых особенностях. Если в начале ВОВ деятельность МПВО регламентировалась лишь актом от 1932 г.¹⁰, то уже через 10 дней после начала ВОВ был принят ряд нормативных актов¹¹, что указывает на особое внимание к вопросам правового регулирования социальной мобилизации населения в системе противовоздушной обороны. Результаты анализа документов выявили не только добровольные, но и правовые механизмы принуждения органов власти, организаций, должностных лиц и населения к ответственности за срыв мероприятий обороны (от административной до уголовной ответственности). Причем виновные привлекались к ответственности по законам военного времени. Степень наказания определялась органами власти различных территориальных уровней.

Во время войны были приняты строгие формы общественного поведения граждан: четкое выполнение правил светомаскировки своей комнаты, квартиры, рабочего места; строгий запрет во время воздушного налета остановок автомобилей на перекрестках улиц и требование их ухода с главных улиц в переулки; пособничество врагу классифицировалось как измена Родине; распространение ложных слухов (неверная интерпретация сообщений представителей органов власти) оценивалось как преступление уголовного, а не административного характера и пр.

Важным аспектом гражданской обороны была и сохраняется в современных условиях адаптация населения к случившемуся (психологическая, трудовая и пр.). Этому способствовали и многочисленные социалистические соревнования стахановцев («двухсотников», «тысячников» и др.). Их поддержка коллективами предприятий и освещение ими знаковых достижений имели большое социальное значение. В целях гражданской самообороны многие жители, включая даже школьников старших классов из городов и районов, добровольно участвовали в общественных работах (копали окопы)¹².

¹⁰ Положение о противовоздушной обороне территории СССР от 4 октября 1932 г.

¹¹ Постановление СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» от 2 июля 1941 г.; Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О порядке привлечения граждан к проведению мероприятий по МПВО в местностях, объявленных на военном положении» и пр.

¹² *Виктор Ермилов*. Род потерял многих, но помог защитить Родину // Север столицы. 2015. № 18 (242). Июнь.

В определенной мере выявленные выше задачи групп самозащиты в настоящее время выполняют отряды самообороны, действующие в освобожденных и прифронтовых территориях. Например, в Белгородской области отряды самообороны активно выполняют все мероприятия по гражданской обороне, включая и участие в профильных учениях, которые проводятся регулярно. С начала СВО проведено более 12 тыс. учений для прогноза и нейтрализации негативных последствий от чрезвычайных ситуаций¹³. Таким образом, социальная мобилизация ресурсов, направленная на готовность сил и средств гражданской обороны, сохраняет свою преемственность. «Мы должны формировать навык защиты, собственной защиты и оказания помощи с самых первых лет жизни детей»¹⁴, – считает губернатор Белгородской области В. Гладков. И с этим сложно не согласиться.

Современный опыт и практика

МЧС России впервые выполняют многие современные требования гражданской обороны в условиях СВО. Спасатели ежедневно оказывают разностороннюю помощь, спасают человеческие жизни, внедряют и применяют новейшие технологии в области гражданской обороны. Отчасти поэтому «2022 и 2023 гг. стали важнейшими испытаниями для созданной в России единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», – так считает глава МЧС России А. Куренков¹⁵.

МЧС России новых территорий не остаются в стороне и при проявлении военных и негативных природных явлений. В июне 2023 г. сотрудники оказали всестороннюю помощь населению

¹³ Вячеслав Гладков сообщил об учениях по гражданской обороне в Белгородской области // Сайт Волоконовского муниципального округа Белгородской области. URL: <https://october31.ru/news/obshchestvo/2025-12-05/vyacheslav-gladkov-soobschil-ob-ucheniyaх-pograzhdanskoу-oborone-v-belgorodskoy-oblasti-481616> (дата обращения 5 декабря 2025).

¹⁴ Гладков заявил о внеплановых учениях по гражданской обороне в Белгороде // РБК. 2025. 2 июня.

¹⁵ Выступление А. Куренкова, главы МЧС России, на 549-м заседании Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации о реализации комплекса мер по защите населения и территорий новых субъектов. Сайт МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/history/> (дата обращения 28 июля 2025).

Херсонской области по ликвидации последствий подтоплений. Водолазы МЧС России с 2020 г. (три года) вели работы в бухте Гильзовая г. Севастополя. Ими были подняты со дна и уничтожены за один день свыше 1,2 тыс. боеприпасов времен ВОВ. В 2023 г. специалисты ведомства обезвредили взрывоопасных предметов на данной территории более 4,0 тыс.

Определенная работа в системе МЧС России проводится с добровольцами, зарегистрированными на специальной платформе Добро.рф. По итогам 2024 г. на территории страны зафиксировано свыше 21 тыс. добровольческих организаций, в составе которых более 448 тыс. человек. Ими проведено 8468 мероприятий, помощь и поддержка оказана более 220 тыс. человек. Волонтеры Национального центра проводят занятия по гражданской обороне в школах ДНР, в которых введены уроки безопасности¹⁶. Одной из базовых тем является минная опасность, поэтому в случае таких серьезных находок алгоритм поведения и действий людей объясняется и отработывается до мелочей.

Типичным примером современной волонтерской практики является добровольческий центр, организованный сотрудником МЧС Ю. Мезиновым на присоединенных территориях сразу после признания ЛНР Россией. С 2014 г. он работает добровольцем в республике. «Мы считаем, что это наш народ и наши люди, мы не могли их бросить, – говорит Ю. Мезинов. – Все эти годы население на освобожденных территориях учили, что русские – это враги. А мы пришли доказать обратное»¹⁷. И как результат, вокруг добровольца объединились россияне, имеющие общую цель – помочь! Причем каждый делал то, что мог. За чуть больше года ими была сформирована гуманитарная сеть, включающая логистику по доставке различных благотворительных грузов в республику из различных субъектов России. Жители Подмосковья по вечерам и в выходные дни плетут и пересылают маскировочные сети. Сочинцы для военных собирают различную технику и оборудование. Добровольцы из Ростова-на-Дону пекут и передают печенье и пирожки с разной начинкой. Медики из Красноярска взяли шефство и помогают

¹⁶ Жизненно важные уроки: волонтеры Национального центра проводят занятия в школах ДНР // Сайт МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/5615515> (дата обращения 15 октября 2025).

¹⁷ Антонова А. В деле с 2014 года. Генерал гуманитарных войск: как сотрудник МЧС организовал добровольческий центр на освобожденных территориях сразу после признания ЛНР Россией // Комсомольская правда. 2024. 21 февр.

нескольким больницам ЛНР. В Екатеринбурге появился Фонд «Ветераны специальной военной и контртеррористических операций»¹⁸. Эти факты наглядно указывают на активизацию сплоченности российского общества в условиях СВО.

Характерным для МЧС и волонтеров, действующих на территории ЛНР и ДНР, является их постоянная работа над решением насущных проблем с учетом динамичной ситуации. Ими была организована на регулярной основе доставка воды жителям Донецка, так как из-за обстрелов социальной инфраструктуры УВС горожане остались без центрального водоснабжения. Поставляли они воду и городским учреждениям (больницам, котельным)¹⁹. И как результат, в прифронтовых населенных пунктах (Донецк, Макеевка, Ясиноватая, Горловка) отопительный сезон начался в положенный срок. Одним словом, благодаря своевременной помощи добровольцев и МЧС создать водную блокаду для горожан республики ДНР не удалось.

Особое внимание, как волонтерами, так и сотрудниками МЧС, уделяется психологической помощи пострадавшим, осуществляемой в форме консультаций, индивидуальных и групповых занятий, на которых выполняются специальные упражнения для стабилизации эмоционально-психологического состояния людей. В 2024 г. экстренная психологическая помощь была оказана свыше 14,8 тыс. раз, увеличение на 52,7% (в 2023 г. – 9688)²⁰.

Но не все так позитивно. При организации эвакуации людей не учитывается специфика их размещения в населенных пунктах на прифронтовых территориях. Украинская оккупация Курской области (около 60 сел и город Суджа) началась 6 августа утром. Однако региональные органы власти приступили к эвакуации 8 августа. К 12 августа вывезти удалось лишь 120 тыс. жителей. Конечно, за четыре дня эвакуировать десятки тысяч людей в боевых условиях – это неплохо. Но из-за неорганизованности органов власти люди оказались в смертельной опасности. Ничего не известно было о 2 тыс. человек, проживающих в почти 30 населенных пунктах

¹⁸ *Сергей Павленко*: «Общественная работа дает участникам СВО возможность понять, что они нужны и в мирной жизни» // Комсомольская правда. 2024. 18 нояб.

¹⁹ *Березин М.* МЧС и волонтеры наладили регулярную доставку воды жителям Донецка // Комсомольская правда. 2022. 21 нояб.

²⁰ Государственный отчет о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера 2024 года // Сайт МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/7807> (дата обращения 12 декабря 2025).

области, занятых украинскими силами. Из бесед с эвакуированными было выявлено, что системной эвакуации из отдаленных сел и деревень в первое время не было²¹. Жители приграничных населенных пунктов в социальных сетях утверждали, что о серьезной опасности им никто не сообщал.

Подобные факты подтверждены материалами и других исследований (Е.В. Иванов, А.Ю. Лебедев, А-А.И. Кодзоев): выявлено противоречие в планируемой практике и фактической организации оповещения и информирования населения. Государственные теле- и радиоканалы (до 98% потенциального охвата населения) имеют высокий уровень готовности к приему сигналов, но доля населения, принимающая их сообщения, достигает лишь 10% [Иванов и др. 2024]. Хотя МЧС в последнее время ежегодно проверяет работоспособность ресурсов и элементов гражданской обороны²².

Для привлечения общественного внимания к важным задачам, выполняемым волонтерами и национальными службами гражданской защиты – спасению жизней, необходимо широко пропагандировать их успешные действия на ТВ и радио, в социальных сетях и периодических изданиях разных территориальных уровней. С учетом данного посыла периодические издания МЧС должны быть доступны для россиян без какой-либо их оплаты. В настоящее время номер газеты «Спасатель МЧС России» издательства ФГБУ «МЧС Медиа» можно прочитать только заплатив 200 руб.²³

Результаты анализа обращений граждан к ГУ МЧС России по регионам выявили низкую информированность населения в области гражданской обороны. Например, изучение документов (обращение граждан) по ГУ МЧС Донецкой Народной Республике за 2024 и 2025 гг. выявило ограниченность восприятия их жителями задач гражданской обороны. Ибо последние были сведены лишь к проведению обследования территорий на наличие взрывоопасных предметов, а также извлечение неразорвавшихся снарядов (за 1-й квартал 2025 г. – 26 обращений по гражданской

²¹ «Шли на полусогнутых»: Жители курского приграничья – об эвакуации // РБК. 2024. 12 авг.

²² Борисов Т. «В бомбоубежища бежать не нужно». Как 4 октября пройдет масштабная проверка систем оповещения // Российская газета – Столичный выпуск. 2023. № 223 (9168). 3 окт.

²³ Газета «Спасатель МЧС России» издательства ФГБУ «МЧС Медиа» // Сайт PRESSA.RU. URL: <https://pressa.ru/ru/magazines/spasatel-mchs-rossii#/> (дата обращения 13 декабря 2025).

обороне из общего количества 172 обращения, 2-й квартал 2025 г. – 32 из 172)²⁴.

Для реализации основных полномочий МЧС России таких его рейтинговых задач, как подготовка населения и оповещение его об опасности, безусловно, требуется пересмотр информационной составляющей официального сайта министерства в области гражданской обороны. Необходимо публиковать свежие, важные и злободневные новости, ибо значительная часть пользователей непременно ими заинтересуется. Публиковать актуальные документы и комментарии к ним, ежедневно формируя тем самым общественное мнение, создавая информационное поле, увеличивающее поведенческие показатели пользователей за счет роста количества вернувшихся, а значит, постоянной аудитории, понимающей и продвигающей значимость социальной мобилизации в целях ответственности гражданской обороны как одного из показателей устойчивости и стабильности общества.

Заключение

Исследованием выявлены и обоснованы социальные аспекты востребованности гражданской самообороны для социальной активизации россиян в целях гражданской безопасности. Раскрыты особенности оказания разнообразной помощи пострадавшим в рамках совместных форм и методов работы МЧС и добровольческих организаций, а также волонтеров, действующих на освобожденных территориях после ведения боевых действий в ходе специальной военной операции.

За выявленными и приведенными в статье цифрами и фактами стоит как качественный, так и количественный результат деятельности сотрудников МЧС разного профиля. В то же время социальный аспект гражданской обороны ими явно недооценивается. Но в условиях отсутствия в правовом поле мер жесткого принуждения к участию в мероприятиях гражданской обороны нужно более активно стимулировать развитие добровольческих качеств. Гражданская безопасность должна быть общим делом специалистов МЧС и разных социальных групп россиян, только так возможно

²⁴ Итоги работы с обращениями граждан ГУ МЧС России по Донецкой Народной Республике // Сайт ГУ МЧС России по Донецкой Народной Республике. URL: <https://80.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/rabota-s-obrashcheniyami-grazhdan/itogi-raboty-s-obrashcheniyami-grazhdan> (дата обращения 12 декабря 2025).

изменить статистику гибели людей и материального ущерба от современных военных событий и их последствий.

Планируемые и фактические социальные мероприятия по гражданской обороне должны постоянно отслеживаться социологами в мониторинговом режиме, исключая из них неостребованные, для неизменного совершенствования деятельности основных субъектов. Общественная работа не только активизирует социальные ресурсы, но и выявляет реальные проблемы, дает участникам СВО возможность убедиться в том, что они нужны россиянам. При этом цель одна – иметь возможность максимально адекватно прогнозировать и успешно реагировать на динамику военно-социальных процессов для победы в СВО.

Литература

- Иванова и др. 2024 – *Иванов Е.В., Кодзоев А-А.И., Лебедев А.Ю.* О проблемной ситуации оповещения и информирования населения в чрезвычайных ситуациях // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2024. № 3 (62). С. 38–44.
- Зайцева 2025 – *Зайцева А.А.* Репрезентация феномена специальной военной операции в средствах массовой информации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 105–118.
- Шипунова 2016 – *Шипунова Т.В.* Гражданская безопасность и насилие: российские практики // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 121–128.
- Подольская, Назаркина 2016 – *Подольская Е.А., Назаркина В.Н.* Социальная безопасность: сущность, угрозы и пути обеспечения // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 133–139.

References

- Ivanov, E.V., Kodzoev, A-A.I. and Lebedev, A.Yu. (2024), "About the problematic situation of alerting and informing the public in emergency situations", *Scientific and educational problems of civil defense*, no. 3 (62), pp. 38–44.
- Podolskaya, E.A. and Nazarkina, V.N. (2016), "Social security: essence, threats and ways of ensuring", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 133–139.
- Shipunova, T.V. (2016), "Civil security and violence: Russian practices", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 121–128.
- Zaytseva, A.A. (2025), "Representation of the phenomenon of a special military operation in the mass media", *RSUH/RGGU Bulletin, "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 105–118.

Информация об авторе

Галина А. Цветкова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Qaltsvet@yandex.ru

Information about the author

Galina A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Qaltsvet@yandex.ru

УДК 004.056(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-50-62

Цифровые угрозы как вызов общественному договору между государством и обществом в РФ

Ольга В. Крыштановская

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, olgakryshst@yandex.ru*

Иван А. Лавров

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, lavrov.sociology@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу трансформации Российского государства в условиях стремительной цифровизации. Вводится и обосновывается концепт «Мета-России» – специфического цифрового пространства, в котором реализуются национальные интересы и формируется новая виртуальная государственность. В работе исследуются пять фундаментальных угроз, бросающих вызов традиционной государственной монополии. В их числе: влияние глобальной сети, девальвация законодательного регулирования в пользу программного кода, утрата «монополии на тайну», возникновение изолированных «цифровых гетто» и рост влияния «цифровых баронов». Рассматривается, как эти явления меняют институты власти, общественный договор и национальный суверенитет, создавая новые риски для социальной стабильности и безопасности. Обосновывается тезис о том, что ответом на эти вызовы становится переход к модели гибридного контроля, основанной на симбиозе государственных институтов и технологических платформ. Сохранение национального суверенитета требует не только технологических решений, но и глубокого социального картографирования виртуальной среды, а также актуализации общественного договора.

Ключевые слова: государство, суверенитет, цифровизация, цифровые платформы, пузыри фильтров, цифровые гетто, идентичность, Россия

Для цитирования: Крыштановская О.В., Лавров И.А. Цифровые угрозы как вызов общественному договору между государством и обществом в РФ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 50–62. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-50-62

© Крыштановская О.В., Лавров И.А., 2026

Digital threats as a challenge to the public contract between the state and society in the Russian Federation

Olga V. Kryshtanovskaya

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, olgakrysh@yandex.ru*

Ivan A. Lavrov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, lavrov.sociology@gmail.com*

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the transformation of the Russian state in the context of rapid digitalization. It introduces and substantiates the concept of “Meta-Russia” – a specific digital space where national interests are realized and a new virtual statehood is formed. The paper examines five fundamentally new threats challenging traditional state monopolies. These include the global nature of networks, the devaluation of legislative regulation in favor of software code, the loss of the “monopoly on secrecy”, the emergence of isolated “digital ghettos”, and the growing influence of “digital barons”. It examines how these phenomena are redefining institutions of power, the social contract, and national sovereignty, creating new risks for social stability and security. It is argued that the answer to these challenges lies in a transition to a hybrid control model based on the symbiosis of state institutions and technological platforms. Maintaining national sovereignty requires not only technological solutions but also a thorough social mapping of the virtual environment and the updating of the social contract.

Keywords: digital state, digital sovereignty, digitalization, digital platforms, filter bubbles, digital ghettos, digital identity, Russia

For citation: Kryshtanovskaya, O.V. and Lavrov, I.A. (2026), “Digital threats as a challenge to the public contract between the state and society in the Russian Federation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 50–62, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-50-62

Введение

Стремительная цифровая трансформация, пронизывающая все сферы современного общества, привела к возникновению качественно новых социальных реалий. «Мета-Россия», понимаемая как целостное цифровое пространство, в котором отражается суверенитет и интересы страны, стала объектом пристального внимания ученых-обществоведов. Это пространство не ограничено

рунетом и доменами .ru и .rf. Оно выходит за рамки распространения русского языка и присутствует повсюду в глобальной сети, где есть акторы, проявляющие интерес к России, действующие в ее интересах. В этой цифровой среде формируется виртуальная государственность, где по-иному встает вопрос идентичности и суверенитета, возникают новые угрозы и вызовы. Данные процессы неизбежно заставляют государство переосмыслить собственную цифровую идентичность. В условиях размывания физических границ институты власти сталкиваются с необходимостью фундаментальной ревизии своей роли и актуализации общественного договора с обществом, который теперь должен включать гарантии цифровой безопасности и защиты прав личности в сети. Подобная трансформация сопряжена с критическими рисками: от утраты цифровой субъектности до появления новых форм гибридных угроз, что требует от государства проактивной позиции в конструировании устойчивой и легитимной цифровой экосистемы.

Цель данной статьи – проанализировать природу основных угроз и рисков, исходящих от цифрового мира для государства, а также возможные последствия этого для социальной стабильности, национальной безопасности и государственного суверенитета.

Основные концепции влияния цифрового мира на социум

За время, прошедшее с появления Интернета, написано немало научных трудов, в которых делалась попытка осмысления онтологии сети. М. Каstellс связывал феномен цифрового общества с рождением «сетевой логики» и «информационализмом», утверждая, что главным фактором развития экономики теперь становится генерирование, обработка и применение знания на основе информационных технологий. Он писал, что общество теперь структурируется не вокруг иерархий, а вокруг децентрализованных сетей, власть в которых принадлежит тем, кто управляет «коммутаторами». Такого рода структуре соответствует социальный дуализм, когда включенные (интерактивные) и отключенные от сети составляют цифровой разрыв, что рождает новые типы неравенства [Castells 2010]. Г. Дженкинс сформулировал теорию конвергентной культуры, в которой границы между группами размываются и возникает «культура участия», где фанаты, блогеры, фолловеры активно создают, микшируют и распространяют контент. Это принципиально меняет медиаландшафт и саму суть публичной политики, помещая ее в причудливые формы флешмобов и челенджей [Jenkins 2006].

Но цифровое общество полно не только неизведанных объектов, правил и особенностей, но и рождает специфические риски, связанные с кибератаками, утечкой данных, тотальной слежкой, эпидемиями дезинформации. Причем эти риски больше не признают границ, они стали глобальными, что позволило У. Беку называть информационное общество «обществом риска» [Beck 1992; Beck 1999], в котором появляются совершенно новые возможности наблюдать за цифровыми аватарами, а через них управлять поведением людей в реальной жизни. Такие ресурсы манипуляции Ш. Зубофф называла инструментальной властью, способной действовать обходя демократические институты [Zuboff 2015; Zuboff 2019].

Все эти изменения несут человеческому обществу невероятный прогресс, но также и создают вызовы, которые только недавно начали сознаться. Мы попытаемся проанализировать пять основных угроз, с которыми сегодня столкнулось Российское государство.

Трансформация Российского государства в условиях цифровых вызовов

Это проблемное поле находит наибольшее отражение в трудах ФНИСЦ РАН, отмечающих, что

...цифровизация вступает в противоречие с устоявшимися бюрократическими практиками... актуализируя проблему ее совмещения с принципами горизонтального сетевого взаимодействия [Малышева 2018, с. 41].

При этом Л. Грэхэм полагает, что в России развитие прорывных технологий осуществляется по мобилизационному сценарию, при котором технологический прогресс оказывается отделенным от преобразований социально-политической системы, что обостряет проблему адаптационных возможностей государственных институтов [Грэхэм 2014].

Российское государство проводит масштабную работу, связанную с поиском ответов на современные цифровые вызовы. Эти задачи закреплены в национальных проектах и являются приоритетными для решения. Россия сегодня входит в десять лидирующих стран по цифровизации в системе госуправления с рейтингом А от Всемирного банка¹. Создаются и активно внедряются сервисные платформы, такие как Госуслуги, ЕМИАС, mos.ru и др.

¹ GovTech Maturity Index, 2022 Update: Trends in Public Sector Digital Transformation. Washington: World Bank, 2022. P. 35.

Однако фокусировка на сервисном удобстве не должна заслонять собой более глубокие структурные вызовы, порождаемые самой природой цифрового государства. Столь стремительная экспансия технологий в сферу властных отношений неизбежно выводит на первый план вопрос о «цифровой уязвимости» политической системы. Переход от концепции «государства как сервиса» к полноценному цифровому суверенитету требует критического осмысления обратной стороны технологического прогресса – комплекса системных рисков и гибридных угроз, способных трансформировать саму архитектуру государственной безопасности в виртуальном пространстве.

Глобальная сеть как системная угроза

Любое государство стремится к монополии – в контроле над границами, финансовыми, информационными, человеческими потоками, в применении насилия, системе поощрения и наказания, в структурировании общества. Еще М. Вебер определял государство как институт, претендующий на монополию легитимного физического насилия на определенной территории [Вебер 2021]. Эта монополия является фундаментом суверенитета и основой общественного договора. М. Фуко развивал эту мысль, демонстрируя как государственная власть реализует контроль через дисциплинарные институты, стремясь к тотальному наблюдению и регулированию социального тела [Фуко 1999].

В конце XX в. возникло виртуальное пространство, чья изначальная архитектура отрицала территориальные границы и централизованный контроль. Глобальный Интернет бросил вызов традиционной власти, заставив ее адаптироваться, создавать систему цифровых аватаров, гибридных форм управления. Интернет, изначально созданный как децентрализованная сеть, сопротивлялся территориальной логике. Он создал пространство, где коммуникация, финансы и идентичность могли осуществляться помимо государственных институтов. М. Кастельс еще в 1996 г. писал о возникновении «пространства потоков», которое доминирует над «пространством мест». Теперь власть стала концентрироваться в узлах глобальных сетей, часто находящихся вне прямого контроля национальных правительств, что подрывало их традиционную монополию [Castells 2010].

Глобальная сеть, создавшая новые центры притяжения и авторитета, бросила серьезный вызов государству, построенному на монополии. Возникает необходимость «переучреждения» государ-

ственной власти. Реакцией на это стал процесс «суверенизации Интернета», включивший в себя создание национальных IT-экосистем, локализацию данных и ужесточение контроля над инфраструктурой Интернета.

Гибридный контроль

Виртуальное пространство посягнуло еще на одну монополию государства: на создание законодательной базы, действующей на всей территории юрисдикции. Л. Лессиг утверждал, что в киберпространстве реальную регулирующую силу имеет не закон, а программный код (“Code is law”). Монополия государства на создание правил была оспорена частными корпорациями (Microsoft, Google, Meta*, которые архитектурно определяли возможности пользователей [Lessig 2006]. Осознав угрозу, государства перешли от пассивного наблюдения к активным стратегиям по восстановлению контроля, используя как силу закона, так и силу технологий. В частности, в России была ограничена деятельность ряда платформ. А парламент РФ принял рамочные законы, регулирующие деятельность в Интернете, внедряющие сложные системы управления трафиком в стремлении экстраполировать свою власть в цифровую среду.

Сегодня государство не отказывается от монополии, а трансформирует ее формы. Возникает модель гибридного контроля, где власть делегирует технические функции корпорациям, но сохраняет за собой верховное право на регуляцию и принуждение. По сути, происходит симбиоз государства и корпораций «надзорного капитализма», где государство выступает главным заказчиком на создание и использование инструментов слежения и анализа данных, не отменяя, а модернизируя свою монополию на контроль. Таким образом, мы наблюдаем не бесспорную победу децентрализованной сети над государством, а болезненную трансформацию последнего под давлением новых вызовов. Государство, используя правовые, технологические и геополитические инструменты, борется за восстановление своей монополии, но уже в новой, гибридной форме – монополии на цифровой суверенитет и на легитимацию моделей контроля в пределах своей юрисдикции. Таким образом, конфликт между государством и сетью привел не к исчезновению монополии, а к ее эволюции и усложнению в условиях цифровой реальности.

* Экстремистская организация, запрещена в РФ.

Прозрачность и «проблема секрета»

М. Вебер называл процесс утраты государственной властью мистического ореола в рациональную эпоху термином «десакрализация» [Вебер 2019]. Тайна, ритуал, символизм, на которых строилась традиционная власть, «расколдовываются» из-за излишней открытости, которую глобальная сеть неожиданно предоставила всем желающим. Если раньше возможность видеть была прерогативой специальных служб, то теперь монополия утрачивалась. «Проблема секрета» (как называл ее М. Фуко) [Фуко 2011] возникла в тот момент, когда Интернет нарушил асимметрию видимости: если раньше только государство обладало способностью «видеть все» (через статистику, архивы, полицейские досье), не будучи видимым само и не демонстрируя обществу свои реальные мотивы, то теперь этот «источник силы» был разрушен. Журналистские расследования, публикация закрытых сведений о влиятельных чиновниках, их состояниях, семьях и проч. нанесло существенный удар по власти. Утратив источник силы, связанный с тайной (государство всевидящий, но почти невидимый субъект), необходимо было найти защиту от прозрачности Интернета, которая разрушает самую основу властной технологии. Когда закулисные игры, интриги, прагматичные и не всегда моральные расчеты становятся публичным достоянием, исчезает аура «государственной мудрости», и политика предстает как поле жесткой конкуренции, что резко снижает ее символический капитал, обнажая ошибки, просчеты и эгоистические интересы акторов. Страх перед властью часто коренится в незнании ее истинных намерений и возможностей. Прозрачность снимает эту неопределенность. Если враг (оппозиция или иное государство) точно знает, как, когда и на каком основании власть будет действовать, он может эффективно противодействовать, обходить правила, мобилизоваться. Таким образом, секрет – это не просто умалчивание истины, это операционный простор для маневра актора, дающий возможность управлять.

Прозрачность, обусловленная особенностями цифровых пространств, взламывает еще и «монополию на истину»: ведь государство всегда претендовало на последнее слово в интерпретации ключевых событий (кризисов, войн, катастроф). Сетевые медиа с их разоблачениями, утечками и факт-чекингом производят альтернативные нарративы, регулярно подрывая информационную легитимность официальной позиции. В свое время работа Джулиана Ассанжа и сайта Викиликс превратили государственную тайну в публичный инструмент подрыва доверия к государству. Этот горький опыт заставил все государства искать новые ответы на вызовы.

Цифровые гетто

В Мета-России формируется новая система стратификации сообществ, которая приобретает все большее влияние на умы людей и на их идентичность. Эта система больше не базируется на социально-экономическом статусе ее членов. Ключевым критерием теперь становится количество подписчиков и владение цифровыми ресурсами. Возникает феномен сетевого неравенства и «цифрового разрыва» [van Dijk 2020], следствием чего становится появление «цифровых аристократов» – властителей умов и хостингов – и «лузеров», у которых нет никакого сетевого капитала, кроме скромного личного аккаунта.

Но более опасной становится стратификация, базирующаяся на «фильтрующих пузырях» [Parizer 2011] – изолированных сообществах со специфической внутренней повесткой (политической, религиозной, субкультурной). Иногда эти цифровые анклавы являются безобидным множеством единомышленников (одноклассников, приверженцев СССР, любителей котиков и проч.), но известны случаи, когда они радикализуются, становясь инкубаторами экстремистских идей, теорий заговора, этнической и социальной розни. Они представляют собой «слепые зоны» для государства, невидимые для традиционного мониторинга, но способные в любой момент инициировать координированную атаку на информационное пространство или спровоцировать реальные беспорядки.

С. Нобл использовала термин «цифровое гетто» [Noble 2018], понимая под ним зону цифрового пространства, где аватары оказываются изолированными в силу алгоритмических, социально-экономических, политических или культурных причин. Самой опасной формой такого рода закрытых сообществ становятся цифровые идеологические гетто, в которых скапливаются сторонники националистических, религиозных, конспирологических идей, формирующих враждебность к другим членам общества. Сегодня это понятие перестало быть метафорой, а стало термином, обозначающим новую социотехническую реальность, порождаемую взаимодействием Big Data, искусственного интеллекта и платформенного капитализма. Государство оказывается перед вызовом: игнорировать новый тип дискриминации или отслеживать такие «сетевые пузыри», в которых оказываются дети и подростки, пожилые и малообеспеченные люди, жители удаленных уголков страны.

Онлайн-бароны

Виртуальное пространство рождает и еще одну угрозу – власть «онлайн-баронов», частных лиц, которые создают технологии, внедряют их, распоряжаются цифровой инфраструктурой. Они могут произвольно изменять правила модерации, ограничивать доступ к ресурсам, продвигать одни нарративы и блокировать другие. Их потенциал влияния колоссален и опасность, на наш взгляд, до сих пор недооценена.

Мы видим, как владельцы международных IT-платформ могут влиять на исход выборов (это доказано на примере президентских выборов в США 2024 г.), менять ход военных действий (пример использования Старлинк), «отменять» одних знаменитостей и делать популярными других и проч. Гипотетическая «революция провайдеров» ставит под вопрос способность национального государства защищать свои интересы и идентичность своих граждан в виртуальном пространстве. По сути, уже сегодня многие облачные сервисы, магазины приложений, социальные сети и мессенджеры обладают квазигосударственной властью, позволяющей им в одностороннем порядке изменять правила модерации, вводя деструктивный контент. Через алгоритмы продвижения информации они способны формировать у граждан России картину мира, выгодную геополитическим конкурентам или коммерческим интересам корпорации. Нетократия, как назвали эту группу А. Бард и Я. Зодерквист [Бард, Зодерквист 2004], стала новым правящим классом, чья власть основана не на традиционной собственности, а на контроле над информационными потоками, сетевыми связями и вниманием аудитории.

Онлайн-бароны – это архитекторы и кураторы цифровых платформ, владельцы данных, влиятельные инфлюенсеры и топ-менеджеры IT-корпораций. Их могущество проистекает из способности фильтровать, структурировать и монетизировать информацию, что ставит их в положение новых «феодалных сеньоров» виртуального пространства. Их власть основана на контроле над инфраструктурой, которой вынуждены пользоваться миллионы; на владении большими данными, которые становятся в данном случае ключевым ресурсом [Срничек 2019]. Эта концентрация позволяет им диктовать правила игры на рынках, регулировать доступ к аудитории и конкурировать с традиционными институтами власти в управлении поведением людей.

Государство в РФ вынуждено реагировать на эту потенциальную угрозу, исходящую от цифрового правящего класса, выстраивая законодательные барьеры, устанавливая социальные связи с лидерами отрасли. Но говорить о том, что эта угроза полностью снята, пока рано.

Заключение

Мы коснулись лишь нескольких угроз, с которыми столкнулось Российское государство в связи с цифровизацией. Очевидно, что их значительно больше, и эта тема еще ждет своих исследователей. В заключение отметим некоторые шаги, которые делает государство для сохранения национальной безопасности в условиях новой реальности.

Глобальная сеть является системной угрозой не только для Российского государства. Процесс суверенизации Интернета идет во многих странах (широко известен пример «Великого китайского файрвола»). Национальные цифровые резервации создаются в разных юрисдикциях и являются попыткой государств сохранить суверенитет в цифровую эпоху [Goldsmith, Wu 2006]. В свое время для описания этой ситуации была предложена концепция «Сплинтернета» (*Splinternet*) [Schmidt, Cohen 2013], описывающая процесс фрагментации глобальной сети на изолированные сегменты в рамках стран или регионов. Стали использоваться термины «балканизация» и «суверенизация» Интернета. Россия также идет этим путем. Но не стоит забывать об опасности рождения «цифрового ГУЛАГа», который может привести к тотальному контролю, полной цензуре, управлению поведением людей через сети. Пройти между угрозой полной прозрачности (а значит незащитности) и цифрового «железного занавеса» – нелегкая задача, которая стоит перед нашим государством.

Гибридизация государственного контроля – один из выходов в сложившейся ситуации. Государство уже начало использовать традиционные методы правового регулирования Интернета, и, видимо, эта тенденция продолжится, так как «код» не должен заменить закон. Однако рост влияния людей, создающих код – нетократии, онлайн-баронов, IT-разработчиков, не может быть оставлен без внимания. Государство вынуждено будет и далее держать под контролем крупнейших провайдеров и цифровых гигантов, договариваясь с их владельцами о «правилах игры», обеспечивающих устойчивость общественного развития.

Для понимания происходящих процессов государство должно больше внимания уделять социальному картографированию виртуального пространства, так как именно здесь возможно появление деструктивных сил, часть из которых может нести угрозу стабильности. Оставляя «белые пятна» в онлайн-социуме, мы столкнемся с цифровыми гетто и сектами, «сетевыми пузырями», порождающими новые формы неравенства и сегрегации. Поскольку часть этих замкнутых сообществ посягает на дискурсивную монополию государства, необходимо уделять больше внимания «толкованию

смыслов» и побеждать не столько запретами и цензурой, сколько убедительностью аргументов, созданием больших аудиторий, возрождением общественной полемики.

Эти и подобные социальные изменения трансформируют общественный договор между государством и обществом. Прозрачность, сетцентричность, невероятная мобильность цифрового мира – не только вызов, но и возможность развития, основанная на преимуществах высоких технологий.

Благодарности

Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете в рамках государственного задания № FSZG-2026-0008 на тему «Социокультурная идентичность и социальная структура российского общества».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Acknowledgments

This study was conducted at the Russian State University for the Humanities as part of state assignment No. FSZG-2026-0008 on the topic “Sociocultural Identity and Social Structure of Russian Society”.

The authors declare no conflict of interests.

Литература

- Бард, Зодерквист 2004 – *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 256 с.
- Вебер 2019 – *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 544 с.
- Вебер 2021 – *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. М.: Рипол-классик, 2021. 292 с.
- Грэхэм 2014 – *Грэхэм Л.* Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.
- Мальшева 2018 – *Мальшева Г.А.* О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // *Власть.* 2018. № 1. С. 40–46.
- Срничек 2019 – *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
- Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

- Фуко 2011 – *Фуко М.* Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 274 с.
- Beck 1992 – *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 260 p.
- Beck 1999 – *Beck U.* World Risk Society. Cambridge: Polity Press, 1999. 192 p.
- Castells 2010 – *Castells M.* The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture. New Jersey: Wiley, 2010. 597 p.
- Goldsmith, Wu 2006 – *Goldsmith J., Wu T.* Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. Oxford: Oxford University Press, 2006. 238 p.
- Jenkins 2006 – *Jenkins H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. N.Y.: New York University Press, 2006. 308 p.
- Lessig 2006 – *Lessig L.* Code: Version 2.0. 2006. N.Y.: Basic Books, 2006. 410 p.
- Noble 2018 – *Noble S.U.* Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. N.Y.: New York University Press, 2018. 248 p.
- Parizer 2011 – *Parizer E.* The Filter Bubble: What The Internet Is Hiding From You. London: Penguin UK, 2011. 304 p.
- Schmidt, Cohen 2013 – *Schmidt E., Cohen J.* The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business. London: John Murray, 2013. 315 p.
- Van Dijk 2020 – *Dijk J., van.* The Digital Divide. Cambridge: Polity Press, 2020. 208 p.
- Zuboff 2015 – *Zuboff S.* Big other: Surveillance capitalism and the prospects of an information civilization // Journal of Information Technology. 2015. Vol. 30. № 1. P. 75–89. <https://doi.org/10.1057/jit.2015.5>
- Zuboff 2019 – *Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London: Profile Books, 2019. 691 p.

References

- Bard, A. and Soderqvist, J. (2004), *Netokratiya. Novaya pravyyashchaya ehлита i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism], Stokgol'mskaya shkola ehkonomiki v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia.
- Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage, London, UK.
- Beck, U. (1999), *World Risk Society*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Castells, M. (2010), *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture*, Wiley, New Jersey, USA.
- Dijk, J., van (2020), *The Digital Divide*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Foucault, M. (1999), *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Foucault, M. (2011), *Bezopasnost', territoriya, naselenie* [Security, Territory, Population], Nauka, St. Petersburg, Russia.
- Goldsmith, J. and Wu, T. (2006), *Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Graham, L. (2014), *Smozhet li Rossiya konkurovat'? Istoriya innovatsii v tsarskoi, sovetskoi i sovremennoi Rossii* [Lonely Russia: Can Russia Compete?], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

- Jenkins, H. (2006), *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*, New York University Press, N.Y., USA.
- Lessig, L. (2006), *Code: Version 2.0*, Basic Books, N.Y., USA.
- Malysheva, G.A. (2018), "On the socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society", *Vlast*, no. 1, pp. 40–46.
- Noble, S.U. (2018), *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*, New York University Press, N.Y., USA.
- Parizer, E. (2011), *The Filter Bubble: What The Internet Is Hiding From You*, Penguin, London, UK.
- Schmidt, E. and Cohen, J. (2013), *The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business*, John Murray, London, UK.
- Srniecek, N. (2020), *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki, Moscow, Russia.
- Weber, M. (2019), *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ehkonomiki, Moscow, Russia.
- Weber, M. (2021), *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a Vocation and Profession], Moscow, Russia.
- Zuboff, S. (2015), Big other: Surveillance capitalism and the prospects of an information civilization, *Journal of Information Technology*, vol. 30, no. 1, pp. 75–89. <https://doi.org/10.1057/jit.2015.5>
- Zuboff, S. (2019), *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, Profile Books, London, UK.

Информация об авторах

Ольга В. Крыштановская, доктор социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; olgakrysht@yandex.ru

Иван А. Лавров, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; lavrov.sociology@gmail.com

Information about the authors

Olga V. Kryshstanovskaya, Dr. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olgakrysht@yandex.ru

Ivan A. Lavrov, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; lavrov.sociology@gmail.com

УДК 316.4(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-63-72

Поколенческая идентичность
российской политической элиты
(1998–2024 гг.)

Владислав А. Перепелкин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, perepel_vlad@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются поколенческие ротации в российской элите в 1998–2024 гг. На основе данных, полученных в ходе биографического анализа 2605 персон, показано, что к 2024 г. в истеблишменте стали доминировать поколения, социализировавшиеся после перестройки. Этот процесс реформирует поколенческую идентичность элиты, однако ключевые позиции сохраняют более опытные политики. В силу этого в настоящее время мы не обнаруживаем существенных изменений политического курса под влиянием поколенческих ротаций.

Ключевые слова: политическая элита, поколения, российская элита, вертикальная мобильность, поколение застоя, возраст элиты, истеблишмент

Для цитирования: Перепелкин В.А. Поколенческая идентичность российской политической элиты (1998–2024 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 63–72. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-63-72

Generational identity of the Russian political elite
(1998–2024)

Vladislav A. Perepelkin

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, perepel_vlad@mail.ru*

Abstract. The article analyzes generational rotations within the Russian political elite from 1998 to 2024. Based on biographical data from 2,605 individuals, the study demonstrates that by 2024, generations socialized after Perestroika have become dominant within the establishment. This process is reshaping the elite's generational identity. However, key positions are still retained by more experienced politicians. Consequently, we do not currently

© Перепелкин В.А., 2026

observe significant shifts in political course attributable to these generational rotations.

Keywords: political elite, generations, Russian elite, generational change, stagnation generation, elite age structure, establishment

For citation: Perepelkin, V. A. (2026), “Generational identity of the Russian political elite (1998–2024)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 63–72, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-63-72

Введение

Обновления в верхних стратах политического класса – естественный процесс, которому посвящено множество работ. Ученые отмечали, что в условиях глобальных изменений общества динамика ротаций возрастает, укорененные политики сменяются молодыми игроками. О.В. Крыштановская описывала эти процессы для российской элиты [Крыштановская 2003]. Вероятно, не станет исключением и период после окончания СВО: уже созданы кадровые программы для рекрутации в элиту ветеранов. Так, например, «Время героев» осуществляет подготовку военнослужащих под кураторством чиновников из администрации президента для представления на должности в высших эшелонах власти.

Между тем инкорпорация представителей различных социальных групп в истеблишмент отражается на принимаемых властью решениях. С этим связаны исследования о представленности в элите женщин и мужчин, военных и гражданских чиновников и др. Особую роль играет и принадлежность к поколению: условия социализации и исторический контекст в значительной мере определяют ценности и мировосприятие, тем самым формируя поколения людей – большие общности со схожими взглядами и установками. Сегодня практически не встречается исследований, позволяющих оценить процесс кадровых ротаций через призму теории поколений. В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос, происходит ли смена поколений в современной российской элите и влияет ли это на политическую систему изнутри.

Теоретические подходы к изучению поколений

Введение в теорию поколений восходит к эссе К. Мангейма, он определяет поколение через местоположение в пространстве и времени крупной социальной общности, проживающей общий опыт

[Mannheim 1952]. Мы будем опираться на периодизацию поколений, созданную В.В. Радаевым [Радаев 2018]. Он предложил ее, выделив формирующие события для современных российских поколений. На сегодняшний день, как будет показано в исследовании, поколенческие ротации в российской элите происходят преимущественно между поколением «застоя» (1947–1967 годы рождения) и реформенного поколения (1968–1981 годы рождения). В рамках этой работы мы объединяем миллениалов с реформенным поколением исходя из допущения, что ключевой водораздел лежит между теми, кто прошел социализацию в консервативной системе зрелого социализма, и теми, кто вступил в формирующие годы в период перестройки и после распада СССР.

Приняв это допущение, мы опирались на ряд исследований: так, в частности, Е.Л. Омельченко показала, что крах СССР усилил поколенческую дифференциацию [Омельченко 2004]. Поколенческий разрыв между поколениями до перестройки и после нее фиксировали Л.Н. Вдовиченко и В.А. Сапрыка, изучая ценности возрастных групп [Вдовиченко 2023] и идентичность молодежи [Сапрыка 2025]. Отдельного внимания заслуживают исследования, показавшие влияние условий становления на формирование ценностей. Например, Е.А. Колосова изучала практики трудового воспитания, которые во многом детерминируют профессиональную траекторию человека [Колосова 2024]. Анализом ротаций в российской элите занимался А.В. Шаратов, анализирующий программы рекрутации молодежи в истеблишмент [Шаратов 2019]. А.С. Быстрова с соавторами и Д.Б. Тев изучали бассейны и каналы рекрутации элит [Быстрова и др. 2021; Тев 2025]. Н.А. Юшкина анализировала профессиональные лифты [Юшкина 2020], Н.Н. Мещерякова разбирала образовательные институты, способствующие инкорпорации в элиту [Мещерякова, Крыштановская 2023].

Методология и методика исследования

В качестве эмпирической базы мы используем данные исследования «Мониторинг российской элиты», проводимого О.В. Крыштановской. Для анализа поколенческих ротаций в истеблишменте мы выполнили четыре среза системы: 1998, 2004, 2014 и 2024 гг. Придерживаясь позиционного подхода, мы определили перечень элитных должностей и формировали списки людей, занимающих эти должности на 1 января каждого года. В перечень вошли: Президент РФ, руководители Администрации Президента, федеральных министерств, агентств, служб и надзоров, сенаторы и депу-

таты российского парламента, руководители их аппаратов, судьи Конституционного, Верховного и Арбитражного (до 2014 г.) судов, генпрокурор, председатель СК, председатели ЦИК РФ, ЦБ РФ и Счетной палаты РФ.

Выбор реперных точек был обусловлен следующими вводными.

К 1998 г. была сформирована команда под руководством Б.Н. Ельцина, стабилизированы политические институты. Система еще не вошла в состояние турбулентности перед трансформацией 1998–1999 гг.

К 2004 г. люди Ельцина покинули верхние эшелоны власти, страну возглавил новый Президент, заполняющий вертикаль своими кадрами. Возникли федеральные округа, которые возглавили полпреды, была переизбрана Госдума.

2014 г. запомнился вхождением полуострова Крым в состав России, однако к *1 января 2014 г.* эти события еще не были инициированы. Выбор этой даты позволил нам зафиксировать состояние системы накануне изменений.

Срез, выполненный к *1 января 2024 г.*, отражает состояние современной политической системы.

Мы выделили 2605 биографий персон, занимающих ключевые должности в российской элите в каждой из точек отсечения. В 1998 г. – 805 чел., 2004 г. – 856 чел., 2014 г. – 887 чел., 2024 г. – 900 чел. Сумма составов не равна общей совокупности, поскольку некоторые политики сохраняли свое положение в элите долгое время.

В качестве источников биографической информации использовались открытые данные, опубликованные на сервере органов государственной власти www.gov.ru, ресурсах министерств, ведомств, политических партий и т. п. Для доступа к персональным составам и биографиям элитариев предыдущих лет был использован сервис Wayback Machine¹.

Поколенческие обновления в современной российской элите

Свидетельством кадровых ротаций в элите могут служить данные о доле сохранивших свое место в системе с 1 января 1998 г. к 1 января 2024 г. Анализ показывает, что из 805 человек, занимающих руководящие посты на 1998 г., к 2024 г. сохранили свой статус

¹ Internet Archive Wayback Machine. URL: <https://web.archive.org/> (дата обращения 3 января 2025).

около 4,5%, что указывает на высокую динамику ротаций. С 2004 г., из людей, вошедших в первую элиту Владимира Путина, сохранилось 13,4% кадров. Однако сам факт обновления истеблишмента не указывает на то, что происходит замещение поколений, поскольку вакантные места могут занимать люди, сформировавшиеся в том же историческом контексте. Мы сравнили возраст тех, кто впервые вошел в политическую элиту, и тех, кто ее покинул (табл. 1).

Таблица 1

Средний возраст кадров, рекрутируемых в элиту
и ушедших в отставку (лет)

Средний возраст категорий элиты	Политическая элита			
	1998	2004	2014	2024
Элита в целом, в том числе:	50,34	51,19	54,45	56,38
Новые кадры в элите	–	49,7	52,2	52,7
Покидающие элиту	–	56,6	61,8	65,6

Источник: База данных «Мониторинг российской элиты», содержащая биографические данные 2975 чел. представителей истеблишмента РФ, собранные из открытых источников по авторской методике в 1998–2025 гг.

В таблице отражен тренд на увеличение возрастной дистанции между двумя группами. Если в 2004 г. разница в возрасте между инкорпорированными и экскорпорированными кадрами составляла около 7 лет, то к 2024 г. она увеличилась почти до 13 лет. Чем старше становилась система, тем чаще молодые кандидаты занимали места более пожилых. Однако принципиальное значение для нашего исследования играет тот факт, что в 2004 г. ротации преимущественно осуществлялись среди людей, принадлежащих к одному поколению. Абсолютное большинство из них делали карьеру в позднем СССР и встретили распад государства в зрелом возрасте, со сформированными взглядами и ценностями.

В 1998 г. поколение «застоя» было доминирующим, к нему принадлежало 57,3% элитариев. К 2024 г. его репрезентация снизилась до 47,1%. Численность тех, чье становление прошло после начала перестройки и крушения СССР, выросла от 1% в 1998 г. до более чем 50% впервые. Это указывает на динамичную смену поколений

в элите. Исторический контекст, в котором происходила социализация возрастных политиков, разительно отличается от условий социализации более молодых. Их раннее детство пришлось на период послевоенного восстановления с жестким политическим контролем. Формирующие годы выпали на брежневский застой с жесткой идеологией, жизненные траектории были относительно стандартизированы. Страна была закрыта для остального мира не только в отношении миграции и туризма, государство стремилось максимально ограничить влияние западной культуры.

Их преемники, вошедшие в элиту в 2024 г., росли в принципиально иных обстоятельствах, вне идеологии и высокой централизации власти. В период их взросления в российском обществе стремительно возросла социальная мобильность. Страна становилась частью глобального мира, что отражалось на культуре, ценностях и мировосприятии людей. Еще одним штрихом в поколенческой идентичности молодых представителей элиты стала широкая цифровизация общества. Многие из них с ранних лет обладают доступом к компьютерам и Интернету. Цифровое неравенство сказывается на эффективности взаимодействия власти с обществом, в одном из предыдущих исследований мы показали, что профессиональные политики сталкиваются с трудностями адаптации к социальным сетям, что снижает их электоральный потенциал [Перепелкин, Крыштановская 2025]. Кроме того, возможность молодежи артикулировать свои интересы с помощью цифровых сетей связывают с политическим нигилизмом и снижением доверия к профессиональным политикам [Крыштановская, Лавров 2022].

Прогнозируя эффект от поколенческих ротаций, необходимо оговориться, что и внутри одного поколения встречаются люди с диаметрально противоположными ценностями и взглядами. Объясняя этот феномен, П. Штомпка писал о дихотомии между инерцией доминирующей культуры и индивидуальными факторами социализации: подавляющее большинство людей по мере социализации делают распространенные шаблоны органической частью своей человеческой натуры². Если же социализация оказывается неполной, происходит в особых условиях, индивид сопротивляется конформизму. Процесс формирования личности носит сложный и многоаспектный характер, не детерминированный полностью историческим контекстом. Склонность индивида проявлять характеристики, предписываемые ему поколенческой идентичностью, реализуется лишь с той или иной вероятностью.

² Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Учеб. / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. С. 250.

Поколения «оттепели» и «застоя» вымываются из элиты, сменяясь поколением реформ и миллениалами. Политики, прошедшие социализацию после перестройки и распада СССР, стали доминирующей группой с 2014 по 2024 г., что может свидетельствовать о смене поколенческой идентичности, происходящей в истеблишменте. В настоящее время мы не фиксируем принципиальных изменений в государственной политике, ряд свидетельств указывает на усиление консервативных тенденций. Это связано с продолжением политики поколений, сформировавшихся в период зрелого социализма. Утратив численное доминирование, они сохранили ряд ключевых должностей. Так, в частности, из 14 постоянных членов Совета безопасности РФ на сегодняшний день лишь один принадлежит к поколению реформ. Тем не менее ротации, осуществляемые элитой, постепенно переформатируют ее поколенческую идентичность. Кандидаты, занимающие места бывших руководителей, как правило, моложе своих предшественников и принадлежат к другому поколению. Таким образом, политическая система сохраняет структуру, меняясь сущностно.

Заключение

Проведенное нами исследование показало, что с 1998 г. возрасла динамика поколенческих ротаций в элите. В 2024 г. в нее преимущественно рекрутируются политики, чьи формирующие годы выпали на период после перестройки и распада СССР. Эти люди проходили социализацию в качественно ином обществе, чем их предшественники. Безусловно, формирование личности обусловлено множеством индивидуальных факторов и не может быть детерминировано лишь принадлежностью к поколению, что усложняет прогнозы политических изменений. Тем не менее многочисленные исследования показывают, что граждане, чье становление пришлось на постсоветский период, в массе своей выросли в иной ценностной парадигме, отличаются меньшим консерватизмом, иначе реагируют на вызовы. К 2024 г. их доля в истеблишменте превзошла долю поколений оттепели и застоя. Однако говорить об изменениях, связанных с переформатированием идентичности элиты, рано, поскольку ключевыми фигурами по-прежнему остаются более опытные политики. Тем не менее ротации непрерывно происходят, и поколенческая идентичность меняется.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации госзадания по НИР «Социокультурная идентичность и социальная структура российского общества», шифр научной темы FSZG-2026-0008.

Acknowledgments

This publication was prepared as part of the state research assignment “Sociocultural Identity and Social Structure of Russian Society”, research topic code FSZG-2026-0008.

Литература

- Быстрова и др. 2021 – *Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В. и др.* Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // *Власть и элиты.* 2021. Т. 8. № 2. С. 21–54.
- Вдовиченко 2023 – *Вдовиченко Л.Н.* Роль политической культуры в процессе формирования общей гражданской идентичности // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2023. № 3. Ч. 2. С. 277–287.
- Колосова 2024 – *Колосова Е.А.* Семейное трудовое воспитание: гендерный аспект изучения событийности детства // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2024. № 3. С. 91–102.
- Крыштановская 2003 – *Крыштановская О.В.* Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты // *Общественные науки и современность.* 2003. № 5. С. 33–45.
- Крыштановская, Лавров 2022 – *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Молодежь в поисках своей партии // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2022. № 70. С. 242–250.
- Мещерякова, Крыштановская 2023 – *Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В.* Качество образования российской политической элиты // *Высшее образование в России.* 2023. Т. 32. № 12. С. 138–156.
- Омельченко 2004 – *Омельченко Е.Л.* Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. 184 с.
- Перепелкин, Крыштановская 2025 – *Перепелкин В.А., Крыштановская О.В.* Цифровая элита и традиционные политики // *Цифровая социология.* 2025. Т. 8. № 2. С. 17–26.
- Радаев 2018 – *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования.* 2018. № 3 (407). С. 15–33.

- Сапрыка и др. 2025 – *Сапрыка В.А., Дорохова Ю.В., Хатнюк Н.Н.* О формировании гражданской идентичности у студенческой молодежи Орловской области // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 2. С. 86–107.
- Тев 2025 – *Тев Д.Б.* Каналы рекрутирования мэров столиц субъектов Российской Федерации // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 113–124.
- Шарапов 2019 – *Шарапов А.В.* Формы омоложения политической и государственной элиты РФ в 2000-е гг. // *Society and Security Insights*. 2019. № 1. С. 113–122.
- Юшкина 2020 – *Юшкина Н.А.* Профессиональные лифты в политическую элиту России // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 4. С. 25–35.
- Mannheim 1952 – *Mannheim K.* The sociological problem of generations // *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul, 1952. P. 163–195.

References

- Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., et al. (2021), “Institutionalization of the regional administrative elite: Recruitment pool and career trajectories”, *Vlast' i elity* [Power and Elites], vol. 8, no. 2, pp. 21–54.
- Kolosova, E.A. (2024), “Family labor education: The gender aspect of studying the eventfulness of childhood”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 91–102.
- Kryshstanovskaya, O.V. (2003), “Have-beens. Tendencies of descending mobility of Russian elite”, *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 33–45.
- Kryshstanovskaya, O.V. and Lavrov, I.A. (2022), “Youth in Search of Their Party”, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 70, pp. 242–250.
- Mannheim, K. (1952), “The Sociological Problem of Generations”, *Essays on the Sociology of Knowledge*, Routledge & Kegan Paul, London, UK, pp. 163–195.
- Meshcheryakova, N.N. and Kryshstanovskaya, O.V. (2023), “The Quality of Education of the Russian Political Elite”, *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], vol. 32, no. 12, pp. 138–156.
- Omelechko, E.L. (2004), *Molodezh': Otkrytyi vopros* [Youth: An Open Question], Simbirskaya kniga, Ulyanovsk, Russia.
- Perepelkin, V.A. and Kryshstanovskaya, O.V. (2025), “Digital elite and traditional politicians”, *Digital Sociology*, vol. 8, no. 2, pp. 17–26.
- Radaev, V.V. (2018), “Millennials compared to previous generations: An empirical analysis”, *Sociological Studies*, no. 3, pp. 15–33.
- Sapryka, V.A., Dorokhova, Yu.V. and Khatnyuk, N.N. (2025), “On the Sharpening of Civic Identity Among Student Youth in the Oryol Region”, *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], vol. 16, no. 2, pp. 86–107.
- Sharapov, A.V. (2019), “Forms of Rejuvenation of the Political and State Elite of the Russian Federation in the 2000s”, *Society and Security Insights*, no. 1, pp. 113–122.

- Tev, D.B. (2025), “Heads of Administrations of the Subjects of the Russian Federation Capitals: Recruitment Channels”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 113–124.
- Vdovichenko, L.N. (2023), “The role of political culture in the formation of a common civic identity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 277–287.
- Yushkina, N.A. (2020), “Professional elevators to the Russian political elite”, *Digital Sociology*, vol. 3, no. 4, pp. 25–35.

Информация об авторе

Владислав А. Перепелкин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Perepel_vlad@mail.ru

Information about the author

Vladislav A. Perepelkin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Perepel_vlad@mail.ru

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-73-83

Сущностные критерии справедливой жизни в общественном сознании россиян

Елена А. Ирсетская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического
центра РАН, Москва, Россия, e.irs@rggu.ru*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность общественного запроса на справедливое устройство российского общества. Анализируются представления россиян о справедливости в различных сферах общественной жизни. Описаны существующие барьеры, влияющие на восприятие современного российского общества как справедливого. В теоретико-методологическом плане, в процессе описания сущностных критериев, основываясь на которых можно говорить о справедливости современных общественных структур и институтов, автор опирается на концепцию функциональных возможностей А. Сена и М. Нисбаума, а также на положения теории справедливости Дж. Ролза. В работе выделены значимые критерии справедливой жизни, а также дана оценка данных критериев в общественном сознании россиян.

Ключевые слова: социальная справедливость, критерии социальной справедливости, справедливое общество

Для цитирования: Ирсетская Е.А. Сущностные критерии справедливой жизни в общественном сознании россиян // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 73–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-73-83

The essential criteria of a just life in the public consciousness of Russians

Elena A. Irsetskaya

*Russian State University for the Humanities,
Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, e.irs@rggu.ru*

Abstract. The article substantiates the relevance of the public demand for a fair structure of Russian society. The article analyzes Russians' ideas

© Ирсетская Е.А., 2026

about justice in various spheres of public life. The existing barriers affecting the perception of modern Russian society as fair are described. In theoretical and methodological terms, in the process of describing the essential criteria on the basis of which we can talk about the fairness of modern social structures and institutions, the author relies on the concept of functional capabilities of A. Sen and M. Nussbaum, as well as on the provisions of the theory of justice by J. Rawls. The paper highlights the significant criteria of a fair life and assesses these criteria in the public consciousness of Russians.

Keywords: social justice, criteria of social justice, a just society

For citation: Irsetskaya, E.A. (2026), “The essential criteria of a just life in the public consciousness of Russians”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 73–83, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-73-83

В современном обществе запрос на справедливое устройство является центральным и крайне актуальным как со стороны власти, так и со стороны общества. Представления о справедливом общественном устройстве, разделяемое большинством россиян, позволит консолидировать граждан вокруг общих норм и ценностей, а также будет способствовать повышению устойчивости общественно-политической системы в целом [Сащенко и др. 2025]. Обращаясь к Указу Президента В.В. Путина о национальных целях развития¹, отметим, что в нем обозначена одна из основных задач – деятельность по сокращению неравенства, обусловленного имущественными различиями, а также меры по формированию и укреплению чувства социальной справедливости у граждан России. Среди понятий, которые могли бы, по мнению россиян, лечь в основу политики возрождения России, лидирующая позиция принадлежит справедливости (33%). Далее по степени актуальности следуют мир (24%), права человека (20%), закон и порядок (17%)².

Справедливое общественное устройство главным образом ассоциируется с эффективной социальной политикой и поддержкой.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>. (дата обращения 23 декабря 2025).

² Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. С. 57. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2025/Kak_zhivesh_Rosiya_55_2025_final.pdf (дата обращения 23 декабря 2025).

Следующим по значимости аспектом для россиян является справедливая система управления. Такая система должна обеспечивать равенство людей перед законами, безопасность всех членов общества, а также достойный уровень жизни. Среди ключевых составляющих справедливого общества также важны возможность свободы выбора, предоставление равных возможностей и общественная сплоченность³.

Интересно отметить, что в целом по вопросу о том, справедливо ли устроено российское общество, в общественном мнении россиян однозначной позиции не наблюдается: половина граждан считает, что общество устроено справедливо, и вторая половина считает, что нет⁴.

Мозаичность представлений россиян о социальной справедливости может различаться по многим основаниям [Ирсетская 2023]. Оценивая в целом деятельность российского государства мы видим, что за последние 5 лет россияне стали считать ее более справедливой. Снизилась доля тех, кто считает, что государство защищает интересы богатых (с 55% в 2021 г. до 35% в 2025 г.), увеличилась доля тех, кто считает, что государство действует и защищает интересы всех граждан (с 16% в 2021 г. до 39% в 2025 г.), а также мы можем видеть увеличение доли респондентов, ответивших, что государство защищает интересы бедных слоев (с 3% в 2021 г. до 5% в 2025 г.)⁵ (см. табл. 1).

При этом важно отметить, что большинство опрошенных демонстрируют положительное отношение к курсу проводимых в России экономических реформ (об этом заявили 74% опрошенных в 2025 г.)⁶. Обращаясь к оценке экономических реформ в динамике (за последние 5 лет), мы можем видеть, что сократилась доля тех, кто заявляет об отрицательной оценке реформ в сфере экономики (с 34% в 2021 г. до 18% в 2025 г.) (см. табл. 2).

³ Социальная справедливость: мониторинг // Официальный сайт Аналитического центра ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring-07052025>. (дата обращения 25 декабря 2025).

⁴ Там же.

⁵ Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга...

⁶ Там же.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
 «Чьи интересы, по вашему мнению,
 выражает и защищает сегодня Российское государство?»
 (РФ, % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2021	2022	2023	2024	2025
Богатых	55	41	38	41	35
Всех граждан России	16	35	38	38	39
Бюрократии	37	22	21	23	26
Среднего класса	11	13	11	10	12
Бедных слоев	3	5	5	6	5
Затрудняюсь ответить	9	14	17	13	14

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга...

Таблица 2

Динамика изменения отношения респондентов
 к курсу проводимых экономических реформ
 (РФ, % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2021	2022	2023	2024	2025
В основном положительно	23	42	43	50	47
В основном отрицательно	34	23	18	19	18
Безразлично	28	17	18	16	17
Затрудняюсь ответить	15	18	21	15	18

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга...

По данным исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН⁷, среди проблем, которые волнуют россиян, были отмечены следующие: дороговизна жизни, рост цен на продукты питания, повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги, высокая инфляция (см. табл. 3).

⁷ Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга...

Таблица 3

Уровень тревожности респондентов
 Вопрос: «В какой степени вас беспокоят следующие проблемы?»
 (РФ, май 2025 г., N = 1300, % по каждой строке*,
 ранжировано по индексу тревожности)

Проблемы	Беспокоит в высокой степени (k = -1)
Рост цен на продукты питания	79
Повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги	77
Дороговизна жизни	74
Высокая инфляция	71

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга...

В теоретических подходах к изучению справедливой жизни исследователи выделяют ряд значимых аспектов, которые могут лечь в основу критериев, на основании оценки которых в общественном мнении складываются представления о справедливой жизни.

В теории Дж. Ролза рассматривается справедливая организация системы общественных отношений, позволяющая каждому человеку вести достойную благополучную жизнь. Выделяется два основных принципа справедливости: принцип равных свобод и принцип дифференциации. Важно, что принцип дифференциации аккумулирует равенство возможностей для всех участников социальных отношений, а также социально-экономические неравенства, обеспечивающие поддержку наименее защищенных социальных групп [Соловьева 2022].

Концепция функциональных возможностей А. Сена и М. Нисбаума содержит анализ и оценку реальных условий жизни людей. В рамках данной концепции осмысливается деятельность индивида как члена общественных отношений в экономической, социальной и политической сферах деятельности. Авторы стремятся обосновать критерии, которые позволят говорить о возможности полноценного функционирования индивида в обществе. Идея А. Сена, согласно которой возможно аккумулировать ряд функций полноценного существования индивида, легла в основу перечня наиболее значимых «функциональных возможностей человека», в дальнейшем развиваемую М. Нисбаум. Среди функций социального бытия отмечены блага, которые имеют наивысшее значение:

здоровье, образование, материальная обеспеченность, возможность участия в общественно-политической жизни, возможность реализации своих жизненных целей и др. [Карнаш 2011].

Принцип социальной справедливости в концепции А. Сена и М. Нисбаума предусматривает наличие условий, создаваемых государством и обществом, для развития функциональных возможностей индивида [Карнаш 2011].

Таким образом, для описания оценки гражданами справедливой жизни, как комплексного, многогранного понятия, выделим следующие критерии социальной справедливости. Во-первых, отметим равенство возможностей. При этом важно рассмотреть этот критерий не с точки зрения его формального декларирования, а с точки зрения наличия в обществе реальных возможностей его реализации. Во-вторых, обозначим критерий справедливой оплаты труда. Подойдем к анализу рассмотрения данного критерия как значимого аспекта справедливого распределения ресурсов. Получая достойное вознаграждение за труд, человек имеет возможность обеспечивать и поддерживать достойный уровень жизни, здоровья, получать образование и др. запросы, согласно существующего дохода. В-третьих, отметим критерий главенства права. Обращаясь к теории функциональных возможностей, отметим, что право является основной гарантией, позволяющей индивиду реализовывать свои возможности. В-четвертых – возможность участия в социально-политических процессах. В концепции М. Нисбаум данный критерий описан как один из ключевых, так как, по мнению автора, именно возможность участия в социально-политической жизни общества ведет к социальной справедливости, согласно которой человеку должна быть предоставлена возможность быть услышанным. Таким образом обеспечивается доступ к инструментам, позволяющим влиять на государственные решения, непосредственно касающиеся жизни индивида и формировать политическое окружение. В-пятых – это социальная защищенность. Рассуждая о данном критерии, нужно иметь в виду, что фундаментальные возможности человека (жизнь, здоровье, человеческое достоинство) не могут быть реализованы без эффективного функционирования институтов, обеспечивающих социальную поддержку и защиту населения.

Рассмотрим обозначенные критерии последовательно, принимая во внимание, что их соблюдение будет характеризовать степень оценки справедливого устройства всего современного российского общества в целом.

Обратимся к анализу критерия равенства возможностей в общественном мнении россиян. Здесь важно отметить, что каждый человек, независимо от своего происхождения, пола, националь-

ности или социального статуса, может получить качественное образование, медицинское обслуживание, имеет возможность трудиться и получать оплату за результаты своего труда, отражающие его компетенцию и профессионализм, а не наличие связей. Разрыв взаимосвязи между различным уровнем затрачиваемых усилий по достижению благополучия, а также наличие неравных стартовых возможностей часто проявляется в неравенстве доходов и несправедливом распределении финансовых ресурсов. Различия в доходах, обусловленные неодинаковыми стартовыми возможностями, которые человек не может изменить, обостряют социальное чувство несправедливости. Результаты исследования Института социального анализа и прогнозирования Президентской академии показывают, что от 23 до 25% фиксируемого неравенства трудовых доходов и 16–19% различий среднедушевых доходов могут быть обоснованы неравенством возможностей [Карцева, Кузнецова 2020]. Таким образом, значимой задачей сегодня является деятельность по устранению экономических, правовых и иных барьеров, препятствующих человеку реализовать свои возможности в различных значимых для него сферах деятельности.

О значении равенства возможностей высказывается Президент В.В. Путин в ходе встречи с руководителями фракций политических партий в Госдуме РФ. Глава государства подчеркнул, что решение данной задачи крайне актуально для органов власти⁸.

Рассмотрим критерий справедливой оплаты за труд. Заработная плата, а также социальное и профессиональное признание должны быть релевантными квалификации человека, а также тем усилиям, которые он прикладывает при решении рабочих задач. Справедливое вознаграждение за труд позволяет обеспечить формирование мотивации эффективной трудовой деятельности и дальнейшему профессиональному и личностному развитию человека. Результаты исследований показывают, что основной задачей российских работодателей сегодня является формирование справедливой компенсационной стратегии, т. е. справедливой и обоснованной системы оплаты труда работников⁹. Обращаясь к данным ВЦИОМ,

⁸ Путин призвал стремиться к равенству возможностей для всех россиян // Официальный сайт РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20250918/putin-2042756691.html?ysclid=mhrn771drl419702983> (дата обращения 25 декабря 2025).

⁹ Гранкова В. Почему справедливая оплата труда особенно важна сейчас // Аналитический портал Ведомости. 4 июля 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/06/04/831964-spravedlivaya-oplat-a?ysclid=mhro0n5z4x582564007> (дата обращения 22 декабря 2025).

отметим, что сегодня большинство россиян (79%) довольны своей основной работой, и более половины опрошенных (56%) выразили удовлетворенность заработной платой¹⁰.

Критерий главенства права и равноправие включает в себя обеспечение равенства всех граждан перед законом. Правовые, административные и прочие санкции должны применяться непредвзято к любому члену общества. При этом права людей должны быть обеспечены и защищены, а их реализация возможна в полной мере. Анализируя значение показателя индекса, характеризующего равенство граждан перед законом и судом, рассчитанного ИСПИ ФНИСЦ РАН¹¹ в интервале от +1 до -1 (где «+1» – выполняет, «-1» – не выполняет), отмечено, что он имеет отрицательное значение (значение индекса = -0,2). Это говорит о том, что респонденты видят в реализации данного направления проблемы и препятствия. Соответственно можно говорить о том, что эта сфера нуждается в повышенном внимании и регулировании со стороны государства и соответствующих социальных институтов.

В справедливом обществе важным является деятельность институтов и механизмов, направленных на реализацию социальной защиты граждан. Обеспечение поддержки и заботы о тех, кто находится в сложной жизненной ситуации: инвалиды, пожилые люди, малообеспеченные граждане и др. Важной задачей является обеспечение достойного уровня существования для данных социальных групп, что позволит им поддерживать социально приемлемый уровень жизни, а также предотвратит возникновение девиантных и социально разрушительных практик поведения. Обращаясь к данным исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН по оценке выполнения государством своих обязанностей в области социальной защиты, была рассчитана оценка интегрального индекса в интервале от +1 до -1. Полученное положительное значение индекса (значение индекса = +0,5) говорит о положительной оценке гражданами гарантий государством социальной защиты. В оценку интегрального индекса «Социальной защиты» вошли следующие составляющие: право на охрану здоровья и медицинскую помощь; защита государством материнства и детства; право на социальное обеспечение и пенсию; право на выбор про-

¹⁰ ВЦИОМ: большинство россиян удовлетворены зарплатой и работой // Официальный портал Федерального бизнес-журнала. 30 июня 2025. URL: https://dzen.ru/a/aGJl_vtIukJtEUTG?ysclid=mhro6r5044324008392. (дата обращения 22 декабря 2025).

¹¹ Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап Всероссийского социологического мониторинга...

фессии; право на отдых; право на бесплатное образование; право на получение информации¹².

Обратимся к описанию критерия участия членов общества в управленческих, социально-политических процессах, а также достижения социального признания. Человеку важно понимать, что у него есть возможность проявлять свою гражданскую позицию по волнующим его жизненным вопросам, что его голос и мнение имеют значение и учитываются властными управленческими структурами. Принимая участие в выборах, в голосовании, общественных обсуждениях, человек осознает свою социальную значимость и ценность в качестве полноправного члена общественных отношений. Данные аспекты могут быть описаны как гарантированные слагаемые демократии, которые должны быть реализованы в справедливом обществе. В рамках исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН¹³ ряд слагаемых были объединены в такой индекс, который рассчитывался в интервале от +1 до -1: право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование; право участвовать в управлении делами государства; право на свободу организаций и объединений; свобода мыслей и слова. В целом указанный индекс получил положительную оценку (значение индекса = +0,1). Так как значение индекса положительное, хотя и не очень высокое, данный показатель открывает потенциал дальнейшего совершенствования и развития сферы возможностей управленческого и социально-политического участия современных российских граждан, который может быть реализован рядом инициатив и преобразований, инициируемых государственными управленческими структурами.

Выводы

Можно сделать вывод о том, что политика, реализуемая Президентом России, релевантна основным доминантам современного общественного запроса и направлена на достижение гармоничного, эффективного и справедливого общественного развития.

Понимание справедливой жизни важно анализировать не только как моральную категорию, но прежде всего как практическое условие развития общества, а также ключевой принцип, следование которому позволит обеспечить высокий уровень социального

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 30.

благополучия. Принцип социальной справедливости является тем фундаментом, на котором основывается социальное доверие и интеграция людей, мотивация к активной гражданской позиции, социально-политическая стабильность и процветание всех граждан. Стремление к справедливости выступает одним из ключевых направлений деятельности современного правового государства на пути к достижению социального благополучия. Вместе с тем подчеркнем, что это непрерывный и комплексный процесс, требующий эффективных и оперативных государственных решений в отношении выделенных в статье критериев, направленных на поддержание и развитие справедливых отношений во всех сферах жизни общества.

Литература

- Ирсетская 2023 – *Ирсетская Е.А.* Идея социальной справедливости в современном российском пространстве символического политического дискурса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 1. С. 59–70. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-59-70.
- Ирсетская 2025 – *Ирсетская Е.А.* Идейно-ценностные маркеры содержания концепта «хорошего общества», как основы социально-политической устойчивости российского государства // Устойчивость российского государства и общества в условиях укрепления традиционных ценностей и становления многополярного мира. Социальная и социально-политическая ситуация / Т.В. Барановская, В.А. Безвербный, Н.В. Березина [и др.]; Под ред. В.К. Левашова. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. С. 167–184.
- Карнаш 2011 – *Карнаш Г.Ю.* Экономика и справедливость: эгалитарная теория А. Сена и М. Нассбаум // Философские науки. 2011. № 10. С. 34–43.
- Карцева, Кузнецова 2020 – *Карцева М.А., Кузнецова П.О.* Справедливое и несправедливое неравенство в России: оценка вклада неравенства возможностей в неравенство доходов // Прикладная эконометрика. 2020. № 2 (58). С. 5–31. DOI: 10.22394/1993-7601-2020-58-5-31.
- Соловьева 2022 – *Соловьева В.В.* К вопросу о теории справедливости Джона Ролза // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 167–177. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177.

References

- Irsetskaya, E.A. (2025), “Ideological and value markers of the concept of ‘good society’ as the basis for the socio-political stability of the Russian state”, Levashov, V.K. (ed.), *Ustoichivost’ rossiiskogo gosudarstva i obshchestva v usloviyakh ukrepleniya*

- traditsionnykh tsennoy i stanovleniya mnogopolyarnogo mira. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya: [monografiya]* [Stability of the Russian State and Society in the Context of Strengthening Traditional Values and the Emergence of a Multipolar World. Social and socio-political situation], T.V. Baranovskaya, V.A. Bezverbnny, N.V. Berezina [et al.], FNISTS RAN, Moscow, Russia, pp. 167–184, DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-443-7.2025.
- Irsetskaya, E.A. (2023), “The idea of social justice in the modern Russian space of symbolic political discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 59–70, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-59-70.
- Karnarsh, G.Yu. (2011), “Economics and justice: The egalitarian theory of A. Sen and M. Nussbaum”, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 10, pp. 34–43.
- Kartseva, M.A. and Kuznetsova, P.O. (2020), “Is income inequality fair in Russia? Inequality of opportunity and income inequality”, *Applied Econometrics*, no. 2 (58), pp. 5–31, DOI: 10.22394/1993-7601-2020-58-5-31.
- Solovyova, V.V. (2022), “On John Rawls’ theory of justice”, *Actual Problems of State and Law*, vol. 6, no. 2, pp. 167–177, DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177.

Информация об авторе

Елена А. Ирсетская, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e.irs@rggu.ru

Information about the author

Elena A. Irsetskaya, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; e.irs@rggu.ru

Ответственное самолечение в России: отменить нельзя внедрить

Наталья И. Белова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, n.i.belova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются распространенные в российском обществе практики самолечения, которые могут носить двойственный характер – как наносить вред здоровью индивида, так и его сохранять. Особое внимание уделяется рассмотрению сути и принципов ответственного самолечения (ОСЛ). На основе имеющихся данных всероссийских исследований показана динамика самолечения за последние несколько лет, а также основные причины и стратегии выбора тактик самолечения россиянами. Сложность анализа феномена самолечения связана с его многокомпонентностью, а также наличием разнонаправленных здравоохранительных мероприятий (профилактика, лечение, реабилитация, паллиативный уход) и мер самопомощи (лекарства, устройства и приспособления и др.). Расширительная трактовка ответственного самолечения, содержащаяся в международных нормах и рекомендациях, затрудняет его изучение, не позволяет охарактеризовать уровень распространенности и динамику. В статье выявлены основные практики самолечения россиян, показано, что среди российских граждан, практикующих самолечение, достаточно высока доля тех, кто придерживается принципов ответственного самолечения, однако и среди них речь идет только о частичном соблюдении его основных принципов. Автор подчеркивает, что самолечение имеет не только добровольный, но и вынужденный характер: необходим поиск и устранение причин вынужденного выбора, выявление факторов, его определяющих. Одной из важных задач остается выработка методологических оснований программы повышения медицинской грамотности россиян, а также создание условий для соблюдения ответственного самолечения гражданами.

Ключевые слова: самолечение, ответственное самолечение, здоровье, здравоохранение

Для цитирования: Белова Н.И. Ответственное самолечение в России: отменить нельзя внедрить // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 84–95. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-84-95

© Белова Н.И., 2026

Responsible self-medication in Russia: cancel or implement

Natalia I. Belova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, n.i.belova@mail.ru*

Abstract. This article analyzes self-medication practices common in Russian society, which can be both harmful and beneficial to an individual's health. Particular attention is paid to the nature and principles of responsible self-medication (RSM). Based on available data from nationwide studies, the article examines the dynamics of self-medication over the past few years, as well as the main reasons and strategies for choosing self-medication tactics in Russians. The complexity of analyzing the phenomenon of self-medication is due to its multifaceted nature, as well as the presence of diverse healthcare interventions (prevention, treatment, rehabilitation, palliative care) and self-care measures (medications, devices and accessories, etc.). The broad interpretation of responsible self-medication contained in international norms and recommendations complicates its study and does not allow for a characterization of the prevalence and dynamics. The article identifies the main self-medication practices of Russians and demonstrates that among Russian citizens who practice self-medication, a relatively high proportion adhere to the principles of responsible self-medication. However, even among these individuals, only partial adherence to its core principles is observed. The author emphasizes that self-medication is not only voluntary but also forced: it is necessary to identify and eliminate the causes of forced choice and to identify the factors that determine it. One of the important tasks remains the development of a methodological basis for a program to improve the health literacy of Russians, as well as the creation of conditions for citizens to practice responsible self-medication.

Keywords: self-medication, self-treatment, self-care, self-care for health, responsible self-medication, responsible self-treatment, health, healthcare

For citation: Belova, N.I. (2026), "Responsible self-medication in Russia: cancel or implement", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 84–95, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-84-95

Введение

Вопросы поддержания здоровья населением, ответственного подхода к его сохранению и восстановлению, являются актуальными не только для российского общества. По официальным данным, ежегодно в мире от заболеваний, вызванных преимущественно

образом жизни индивида (неинфекционных), умирает 43 млн человек¹, при этом практически треть из них (15 млн чел.) это лица, находившиеся в экономически активном возрасте (от 30 до 69 лет)², у которых имелись хронические неинфекционные заболевания. Что касается России, то в 2024 г. 45,3% граждан имели хронические неинфекционные заболевания, требующие медицинского наблюдения и помощи³. Отдельные исследования показывают: каждый пятый (21%) россиянин имеет серьезные проблемы со здоровьем, но при этом откладывает визит к врачу до наступления критического состояния, занимается самолечением. Две трети (67%) граждан идут к врачу только в том случае, если домашние методы лечения уже не помогают⁴, при этом в России достаточно широко распространено «неадекватное самолечение» [Дмитриев и др. 2021, с. 101].

Высокий уровень распространенности явления самолечения среди населения несет в себе огромные риски не только для здоровья россиян, но и для самой системы здравоохранения [Шилова 2014, с. 65] и общества в целом. Отметим, что нагрузка на российское здравоохранение возрастает с каждым годом по разным причинам, в том числе институционального характера [Белова 2021b, с. 143]. Поэтому в последние годы российские медики-практики все чаще стали говорить о необходимости формирования *ответственного самолечения* среди граждан. В этой связи встает ряд вопросов, связанных не только с поиском причин обращения индивидов к практикам самолечения, но и пониманием того, в каких случаях, при каких условиях можно говорить об ответственном подходе к самолечению.

¹ Неинфекционные заболевания // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/noncommunicable-diseases> (дата обращения 23 декабря 2025).

² Хронические неинфекционные заболевания названы причиной более 70% смертей в России. 26.07.2022 // Официальный сайт МЕДВЕСТИК. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Hronicheskie-neinfekcionnye-zabolevaniya-nazvany-prichinoi-bolee-70-smertei-v-Rossii.html> (дата обращения 23 декабря 2025).

³ Мурашко сообщил о наличии хронических неинфекционных заболеваний у 45% россиян. 18.03.2025 // Официальный сайт ИНТЕРФАКС. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1015238> (дата обращения 3 декабря 2025).

⁴ Каждый пятый россиянин занимается самолечением до критического состояния. 27.11.2025 // Официальный сайт МЕДВЕСТИК. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/kajdyi-pyatyi-rossiyanin-zanimaetsya-samolecheniem-do-kriticheskogo-sostoyaniya.html> (дата обращения 20 декабря 2025).

Подходы к трактовке ответственного самолечения

В медицинской практике под самолечением понимается независимый выбор и применение индивидом лекарственных средств, находящихся в свободной продаже, для профилактики и лечения нарушений самочувствия и симптомов, распознанных им самим [Оконенко и др. 2009, с. 42]. В данном определении кроется два ключевых момента. С одной стороны, представителями медицинского сообщества самостоятельная постановка диагноза индивидом, определение и выбор способов лечения, обычно воспринимается крайне негативно, так как может свидетельствовать об отказе или нежелании обращаться за медицинской помощью к врачам. В этом случае «самолечение» имеет отрицательную коннотацию, воспринимается в негативном ключе. С другой стороны, это определение применимо и к индивидам с хроническими заболеваниями, имеющим опыт обращения к врачам и использующим ранее назначенные лекарственные средства. В этой ситуации усилия индивида направлены на управление симптомами, поддержание здоровья и улучшение качества жизни. Самоконтроль и самоподдержка при хронических заболеваниях являются демонстрацией ответственного отношения индивида к своему здоровью. В международной практике такой вид самолечения получил название «ответственного» (*responsible self-medication*).

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) последние несколько десятилетий призывает внедрять принципы ответственного самолечения в практику национальных систем здравоохранения. Согласно рекомендациям ВОЗ, *ответственное самолечение* (самопомощь для защиты здоровья) – это

...способность отдельных людей, семей и сообществ самостоятельно или при поддержке работников здравоохранения укреплять здоровье, предупреждать болезни, поддерживать нормальное состояние организма и справляться с болезнями и инвалидностью⁵.

В рамках этого подхода уделяется особое внимание активной роли индивида в защите своего здоровья, заключающейся в ведении здорового образа жизни (ЗОЖ), включая медицинскую

⁵ Меры самопомощи для защиты здоровья // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/self-care-health-interventions> (дата обращения 23 декабря 2025).

активность с целью профилактики и лечения заболеваний с последующей самостоятельной медикаментозной поддержкой. Помимо этого, затрагиваются и иные аспекты самопомощи, скорее даже взаимопомощи, связанные с оказанием поддержки тем, кто нуждается в реабилитации, уходе и паллиативной помощи⁶. Заметим, что в такой трактовке «ответственное самолечение» включает в себя достаточно разные мероприятия (профилактика, лечение, реабилитация, паллиативный уход) и меры самопомощи (лекарства, устройства и приспособления и др.). Индивид осуществляет конкретные действия по самопомощи в виде практик, привычек и выбора образа жизни⁷.

В международных документах акцентируется, что ответственное самолечение – это не отказ от профессиональной медицинской помощи, а возможность индивидов на основе научно обоснованных знаний и сформированных навыков самостоятельно заботиться о своем здоровье и здоровье своих близких. Все это, по мнению экспертов ВОЗ, может позволить снизить нагрузку на систему здравоохранения, направить медицинские и финансовые ресурсы пациентам, наиболее в них нуждающимся [Толпыгина и др. 2018, с. 105].

На наш взгляд такая широкая трактовка только усложняет изучение явления самолечения, в частности, с эмпирической точки зрения, усложняет его замеры и в целом не позволяет охарактеризовать уровень распространенности и динамику.

Тем не менее, анализируя базовые принципы ответственного самолечения, можно выделить два ключевых аспекта, конкретизирующих компоненты ответственного самолечения. Во-первых, это прием лекарственных средств (безрецептурных либо назначенных врачом) и строгое следование инструкции (аннотации). Во-вторых, это наличие у индивида определенного уровня медицинской грамотности, позволяющего ему осуществлять самоконтроль состояния здоровья, оценивать симптомы (самодиагностика) во время лечения, а при отсутствии улучшений или ухудшении состояния обращаться к врачам.

⁶ Меры самопомощи для защиты здоровья // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/self-care-health-interventions> (дата обращения 23 декабря 2025).

⁷ Self-care for health and well-being. 26 April 2024 // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/self-care-health-interventions> (дата обращения 23 декабря 2025).

Надо сказать, что в нашей стране также были предприняты попытки разработки и внедрения основных принципов ответственного самолечения. Так, в 2018 г. Национальным медицинским исследовательским центром профилактической медицины была представлена отечественная Концепция ответственного самолечения (ОСЛ) [Концепция 2018]. В этом документе уточнено само понятие, а также определены основные принципы ответственного самолечения.

В трактовке российских авторов ответственное самолечение включает в себя

...профилактику (физическая активность, правильное питание), мониторинг состояния здоровья и раннюю диагностику, приверженность лечению, ответственность за правильный прием препаратов и их осознанный выбор в тех случаях, когда это возможно [Концепция 2018].

Учитывая, какая значимая роль в ответственном самолечении отводится самому индивиду, встает ряд важных вопросов: кто, каким образом и в каком виде будет предоставлять информацию, например о безрецептурных лекарственных средствах, и повышать уровень медицинской грамотности населения.

Надо сказать, что не только медицинское сообщество выступит за внедрение ответственного самолечения, но и общественные организации, объединения, представляющие интересы пациентов. Например, во Всероссийском союзе общественных объединений пациентов также говорят о необходимости

...формирования культуры ответственного пациента – человека, который знает о своем заболевании, привержен лечению, умеет отстаивать свои права, занимается волонтерской деятельностью, помогая получать необходимую медицинскую помощь людям, оказавшимся в похожей ситуации⁸.

Однако российским гражданам еще далеко до идеала «ответственного пациента»: нехватка знаний, навыков и паттернов ответственного самолечения – все это затрудняет продвижение концепции ОСЛ.

⁸ Концепция ответственного самолечения требует популяризации и новых подходов от всех участников здравоохранения. 22.12.2023 // Официальный сайт Всероссийского союза общественных объединений пациентов. URL: <https://vspru.ru/association/rukovodstvo-vsp/zhulev/2023/12/22122023-kontsepsiia-otvetstvennogo-samolecheniia-trebuat-populiariatsii-i-novykh-podkhodov-ot-vsekh-uchastnikov-zdravookhraneniia/> (дата обращения 3 января 2026).

«Ответственное самолечение»
безответственных россиян

Последние несколько десятилетий каждый третий россиянин в случае ухудшения состояния здоровья, заболевания в качестве стратегии поведения выбирает самолечение (см. табл. 1). Напомним, самолечение в широкой трактовке – это применение лекарственных и нелекарственных средств, обращение к методам народной медицины с целью поддержания и восстановления здоровья. По мнению ряда авторов, в основе такого подхода к самолечению находится отказ от квалифицированной медицинской помощи и ориентация на собственные знания и опыт, советы друзей, знакомых, Интернет и СМИ [Мороз и др. 2019].

Таблица 1

«Что вы обычно делаете, когда заболеваете?»
(закрытый вопрос, один ответ*, в % от всех опрошенных)

Варианты ответа	2006	2008	2009	2012	2013	2014	2015	2025*
Обращаюсь в государственную бесплатную поликлинику, больницу	52	50	51	55	51	55	46	41
Лечусь сам	37	35	33	33	36	32	38	35
Обращаюсь в платную поликлинику, больницу	6	7	8	6	7	6	8	17
Обращаюсь к народным целителям, нетрадиционной медицине	2	2	2	1	1	1	2	1
Ничего не делаю, все пускаю «на самотек»	3	6	4	4	5	6	5	5
Затрудняюсь ответить	1	1	2	1	1	<1	1	1

* В последнем замере респондентам предлагалось дать любое число ответов. В целях сохранения сопоставимости данные за 2025 г. представлены по первому ответу.

Источник: ВЦИОМ: Здравоохранение в России: мониторинг⁹.

⁹ Здравоохранение в России: мониторинг. 02.12.2025 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdravookhranenie-v-rossii-monitoring> (дата обращения 3 января 2026).

В основе такого выбора лежит целый ряд причин, в том числе институционального характера: недостаточная доступность услуг государственной медицины (территориальная и инфраструктурная недоступность, отсутствие или низкий уровень квалификации кадров и др.) вынуждает россиян прибегать к практикам самолечения. По данным всероссийских опросов, каждый десятый житель нашей страны сталкивался с недостаточной квалификацией медицинского персонала (12%) либо отсутствием нужного врача, причем за последние десять лет численность таковых увеличилась в три раза: с 4% в 2015 г. до 13% в 2025 г. У россиян возникают трудности записи к врачам, в том числе посредством Интернета (15%), каждый пятый (20%) отмечает, что приходится долго ждать своей очереди на прием в медицинских учреждениях. Конечно, при серьезных проблемах со здоровьем в качестве альтернативы государственным учреждениям здравоохранения гражданами выбираются частные, более того, за период с 2006 по 2025 г. численность таковых увеличилась в три раза (6 и 17% соответственно). Однако не все россияне могут позволить себе оплату медицинской помощи, поэтому среди тех, кто оценивает свое материальное положение как очень плохое и плохое – 42% занимаются самолечением (к примеру, среди обеспеченных россиян таких практически в полтора раза меньше – 29%)¹⁰.

Не менее важны и другие причины, подталкивающие россиян к самолечению, – например, негативный опыт коммуникации с врачами и другим медицинским персоналом. Среди недовольных качеством получаемого медицинского обслуживания (а таковых ровно половина – 52%), четверть (24%) отмечает безразличие, халатность и хамство со стороны врачей¹¹.

Провести границу между ответственным самолечением и тем, что вызывает осуждение, по крайней мере в медицинском сообществе, – зачастую крайне трудно. Каковы тактики поведения россиян в период наступления болезни? Лишь 6% не прибегает к медицинской помощи, лечится только самостоятельно и сугубо народными методами. В свою очередь, треть (32%) предпочитает обращаться к врачу и лечиться назначенными лекарственными препаратами, одновременно совмещая с народными методами и средствами, а практически половина (47%) практикует только обращение к докторам и лечение выписанными врачом лекарствами¹².

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² «Народная» медицина: за и против. 08.08.2023 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnaja-medicina-za-i-protiv> (дата обращения 11 ноября 2025).

Таким образом, с высокой долей допущения можно говорить, что большая часть россиян (79%) старается придерживаться отдельных принципов ответственного самолечения.

К наиболее популярным методам и средствам народной медицины у россиян относятся лечение травами (фитотерапия – 38%) и использование продуктов пчеловодства (30%). К традиционному методу лечения баней прибегает каждый пятый (23%), чуть меньше – практикует мануальную терапию и точечный массаж (18 и 17% соответственно) либо иглоукальвание (15%). Каждый десятый использовал гомеопатические средства (13%) или домашние приборы биорезонансной терапии (10%). В целом более 2/3 населения (71%) прибегают к различным методам народной медицины, на такой выбор не влияет ни возраст (молодежь до 25 лет – 67%, а в старшей возрастной группе – 73%), ни пол (по 71% в обеих группах), ни территориальная привязка (73% среди жителей мегаполисов, а сельских жителей 71%)¹³.

Среди недомоганий, при которых граждане предпочитают лечиться самостоятельно, в большинстве случаев встречаются проявления простуды (насморк, боль в горле – 92%), головная боль (90%) или кашель (86%)¹⁴.

Если при выборе народных методов и средств россияне полагаются на собственные знания, опыт, советы ближайшего окружения, то практически половина жителей страны (46%) в случае проблем со здоровьем практикует приобретение лекарственных препаратов без консультации с врачом, правда, пятая часть (18%) хотя бы прислушивается к мнению работников аптек, доверяют им. Что касается наиболее популярных и предпочитаемых препаратов, то их выбор совпадает с ранее упомянутыми «допустимыми для самолечения недомоганиями»: практически половина приобретает обезболивающие (54%) и витамины (46%); треть покупают противовирусные (37%) и жаропонижающие (31%), а каждый четвертый (26%) – антибиотики¹⁵. В целом практику приобретения лекарств

¹³ Там же.

¹⁴ BAYER БАРОМЕТР: Россияне о качестве жизни. 2016. Всероссийский опрос взрослого населения России. URL: https://www.bayer.ru/sites/bayer_ru/files/BayerBarometr_samolechenie.pdf (дата обращения 10 сентября 2025).

¹⁵ Почти половина опрошенных россиян выбирают препараты без консультации с врачом. 07.10.2024 // Фармацевтический вестник. URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/Pochti-polovina-oproshennyh-rossiyan-vybiraut-preparaty-bez-konsultacii-s-vrachom.html> (дата обращения 11 ноября 2025).

без консультации с врачом можно объяснить тем, что в отличие от зарубежных стран, где без рецепта можно купить очень ограниченное количество лекарственных средств, в России – более широкий выбор безрецептурных препаратов.

Заключение

В ситуации общей доступности информации, связанной со сферой охраны здоровья, высокого уровня медиализации [Белова 2015; Белова 2021a], в российском обществе наблюдаются скорее негативные паттерны самолечения, чем ответственное самолечение. Свободный доступ к медицинской информации: медицинские порталы, сайты онлайн-аптек, блогеры, дающие рекомендации по лечению и различным аспектам здорового образа жизни – все это увеличивает риски формирования искаженного представления о практиках поддержания и восстановления здоровья. Поэтому актуализируется задача по разработке механизма, направленного на повышение медицинской грамотности населения. В свою очередь, накопившиеся в российском здравоохранении проблемы, наличие различных форм неравенства в доступе к медицинской помощи также подталкивают население к самодиагностике и самостоятельному лечению. С одной стороны, результаты всероссийских исследований показывают, что среди россиян, практикующих самолечение, достаточно высокий процент придерживающихся принципов ответственного самолечения. С другой стороны, имеющиеся данные не позволяют в полной мере оценить уровень и практики следования ОСЛ. Можно однозначно сказать, что полностью запретить самолечение невозможно, к его практикам человечество прибегало всегда. Нужно ли менять отношение населения к собственному здоровью, формировать более ответственный подход? Однозначно – да. Однако сегодня самолечение имеет не только добровольный, но и вынужденный характер. Поэтому поиск и устранение его причин, выявление факторов, их определяющих, является задачей, стоящей перед государством и обществом в целом. Пока можно говорить о частичном соблюдении принципов ответственного самолечения населением, поэтому, как ранее уже отмечалось, не менее значимым является поиск путей повышения медицинской грамотности россиян и создание условий для их соблюдения.

Литература

- Белова 2015 – Белова Н.И. Здоровье в жизненном мире россиян: противоречия и парадоксы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 7 (150). С. 101–105.
- Белова 2021а – Белова Н.И. Здоровье в жизненном мире россиян: теория, практики поддержания, новые тенденции. М.: Ключ-С, 2021. 152 с.
- Белова 2021б – Белова Н.И. Прекарность в сфере здравоохранения // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2021. С. 139–160.
- Дмитриев и др. 2021 – Дмитриев М.Э., Зимоха А.Ю., Попович Л.Д. Возможности реализации концепции ответственного самолечения в России // Финансы и бизнес. 2021. Т. 17. № 1. С. 94–104.
- Концепция 2018 – Концепция ответственного самолечения // Медицинский алфавит. 2018. Т. 2. № 16 (353). С. 5.
- Мороз и др. 2019 – Мороз Д.И., Мороз Н.А., Халикова А.Р., Ткаченко Е.С., Екимов И.Н. Самолечение в современном обществе: причины и последствия // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/02/88745> (дата обращения 10 сентября 2025).
- Оконенко и др. 2009 – Оконенко Л.Б., Антропова Г.А., Егорова Е.С., Брыжахин Г.Г. Безрецептурный отпуск и самолечение // Вестник РУДН. Серия «Медицина». 2009. № 4. С. 42–46.
- Толпыгина и др. 2018 – Толпыгина С.Н., Марцевич С.Ю., Концевая А.В., Дранкина О.М. Ответственное самолечение – основополагающие принципы и место в современной системе здравоохранения // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2018. № 1. С. 101–110.
- Шилова 2014 – Шилова Л.С. Практики самолечения российского населения // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 61–65.

References

- Belova, N.I. (2015), "Health in the lifeworld of Russians: Contradictions and paradoxes", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 7 (150), pp. 101–105.
- Belova, N.I. (2021), *Zdorov'ye v zhiznennom mire rossiyan: teoriya, praktiki podderzhaniya, novyye tendentsii* [Health in the Lifeworld of Russians: Theory, Maintenance Practices, and New Trends], Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Belova, N.I. (2021), "Precarity in the healthcare sector", in Toshchenko, Zh.T. (ed.) *Prekarnaya zanyatost': istoki, kriterii, osobennosti* [Precarious employment: sources, criteria, characteristics], Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 139–160.
- The concept of responsible self-medication (2018), *Medical alphabet*, vol. 2, no. 16 (353), p. 5.

- Dvitriev, M.E., Zimokha A.Yu. and Popovich L.D. (2018), "Implementation potential of responsible self-care in Russia", *Finance and Business*, vol. 17, no. 1, pp. 94–104.
- Moroz, D.I., Moroz, N.A., Khalikova, A.R., Tkachenko, E.S. and Ekimov, I.N. (2019), "Self-medication in modern society: causes and consequences", *Modern scientific research and innovations*, no. 2, available at: <https://web.snauka.ru/issues/2019/02/88745> (Accessed 9 October 2025).
- Okonenko, L.B., Antropova, G.A., Egorova, E.S. and Bryzakhin, G.G. (2009), "Over-the-counter drugs and self-medication", *RUDN Journal of Medicine*, no. 4, pp. 42–46.
- Shilova, L.S. (2014), "Practice of self-treatment of the Russian population", *Cultural heritage of Russia*, no. 2, pp. 61–65.
- Tolpygina, S.N., Martsevich, S.Yu., Kontsevaya, A.V. and Drapkina, O.M. (2018), "Responsible Self-Care – the Fundamental Principles and Place in the Modern Russian Healthcare System", *Rational Pharmacotherapy in Cardiology*, no. 14 (1), pp. 101–110.

Информация об авторе

Наталья И. Белова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; n.i.belova@mail.ru

Information about the author

Natalia I. Belova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; n.i.belova@mail.ru

УДК 378.371.12

DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-96-105

Факторы мотивации труда преподавателей и сотрудников университета

Ирина О. Шевченко

*Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН
Москва, Россия, sheviren@yandex.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования трудовой мотивации и отношения к труду преподавателей и сотрудников университета. Для анализа трудовой мотивации была использована двухфакторная модель Ф. Херцберга.

У всех работников на первом месте по значимости оплата труда, это социально-гигиенический фактор, первостепенная значимость которого указывает на напряженность в части базовых потребностей и на то, что большинство не удовлетворено ее размером и правилами начисления. На необходимость увеличения заработной платы указали 62,5% ППС и 74,3% АУП.

Молодые сотрудники значительно больше, чем старшее поколение, недовольны уровнем зарплаты и организацией труда. О полной удовлетворенности университетом и всеми факторами мотивации говорят, в основном, преподаватели самой старшей возрастной группы. Это объясняется тем, что они уже реализовали свои профессиональные амбиции.

Интересная и творческая работа занимает второе по значимости место у преподавательского состава, для административного персонала на втором месте по значимости находятся атмосфера и коллектив.

Удовлетворенность профессиональным трудом выше у преподавательского состава, чем у административного персонала. То же самое установлено для удовлетворенности местом работы, которым является университет. В целом преподаватели больше, чем администраторы, чувствуют себя «на своем месте»

Ключевые слова: мотивация труда, удовлетворенность трудом, отношение к труду, профессорско-преподавательский состав, административно-управленческий персонал, Фредерик Херцберг, мотивирующие факторы, гигиенические факторы

Для цитирования: Шевченко И.О. Факторы мотивации труда преподавателей и сотрудников университета // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 96–105. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-96-105

© Шевченко И.О., 2026

University staff motivation factors

Irina O. Shevchenko

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
sheviren@yandex.ru*

Abstract. The study presents the results of the research in university teachers and the university staff labor motivation and attitude to work. F. Herzberg's two-factor model was used to analyze labor motivation.

For all employees, remuneration is in the first place in terms of importance. This is a socio-hygienic factor, the primary importance of which indicates tension in terms of basic needs and the fact that the majority of respondents are not satisfied with its size and accrual rules. 62,5% of the teaching staff and 74,3% of the administrators indicated the need for an increase in wages.

Younger employees are significantly more dissatisfied with the salary level and work organization than the older generation. The teachers of the oldest age group mostly speak about their complete satisfaction with the university and all the motivation factors, because they have already realized their professional ambitions.

Interesting and creative work is the second most important thing for the teaching staff, and the atmosphere and team are the second most important for the administrative staff. Satisfaction with professional work is higher among the teaching staff than among the administrative staff. The same is established for satisfaction with the university as a place of work. In general, teachers feel in their place more than administrators do.

Keywords: University staff, teachers, administrators, motivation to work, working conditions, team, place of work, job satisfaction, Frederick Herzberg, motivating factors, hygienic factors

For citation: Shevchenko, I.O. (2026), "University staff motivation factors", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 96–105, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-96-105

Введение

Университет – сложная организация, практически корпорация, где работают различные группы сотрудников, и эффективность деятельности этой сложносочиненной структуры зависит от всех. При этом функциональные обязанности и статус работников университета существенно различаются, соответственно может отличаться и трудовая мотивация. А именно трудовая мотивация определяет эффективность труда работника. В данной статье под мотивацией

мы будем понимать внутреннее побуждение работника к труду как основной компонент самосознания работника, определяющий его поведение в сфере труда и реакции на конкретные условия работы¹. То есть мы будем исследовать мотивацию со стороны работника. Но к проблеме мотивации можно подходить и со стороны менеджмента как к процессу «побуждения себя и других к деятельности для достижения личных целей или целей организации» [Мескон и др. 1992, с. 360].

Принято делить теории (концепции) мотивации на две группы: процессуальные и содержательные. В процессуальных теориях рассматриваются и активизируются различные аспекты восприятия и познания работниками трудовой ситуации. Из них наиболее известны: теория ожиданий (В. Врум); теория справедливости (Д. Кюн, Дж. Слокум, Р. Чейз, М. Роджерс, Дж.С. Адамс); модель Л. Портера – Э. Лоулера; в содержательных теориях отражаются разные представления исследователей о конкретных перечнях и структуре внутренних побуждений (потребностей, мотивов), специфичных для тех или иных групп работников. Из них наиболее известны: классическая теория (Ф.У. Тейлор); иерархия потребностей (А. Маслоу, К. Альдерфер); трехфакторная модель (Д. Макклелланд); двухфакторная модель (Ф. Херцберг); диспозиционная модель (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов и др.) [Управление 2004].

Для анализа трудовой мотивации мы возьмем двухфакторную модель Ф. Херцберга, она была сформулирована на основе исследования мотивации инженеров и бухгалтеров, т. е. работников интеллектуального труда, поэтому ее целесообразно использовать применительно к работникам высшей школы. Согласно этой теории, существуют две группы факторов мотивации. Собственно *мотивирующие факторы* (содержание труда, достижения, признание и полномочия, ответственность, рост и развитие) влияют на положительную оценку работы. Так называемые *гигиенические факторы* (подходящий руководитель, условия труда, статус, зарплата, межличностные отношения, прочность положения) срабатывают, только если являются неудовлетворительными. Ф. Херцберг утверждал, что руководителям организаций стоит перенести свое внимание на потребность сотрудников в успехе и самовыражении, поскольку именно таким путем можно стимулировать их желание работать, тогда как улучшение условий труда просто снимает неудовлетворенность [Херцберг 2007].

¹ Мотивация труда. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/motivatsiia-truda-fb3166?ysclid=mkjmh3wqr5329318254> (дата обращения 9 октября 2025).

Характеристика исследования

Осенью 2024 г. социологами Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) по заказу Департамента персонала было проведено исследование отношения к труду сотрудников университета. В университете выделяется несколько групп сотрудников. Целью исследования было обозначено повышение эффективности трудовой деятельности и выявление предпосылок для создания общей корпоративной культуры организации. Таким образом, выборка была гнездовой. Опрошено всего 1124 респондента, из них 742 сотрудника профессорско-преподавательского состава (ППС), из которых 599 штатных сотрудников, 143 – внештатных и 382 человека административно-управленческого персонала (АУП). Сотрудники АУП неоднородны, включают в себя как руководителей (начиная с деканов и заведующих кафедрой/центром, ректорат не опрашивался), так и сотрудников библиотеки, музея, и работников деканатов; соответственно они имеют разный статус, разные обязанности и степень загруженности. Из числа ППС участвовали в опросе большинство, а вот из сотрудников АУП – меньше половины, что само по себе показательно, демонстрирует меньшую заинтересованность административно-управленческих сотрудников.

Задумывая исследование, мы исходили из того, что мотивация и отношение к труду профессорско-преподавательского состава (ППС) и административно-управленческого персонала (АУП) могут существенно отличаться.

Общая удовлетворенность определяется простым вопросом: «Удовлетворены ли вы своей работой?». Так как мы ставили задачу разделить удовлетворенность трудом как видом профессиональной деятельности и удовлетворенность местом работы, то мы задавали два отдельных вопроса.

Удовлетворенность трудом как видом деятельности

Среди всех сотрудников РГГУ полностью удовлетворены своим *трудом как видом профессиональной деятельности* 50%, скорее удовлетворены, чем не удовлетворены, 43,6%.

В этом вопросе доля полностью удовлетворенных среди ППС превышает долю частично удовлетворенных (56,7 и 40,6%). У ППС полная удовлетворенность характерна для респондентов 25–29, 40–49 и 50–59 лет, в других возрастных группах различия либо

незначительны, либо вариант «скорее удовлетворен» встречается чаще. ППС важна самореализация как профессионалов, и мы видим, что у преподавателей она на высоком уровне (рис. 1).

Рис. 1. Удовлетворенность профессорско-преподавательского состава (ППС) РГГУ как местом работы и трудом как профессиональной деятельностью

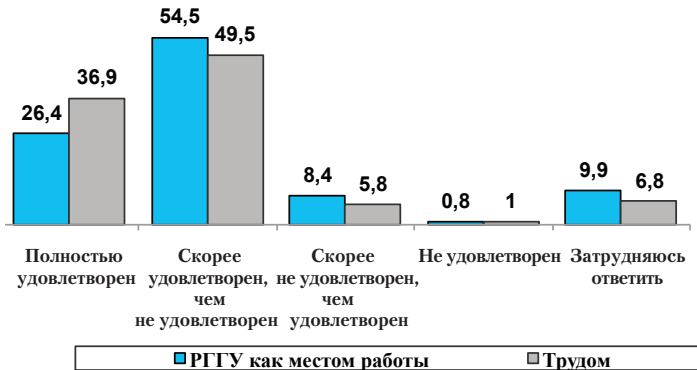

Рис. 2. Удовлетворенность административно-управленческого персонала (АУП) РГГУ как местом работы и трудом как профессиональной деятельностью

Среди АУП удовлетворенность профессиональным трудом как видом деятельности ниже: 36,9% полностью удовлетворены,

49,5% удовлетворены частично, а 5,8% скорее не удовлетворены (против 1,3% скорее неудовлетворенных среди ППС). То есть в целом меньший процент работников, чем у ППС, довольны своим видом деятельности. У АУП вариант «полностью удовлетворен» оказывается наиболее частым только в возрастных группах 30–39 и 40–49 лет (рис. 2).

Удовлетворенность университетом как местом своей работы

Говоря об удовлетворенности РГГУ как местом работы, мы видим, что большая часть сотрудников говорят о своей удовлетворенности. 32,2% ППС и 26,4% АУП удовлетворены полностью, 60,5% ППС и 54,5% АУП скорее удовлетворены. Отметим, что преобладающий вариант «скорее удовлетворен(а), чем не удовлетворен(а)» говорит о наличии некоторых проблем и нереализованных ожиданий.

Есть серьезный вопрос, насколько честны респонденты, так как в РГГУ большое количество сотрудников опасаются потерять работу – 35,9% (среди ППС таких 38,3%, среди АУП – 31,2%). В других исследованиях по труду и занятости обычно «опасающихся» 20–25% (см., к примеру, [Прекариат 2020]).

Чаще всего о полной удовлетворенности университетом говорят респонденты группы ППС 60–69 лет (48,8%), что объясняется тем, что это, скорее всего, респонденты со статусом, реализовавшие свои профессиональные амбиции. Респонденты до 24 лет чаще, чем другие возрастные группы, выбирали вариант «скорее не удовлетворен» (12,5%), что отражает общую ситуацию по возрасту – молодые сотрудники недовольны уровнем зарплаты, организацией труда (бюрократизацией и пр.).

Трудовая мотивация

Отвечая на вопрос: «Что для вас наиболее важно в работе, которой вы заняты?», сотрудники РГГУ (общая выборка) указали, что для них на 1-м месте оплата труда (74,3%), на 2-м месте – интересная и творческая работа (60,1%), на 3-м месте – доброжелательный коллектив, позитивная атмосфера (49,6%), на 4-м – полезность работы для общества (36,8%), на 5-м месте – организация труда (33,2% – налаженные трудовые процессы, удобное расписание и т. д.), на 6-м месте – условия труда (27,6% – материально-техническая база, оснащенность аудиторий, наличие собственного рабочего места и т. д.).

И среди ППС, и среди АУП 75,2% указали на значимость *оплаты труда* (рис. 3). Среди ППС значимость этого показателя растет у групп от 24 до 49 лет, в старшем возрасте снижается (что неудивительно: чем старше преподаватель, тем выше его статус и зарплата). У АУП самый высокий процент в возрастной группе до 24 лет, и после с возрастом он снижается. Оплата труда – гигиенический фактор, по Херцбергу, указание на его высокую значимость говорит о том, что в этом пункте как минимум существует напряжение, эта базовая потребность удовлетворяется не полностью. На необходимость увеличения заработной платы указали 62,5% ППС и 74,3% АУП.

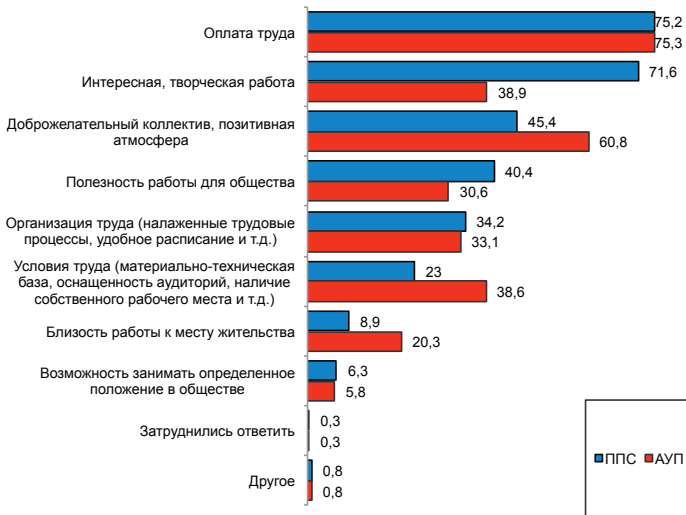

Рис. 3. Что для вас наиболее важно в работе, которой вы заняты? (сравнение профессорско-преподавательского состава (ППС) и административно-управленческого персонала (АУП))

Второй по частоте встречаемости вариант у ППС – *интересная и творческая работа*, его выбрали 71,6% ответивших на вопрос. Чем старше представитель этой группы, тем выше для него важность этого показателя. Это чуть более важно мужчинам (76,2%), чем женщинам (72,9%). Для докторов наук без звания, профессоров, кандидатов наук этот аспект оказался более важным, чем все другие. Среди старших и главных научных сотрудников этот вариант выбрали 100%. Интересная и творческая работа, то есть содержание труда, это *главный мотивирующий фактор* для ППС, именно поэтому преподаватели и остаются в высшей школе, несмотря на слож-

ность их труда и большую нагрузку, на которую жалуются 47,4% ППС (только 8,1% АУП отметили большую нагрузку). Отметим, что важность интересной работы для преподавателей выявлялась и в других исследованиях на выборке, репрезентативной для всей России [Шевченко 2022].

Представители административно-управленческого персонала пункт *интересная и творческая работа* выбирали почти в два раза реже – 38,9%. Он оказался важным для работников 60 лет и старше, со стажем более 10 лет и высшим образованием.

На втором месте по важности у АУП и на третьем у ППС – *доброжелательный коллектив и позитивная атмосфера* (60,8%) – снова гигиенический фактор. Этот показатель наиболее важен респондентам группы ППС до 24 лет, со стажем работы до года, докторам наук без звания, научным сотрудникам и старшим научным сотрудникам. У АУП он важен для работников моложе 24 лет и старше 60 лет, со стажем до года и более 10 лет, а также в группе со средним и средним специальным образованием. То есть это либо молодежь, для которой важно развиваться в окружении доброжелательных людей, либо люди старше 60 лет с большим стажем работы. Можно предположить, что коллектив и атмосфера выступают компенсирующим фактором для сотрудников, неудовлетворенных заработной платой и другими гигиеническими факторами.

Полезность работы для общества (социально значимый мотив) у ППС занимает 4-е место (40,45%), а у АУП – 6-е (30,6%). Для АУП 4-е место занимают условия труда – 38,6%.

Для представителей группы АУП близость работы к месту жительства намного важнее, чем для ППС: 20,3% представителей группы АУП выбрали этот вариант, среди ППС – лишь 8,9%.

Выводы

Оплата труда – главный фактор для всех сотрудников, что говорит о проблеме, размер оплаты и ее формирование не удовлетворяют большинство. Помимо заработной платы, работники хотели бы увеличения социальной поддержки (например, полис ДМС, оплата санаторно-курортного лечения, отдыха, абонементов в фитнес-центры, бассейны, льготы для молодых преподавателей и пр.) – это отметили 58% опрошенных, 2-е место после заработной платы.

ППС больше заинтересованы в работе, чем АУП (71,6 против 38,9%), и больше осознают полезность своей работы (40,4 против 30,6%). Преподаватели желали бы большей поддержки научной работы (37,5%, 3-е место среди пожеланий) – это тоже содержательный мотивирующий фактор. О необходимости создания благо-

приятных условий для карьерного и профессионального роста сотрудников сказали 20,5%. Среди ответов «Другое» встречалось также «разработать программы повышения квалификации для ППС» и «предлагать профессиональную переподготовку в других организациях за счет университета». Все перечисленное – мотивирующие содержательные факторы.

Доброжелательный коллектив выступает компенсирующим фактором для сотрудников, особенно АУП, также для молодых и сотрудников старшего возраста. Организация труда одинаково важна для тех и других, а вот условия труда – более важны для АУП. Таким образом, *для преподавателей более важны содержательные мотивы труда, а для сотрудников – организационные и социально-психологические (гигиенические).*

Заметна разница между «удовлетворенностью трудом» и «удовлетворенностью университетом как местом работы» – 50 и 30,2% («полностью удовлетворены») по общей выборке. Среди ППС эта разница составляет 24,5, у АУП – 10,5%. Вопросы об удовлетворенности показывают, что преподавателям нравится их профессиональная деятельность, однако руководству университета необходимо задуматься над повышением удовлетворенности и возможностями профессионального роста и развития своих работников. Вероятно, имеет смысл разработать программу поддержки молодых сотрудников и сотрудников среднего возраста, которая будет включать в себя повышение заработной платы (возможно, премиального характера в зависимости от результатов труда), социальные льготы, план развития карьеры и профессионального роста. По мнению Ф. Херцберга, эффективное управление, прежде всего мотивирующими факторами, принесет работнику удовлетворение от своего труда, повысит его активность и инициативу, нацелит на достижение требуемых для организации результатов. Но если не решены базовые вопросы, работник не удовлетворен зарплатой и другими гигиеническими факторами, он будет обращать внимание в первую очередь на них, отодвигая на второй план содержание труда, что зачастую и происходит у АУП и у всех молодых сотрудников, которые уходят искать более удовлетворяющие их условия труда.

Литература

- Мескон и др. 2004 – Мескон Н., Альберт М., Хедурри Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. М.: Дело, 2004. 719 с.
- Прекариат 2020 – Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.

- Управление 2004 – Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консальтирование / Под ред. В.В. Щербины. М.: Независимый институт гражданского общества, 2004. 520 с.
- Херцберг и др. 2007 – *Херцберг Ф., Моснера Б., Блох Снyderман Б.* Мотивация к работе / Пер. с англ. Д.А. Куликова; Под общ. ред. Е.А. Борисовой. М.; СПб.: Вершина, 2007. 238 с.
- Шевченко 2022 – *Шевченко И.О.* Мотивация труда российских работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 72–85. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-72-85.

References

- Herzberg, F., Mausner, B. and Bloch Snyderman, B. (2007), *Motivatsiya k rabote* [Motivation to Work], Borisova, E.A. (ed.), Kulikov, D.A. (transl.), Vershina, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Mescon, M., Albert, M. and Khedouri, F. (2004), *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management], transl. from English, Delo, Moscow, Russia.
- Shcherbina, V.V. (ed.) (2004), *Upravlenie chelovecheskimi resursami: menedzhment i konsul'tirovanie* [Human Resource Management: Management and Consulting], Aleksandrov, V.A., Veshchugina, T.S., Gerchikov, V.I. et al, Nezavisimiy institut grazhdanskogo obshchestva, Moscow, Russia.
- Shevchenko, I.O. (2021), “Russian employees motivation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 72–85, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-72-85.
- Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2020), *Prekariat: stanovlenie novogo klassa: (kollektivnaya monografiya)* [Precariat: the emergence of a new class (collective monograph)], Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина О. Шевченко, доктор социологических наук, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 25/35, корп. 5; sheviren@yandex.ru

Information about the author

Irina O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117218; sheviren@yandex.ru

УДК 331.101.32:004(470)
DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-106-118

Удовлетворенность трудом работников российской IT-сферы

Ольга В. Китайцева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, olga_kitaitseva@mail.ru*

Мария А. Кокоулина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, kokoulinama@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется уровень удовлетворенности трудом работников российской IT-сферы в сравнении с другими работниками. На основе данных всероссийских опросов ВЦИОМ 2025 г. авторы анализируют влияние профессиональных навыков работников на карьерные и зарплатные ожидания. Типичный IT-специалист характеризуется как высокообразованный, хорошо оплачиваемый и постоянно развивающийся работник, верящий в справедливость оплаты своего труда. Выявлены ключевые драйверы удовлетворенности трудом работников российской IT-сферы, такие как: материальное вознаграждение, справедливая, прозрачная связь между компетенцией и оплатой труда, профессиональная самореализация, а также факторы потенциальной неудовлетворенности, включающие кризис смысла содержания труда, учебная гонка и когнитивная перегрузка, завышенные ожидания карьерных перспектив. Делается вывод о необходимости создания среды, позволяющей реализовать потенциал сотрудников без риска выгорания.

Ключевые слова: труд, удовлетворенность трудом, занятость, рынок труда российской IT-сферы, профессионально-квалификационные навыки

Для цитирования: Китайцева О.В., Кокоулина М.А. Удовлетворенность трудом работников российской IT-сферы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 106–118. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-106-118

© Китайцева О.В., Кокоулина М.А., 2026

Employee satisfaction in the Russian IT industry

Olga V. Kitaitseva

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, olga_kitaitseva@mail.ru*

Mariya A. Kokoulina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, kokoulinama@yandex.ru*

Abstract. The article examines the level of job satisfaction among Russian IT-workers in comparison with other workers. Based on data from the 2025 WCIOM's national survey, the authors analyze the impact of workers' professional skills on their career and salary expectations. A typical IT-specialist is characterized as a highly educated, well-paid, and constantly developing employee who believes in the fairness of their compensation. The key drivers of work satisfaction among Russian IT-workers have been identified, such as material rewards, a fair and transparent connection between competence and pay, professional self-realization, as well as potential sources of dissatisfaction, including a crisis of meaning in work, a learning race and cognitive overload, and inflated expectations of career prospects. The article concludes that it is necessary to create an environment that allows employees to realize their potential without the risk of burnout.

Keywords: labor, job satisfaction, employment, the Russian IT-labor market, professional and qualification skills

For citation: Kitaitseva, O.V. and Kokoulina, M.A. (2026), "Employee satisfaction in the Russian IT industry", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 106–118, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-106-118

Введение

Широкое применение информационных технологий (ИТ) во всех секторах российской экономики и всеми слоями общества является современной тенденцией мирового развития. Российский рынок информационных технологий один из самых быстрорастущих в РФ. Согласно данным о реализации государственной «Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу

до 2025 года»¹, российские поставщики ИТ-услуг продолжают наращивать выручку от реализации соответствующих проектов. По данным ежегодного рейтинга CNews Analytics, суммарная выручка 500 ведущих компаний без учета НДС по итогам 2024 г. составила 3,3 трлн руб. по сравнению с результатами 2023 г. Более шестидесяти основных поставщиков ИТ-услуг в 2024 г. заработали 439 млрд руб., что сформировало позитивную динамику по сравнению с 2023 г. в 27%, и, по мнению экспертов, тенденция роста рынка ИТ-услуг будет сохранена в ближайшие 3–5 лет².

Мощное развитие ИТ-отрасли сопровождается формированием соответствующего рынка труда и приходом на него как большого количества работодателей, так и соискателей. В силу специфики рынка труда ИТ-отрасли, по мнению экспертов РБК, в последние годы на нем наблюдается противоречивая динамика, которая характеризуется, с одной стороны, высокой конкуренцией между соискателями, с другой – работодатели продолжают сталкиваться с острым дефицитом квалифицированных специалистов³. Парадоксальность ситуации как раз отражает бурную трансформацию ИТ-индустрии, а также новые требования бизнеса к кадрам.

Соответственно этот процесс вызывает интерес к измерению уровня удовлетворенности трудом, а также выявлению факторов и требований рынка к качеству профессионально-квалификационных навыков работников, которые могут оказывать влияние на формирование уровня удовлетворенности трудом. Изучение факторов и требований рынка труда, влияющих на уровень удовлетворенности трудом сотрудников организации, учет их в практике управления позволит формировать у последних лояльность к организации и желание повышать эффективность труда.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499055616> (дата обращения 28 декабря 2025).

² Рынок ИТ-услуг 2025 // Официальный портал CNews Analytics. 30.12.2025. URL: https://www.cnews.ru/reviews/tynok_it-uslug (дата обращения 5 января 2026).

³ ИТ-рынок труда в России: высокий конкурс и системный дефицит кадров // Официальный сайт аналитического портала РБК. 23.09.2025. URL: <https://companies.rbc.ru/news/CDJUByumZew/it-ryinok-truda-v-rossii-vyisokij-konkurs-i-sistemnyij-defitsit-kadrov/?ysclid=mk1tzzya6v479042853> (дата обращения 6 января 2026).

Основу эмпирической части исследования составили данные двух Всероссийских телефонных опросов «ВЦИОМ-Спутник», проведенных в апреле-мае 2025 г. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Всего опрошено 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5%.

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа удовлетворенности работой типичного российского IT-специалиста и обычного работающего россиянина в контексте влияния профессионально-квалификационных навыков на карьерные, профессиональные и зарплатные притязания работников.

Для реализации цели исследования удовлетворенность работой была измерена с помощью отдельного вопроса об общей удовлетворенности работой, а также с помощью вопросов, в которых респонденты оценивали соответствие своих профессионально-квалификационных навыков выполняемой работе, карьерному продвижению и доходам. Также использовались вопросы о профессиональном обучении и переподготовке для выявления возможности капитализации полученных профессиональных навыков и соответственно получения удовлетворения от профессиональной деятельности.

Удовлетворенность трудом является центральной категорией в исследованиях качества трудовой жизни, трудовых отношений, и эффективности управления персоналом. В научной литературе, в том числе российской, термины «удовлетворенность работой», «удовлетворенность трудом» и «удовлетворенность занятостью» часто используются как синонимы, выступая в качестве обобщающей переменной, отражающей комплексное восприятие работником своей трудовой ситуации [Вердюк 2018]. При определении понятия удовлетворенности трудом чаще всего обращаются к интерпретации, которую дает Е. Locke. Он указывает, что исследователи, которые пишут на эту тему, обычно руководствуются определением, которое отражает их личное, избранное ими научное измерение этого явления. Сам же он при формулировке понятия «удовлетворенность трудом» рассматривает его как результат оценки индивидом своей работы, которая позволяет ему достичь определенных ценностей, связанных с трудовой деятельностью, а обретение этих ценностей в свою очередь дает возможность удовлетворить собственные потребности. Потребности исследователь делит на две группы: физические

и потребности роста или самореализации [Locke 1976]. Реализация второго вида потребностей достигается с помощью соответствующего характера самого труда, что в случае рассмотрения проблем удовлетворенности трудом в сфере ИТ может служить когнитивной базой анализа.

В целом отношение к труду формируется у работника под влиянием двух групп факторов: во-первых, субъективных (индивидуальных), которые определяются через систему ценностей, потребностей, мотивов работника, уровня притязаний и профессиональных ожиданий, а также личностных адаптивных особенностей работника. Во-вторых, удовлетворенность трудом формируется под влиянием объективных факторов (обеспечиваемых производством), к числу которых можно отнести содержание труда, возможности профессиональной реализации, условия труда, организацию труда, а также социально-психологический климат и социально-экономические условия труда.

В условиях ускорения цифровизации общества и экономики, в дискурсе социологии труда, рассматриваются вопросы, связанные с местом концепции удовлетворенности работой в контексте характеристики человеческого потенциала [Черных 2023], а также заметен интерес исследователей к анализу различных видов precarious труда и трудовой мотивации в условиях precarious занятости [Шевченко 2022].

Исследование удовлетворенности трудом работников ИТ-индустрии сегодня становится не только научной, но и практически значимой задачей. Актуальность этой предметной области связана с тем, что сегодня сектор информационных технологий становится ключевым драйвером экономического развития и одновременно «зоной особого риска» снижения производительности и потери квалифицированного персонала. Поэтому анализ уровня удовлетворенности трудом специалистов в ИТ-сфере становится практически значимой и стратегически важной задачей.

Удовлетворенность трудом в контексте специфики профессионально-квалификационных требований в сфере информационных технологий

Начнем рассмотрение ключевых драйверов удовлетворенности российского ИТ-специалиста с прямого сравнения уровня удовлетворенности среди двух групп респондентов: все респонденты (общая выборка работающих россиян); респонденты, работающие в ИТ-сфере (специализированная группа).

Данные в табл. 1 отражают уровень удовлетворенности основной работой среди названных двух групп респондентов. Более высокая доля полной удовлетворенности наблюдается среди работников IT-сферы (42,8%), что значительно выше, чем среди всех респондентов (29,1%).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
об удовлетворенности/неудовлетворенности
основной работой, в % от опрошенных

Если говорить в целом, вы сейчас удовлетворены или не удовлетворены своей основной работой?	Все респонденты	Респонденты, работающие в IT-сфере
Полностью удовлетворен	29,1	42,8
Скорее удовлетворен	49,5	41,0
Скорее не удовлетворен	15	16,2
Абсолютно не удовлетворен	5,2	0
Затрудняюсь ответить	1,2	0

Источник: Инициативный Всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 2025 г.

Суммарная доля полностью и скорее удовлетворенных работой в сфере IT составляет 83,8%, что существенно отличается от такого же показателя для всех респондентов (78,6%). Кроме того, в IT-сфере отсутствуют те, кто абсолютно не удовлетворен работой (0% против 5,2% в общей выборке). Также в IT-группе нет затруднившихся с ответом (0% против 1,2%), что может говорить о более осознанном отношении к работе и карьере.

Таким образом, IT-специалисты в среднем более удовлетворены своей работой, чем среднестатистический работающий россиянин. У них выше доля полностью удовлетворенных, ниже доля абсолютно неудовлетворенных, что может быть связано с особенностями IT-сферы, где преобладают высокий спрос на специалистов и высокий уровень оплаты.

Таблица 2

Оценка работниками зависимости доходов
от профессионально-квалификационных навыков
(образования, знаний, опыта и так далее),
в % от опрошенных

В какой степени ваши доходы зависят от ваших профессионально-квалификационных навыков (образования, знаний, опыта и так далее)?	Все респонденты	Респонденты, работающие в IT-сфере
Очень сильно	22,7	27,3
Достаточно сильно	30,4	46,2
Отчасти	19,1	15,0
Слабо	6,3	
Никак	18,3	11,4
Затрудняюсь ответить	3,2	0,0

Источник: Инициативный Всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 2025 г.

Жизнь более 90% россиян связана с трудом, трудовыми доходами и заработной платой, соответственно вопрос об удовлетворенности доходом от выполняемой работы напрямую связан с удовлетворенностью работой в целом⁴.

Если посмотреть на разницу восприятия связи между своими навыками и доходом в группе IT-специалистов и россиян в целом, то надо сказать, что большинство (73,5%, если считать и «отчасти») чувствуют сильную связь между своими навыками и доходом, а вот четверть всех опрошенных (25,6%) считают, что связь слабая или отсутствует. Запрос на четкую связь между навыками и доходом прослеживается у молодых людей еще в период обучения в вузе, половина российских студентов согласны с этим требованием [Китайцева, Кокоулина 2025].

⁴ Кадры для растущей экономики // Официальный сайт ВЦИОМ. 30.04.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kadry-dlja-rastushchei-ehkonomiki?ysclid=mjvw2ss0mc329275845> (дата обращения 29 декабря 2025).

IT-специалисты достаточно однородно и позитивно высказываются по поводу сильной связи между квалификацией и доходом: подавляющее большинство (88,5%, если считать и «отчасти») видит такую связь, а доля тех, кто не видит связи, существенно ниже (11,4%), чем в целом по выборке.

Таким образом, несмотря на то что прослеживается раскол в восприятии работниками справедливости оплаты по имеющимся у них навыкам, для группы работников IT-сферы (предположительно высококвалифицированных специалистов) рынок труда функционирует более эффективно и предсказуемо. Их инвестиции в образование и опыт лучше окупаются. Полученный вывод хорошо коррелирует с тезисом о том, «что удовлетворенность работой лишь отчасти связана с довольством получаемого от работы дохода», по данным ВЦИОМ, в целом работой удовлетворены 79% работающих россиян, а полностью и скорее довольных доходом от нее только 56%⁵. Таким образом, приведенные данные косвенно подтверждают полученные выводы о том, что общая удовлетворенность трудом в IT-сфере выше среднероссийского уровня, так как система вознаграждения за труд воспринимается как более справедливая и прозрачная.

Вывод о более высокой удовлетворенности работой в IT-сфере еще раз подтверждается при рассмотрении того, как работники в двух группах оценивают соответствие своей нынешней квалификации требованиям выполняемой работы (см. табл. 3).

Высокий уровень профессионального соответствия чувствуют более 58% работников IT-сферы, что является предпосылкой для внутренней удовлетворенности и эффективности. Однако каждый пятый (20,1%) чувствует недозагруженность, что может вести к скуке и демотивации. В то же время существуют проблемные зоны, в кажущейся благополучной отрасли почти четверть (22%) специалистов IT-сферы работают не по прямому профилю. Это может говорить как о междисциплинарности приложения знаний в IT, так и о вынужденном выборе работы. Однако основная группа риска это те, у кого квалификация выше требуемой (20,1%), но при этом они видят сильную связь навыков и дохода. Эти специалисты могут считать, что им несправедливо «недоплачивают», так как их высокий навык не используется, но при этом они верят, что оплата должна зависеть от навыка – здесь есть риск фрустрации и проявления феномена «тихого ухода» [Коновалова 2023] или снижения вовлеченности до уровня оплачиваемых задач.

⁵ Работа и зарплата // Официальный сайт ВЦИОМ. 30.06.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-i-zarplata>. (дата обращения 29 декабря 2025).

Таблица 3

Оценка работниками
соответствия уровня существующей квалификации
требованиям выполняемой работы, в % от опрошенных

В какой мере уровень вашей нынешней квалификации соответствует требованиям выполняемой вами работы?	Все респонденты	Респонденты, работающие в IT-сфере
Полностью соответствует	35,2	38,5
Мои образование, квалификация выше, чем это требуется	9,5	20,1
Мне не хватает образования, квалификации для выполнения нынешней работы	3,9	11,2
Работаю по другой специальности, равноценной полученной	13,4	22,0
Не работаю	35,0	2,6
Затрудняюсь ответить	2,9	5,7

Источник: Инициативный Всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 2025 г.

Важно отметить, что россиянам для удовлетворенности работой важны и материальные, и нематериальные факторы, и они друг друга ни в коем случае не исключают. Рассмотрим, как возможность повышения профессиональной подготовки может косвенно влиять на удовлетворенность трудом (см. табл. 4).

С одной стороны, возможность регулярно повышать квалификацию – это мощный мотиватор и источник удовлетворения, что отвечает потребностям самоактуализации. Неслучайно молодые люди важной причиной повышения интенсивности работы считают возможность обучения по своей профессии, что также отражается в стратегиях, которым следуют студенты при выборе вузов [Ирсетская, Китайцева 2023]. С другой стороны, обязательность такого обучения (39,9% прошли курсы за 3 года) создает давление и хроническую учебную нагрузку, что может стать фактором риска выгорания, люди устают от необходимости «учиться всегда», кроме того, работник может прийти к выводу, что вознаграждение (зарплата) не компенсирует постоянных усилий по поддержанию своей «ценности». В то же время группа специалистов в IT-сфере,

которые «не учились» (44,6%), – уязвимая группа, для нее существует риск профессионального устаревания, что опять же может приводить к демотивации, снижению самооценки и «тихому уходу» как способу скрыть растущий разрыв в компетенциях. В то же время, по данным ВЦИОМ, почти 40% специалистов сами ищут возможность пройти профильные курсы⁶ и повысить свою квалификацию, значит внутренние системы развития в компаниях часто неотягивают до их запросов.

Таблица 4

Реализация различных форм профессиональной подготовки россиянами и работниками IT-сферы, в % от опрошенных

Приходилось ли вам за последние три года получать профессиональную подготовку? Если да, то в какой из перечисленных форм? (множественные ответы)	Все респонденты	Респонденты, работающие в IT-сфере
Нет, не приходилось	55,8	44,6
Прошел первичное профобучение (для не имевших профессии, специальности)	3,1	3,0
Прошел обучение смежной профессии, специальности (близкой моей прежней профессии, специальности)	5,3	8,8
Прошел переподготовку по новой, другой профессии, специальности	11,5	10,9
Прошел курс повышения квалификации по своей профессии	27,6	39,9

Источник: Инициативный Всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник», 2025 г.

Опираясь на социально-демографические характеристики, можно сказать, что работники IT-сферы качественно отличаются от среднего россиянина: колоссальный разрыв по уровню образования (86% в IT-сфере против 50,8% по массиву имеют высшее законченное/незаконченное или два и более образования). Путь

⁶ Кадры для растущей экономики // Официальный сайт ВЦИОМ. 30.04.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kadry-dlja-rastushchei-ehkonomiki?ysclid=mjvw2ss0mc329275845> (дата обращения 29 декабря 2025).

в IT-сферу через колледж/техникум – редкость, только 6,9% респондентов пришли в эту сферу имея среднее образование, что подчеркивает значимость теоретической, фундаментальной подготовки специалистов. Доступ в отрасль сильно ограничен формальным образовательным цензом, что является прямым следствием высокой оплаты труда. Разрыв по оценке материального положения как хорошего и очень хорошего в описываемых группах составляет 25,8 п.п. При этом доля испытывающих материальные трудности в IT крайне мала (3,8%) против 11,5% для всех респондентов. Таким образом IT-сегмент российского рынка труда является элитарным, с точки зрения образования, и это объективная база для высокой самооценки и профессиональных амбиций.

Заключение

Обратившись к исследованию удовлетворенности работой российских IT-специалистов, можно описать типичного российского IT-специалиста и ключевые драйверы его удовлетворенности/неудовлетворенности трудом.

Типичный современный специалист IT-сферы высокообразованный (86% имеют высшее образование), высокооплачиваемый работник, верящий в справедливость рынка (73,5% видят прямую зависимость дохода от своих навыков), постоянно обучающийся (39,9% целенаправленно повышали квалификацию), имеющий высокую профессиональную квалификацию (58,6% чувствуют, что их квалификация соответствует работе или выше ее).

Вместе с тем высокая удовлетворенность работой, которую демонстрируют представители IT-сферы, имеет как сильную сторону, так и зону риска, питающую потенциальную неудовлетворенность работников. К сильным сторонам высокой удовлетворенности можно отнести материальную удовлетворенность, базирующуюся на высокой зарплате в отрасли, которая создает фон для позитивных ощущений; удовлетворенность справедливостью вознаграждения за труд, что критически важно для внутренней мотивации работника; удовлетворенность профессиональной самореализацией, которая поддерживает уверенность в своей компетентности за счет высокого образовательного статуса и постоянного обучения. В то же время зона риска потенциальной неудовлетворенности складывается из таких составляющих, как: кризис содержания труда и недогрузка, когда высокообразованный и хорошо оплачиваемый специалист не находит для себя достойного применения и выбирает «тихий уход» как форму протеста против рутины; учебная гонка и когнитивная

перегрузка; профессиональная неопределенность и вынужденная адаптация, когда каждый пятый работает не по специальности; а также завышенные ожидания от работы (интерес, карьера) на фоне качественного образования и высокого дохода.

Позитивные составляющие удовлетворенности трудом удерживают людей в отрасли и обеспечивают ей отличие от многих других секторов экономики, а вот драйверы неудовлетворенности трудовой деятельностью формируют вызовы, на которые отрасли надо обратить внимание и постараться создать среду, где высокий потенциал сотрудника найдет достойное применение, а непрерывное развитие не будет вести к выгоранию.

Литература

- Вередюк 2018 – *Вередюк О.В.* Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 306–323.
- Ирсетская, Китайцева 2023 – *Ирсетская Е.А., Китайцева О.В.* Основные стратегии выбора вуза студентами в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 255–266. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-255-266
- Китайцева, Кокоулина 2025 – *Китайцева О.В., Кокоулина М.А.* Ценности и установки современных российских студентов в сфере труда // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 2. С. 140–151. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-140-151
- Коновалова 2023 – *Коновалова В.Г.* «Тихие» тенденции в управлении персоналом: новые термины или новые проблемы? // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. № 4. С. 21–26
- Черных 2023 – *Черных Е.А.* Динамика и детерминанты удовлетворенности работой россиян в характеристике человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 2. С. 199–215.
- Шевченко 2022 – *Шевченко И.О.* Мотивация труда российских работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 72–85. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-72-85
- Locke 1976 – *Locke E.A.* The Nature and Causes of Job Satisfaction // Handbook of Industrial and Organizational Psychology. Chicago, 1976. P. 1297–1349.

References

- Chernykh, E.A. (2023), “Dynamics and determinants of Russian workers’ job satisfaction in the context of human potential”, *Living Standards of the Population in Russian Regions*, vol. 19, no. 2, pp. 199–215.

- Irsetskaya, E.A. and Kitaitseva, O.V. (2023), "Basic strategies for choosing a university for students in modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 255–266, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-255-266
- Kitaitseva, O.V. and Kokoulina, M.A. (2025), "Values and attitudes of modern Russian students in the field of work", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2 pp. 140–151, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-140-151
- Konovalova, V.G. (2023), "'Quiet' trends in human resource management: New terms or new problems?", *Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia*, no. 4, pp. 21–26.
- Locke, E.A. (1976), "The Nature and Causes of Job Satisfaction", *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*, Chicago, USA, pp. 1297–1349.
- Shevchenko, I.O. (2022), "Russian employees motivation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 72–85, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-72-85
- Veredyuk, O.V. (2018), "Quality of youth employment in Russia: analysis of job satisfaction assessments", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 3, pp. 306–323.

Информация об авторах

Ольга В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; olga_kitaitseva@mail.ru

Мария А. Кокоулина, преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; kokoulinama@yandex.ru

Information about the authors

Olga V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga_kitaitseva@mail.ru

Mariya A. Kokoulina, lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kokoulinama@yandex.ru

Динамика показателей
социального самочувствия и материального положения
населения Самарской области

Юлия В. Васькина

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия
Социологический институт РАН – филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Санкт-Петербург, Россия, vaskina.yuv@ssau.ru*

Аннотация. Методологическую основу исследования составили традиционные подходы к измерению социального самочувствия и уровня жизни, включая работы отечественных социологов. Эмпирическая база – результаты анкетных опросов населения Самарской области с 2015 по 2024 г. Выборка репрезентативна для региона и включает 2600 респондентов из различных типов населенных пунктов. За анализируемый период показатели материального положения респондентов демонстрируют противоречивую динамику: при его произошедшем изменении к худшему текущие потребительские возможности доходов семьи оцениваются лучше, чем в прошлом году, что может быть связано с пересмотром представлений о «необходимом» минимуме. Социальное самочувствие, представленное оценками произошедших перемен и сложившейся в настоящее время ситуации, снизилось. Однако при этом ожидание от будущего стало немногим более оптимистичным. Анализ динамики измеряемых показателей выявил изменяющийся в кризисные периоды характер связи между оценками произошедших изменений и настоящей ситуации в жизни респондентов с их восприятием будущих жизненных изменений.

Ключевые слова: социальное самочувствие, материальное положение, индекс терпения, потребительские возможности доходов, население Самарской области

Для цитирования: Васькина Ю.В. Динамика показателей социального самочувствия и материального положения населения Самарской области // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 119–130. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-119-130

Dynamics of indicators of social well-being and material situation of the population of the Samara region

Yuliya V. Vaskina

Samara National Research University

named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia

RAS Sociological Institute – branch of the Federal Center

*of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy
of Sciences, Saint Petersburg, Russia, vaskina.yuv@ssau.ru*

Abstract. The methodological framework of the study is based on traditional approaches to measuring social well-being and living standards, including works by domestic sociologists. The empirical base is the results of questionnaire surveys of the population of the Samara region from 2015 to 2024. The sample is representative of the region and includes 2,600 respondents from various types of settlements. Over the analyzed period, the respondents' standard of living indicators demonstrate contradictory dynamics: when the family's financial situation changes for the worse, the family's income consumption potential is assessed better than in the previous year, which may be associated with a revision of ideas about the "necessary" minimum. Social well-being, measured through evaluations of past changes and current circumstances, has deteriorated. However, expectations for the future have become slightly more optimistic. An analysis of the dynamics of the measured indicators revealed a changing nature of the relationship between assessments of changes that have occurred and the current situation in the lives of respondents with their perception of future life changes during periods of crisis.

Keywords: social well-being, financial conditions, patience index, consumer income potential, population of the Samara region

For citation: Vaskina, Yu.V. (2026), "Dynamics of indicators of social well-being and material situation of the population of the Samara region", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 119–130, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-119-130

Введение

В последние несколько лет экономическая, социальная и политическая ситуации меняются более динамично и даже стремительно, чем десятью годами ранее. Эти изменения не могут не оказывать влияния на социальное самочувствие и экономическое положение населения, являющиеся базой формирования каче-

ства жизни. В современном обществе качество жизни населения – одна из основных целей социальной политики, в связи с этим научные исследования основных компонентов качества жизни имеют и теоретическое, и практическое значение, поскольку обогащают имеющиеся знания об уровне и динамике социально-экономических показателей качества жизни, обеспечивая тем самым формирование рекомендаций для корректировки социальной политики.

Исследователи ВЦИОМ уже более 20 лет рассчитывают индексы социального самочувствия, в которые входят индекс удовлетворенности жизнью, индекс материального положения семьи и индекс социального оптимизма, который его авторы считают показателем реакции респондентов на происходящие в стране и мире события. В период с 2005 до 2022 г. все три индекса ВЦИОМа демонстрировали согласованные однонаправленные изменения, то снижаясь, то возрастая в одни и те же временные интервалы¹.

Однако с 2022 г. стало явным расхождение оценок населением текущей собственной жизненной ситуации, в том числе материального положения, и восприятия будущего. Индексы восприятия будущего стали ниже, чем другие индексы, стал очевидным разрыв между высокими оценками своей жизни и более низкой оценкой предстоящих изменений, которая является в значительной степени реакцией на происходящие события. Таким образом, респонденты достаточно сильно обособляют свое положение от общей ситуации в стране.

Встает вопрос о том, характеризуются ли регионы России той же тенденцией в изменении оценок респондентами своего социального самочувствия и материального положения, которая отмечена на общероссийских выборах? Расходятся ли оценки сложившейся жизненной ситуации с восприятием будущего, как это отмечается в исследованиях ВЦИОМ? В данной статье на примере мониторинговых социологических исследований, проведенных НИИ социальных технологий Самарского университета с 2015 г., мы попытаемся ответить на эти вопросы, однако прежде анализа результатов обратим внимание на теоретический и эмпирический опыт, имеющийся по теме исследования.

Традиция эмпирического изучения социального самочувствия в отечественной социологии является достаточно устоявшейся,

¹ Социальное самочувствие россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2025. 27 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring-27052025> (дата обращения 15 сентября 2025).

первые исследования можно датировать 1980-ми гг. Однако, по мнению ряда авторов [Грачев, Русалинова 2007; Кобозева 2007], ранние эмпирические исследования практически не имели опоры на четко сформулированные методологические основы и использовали разные индикаторы социального самочувствия, что не позволяло корректно сравнивать результаты.

Одной из работ, теоретически значимых для понимания социального самочувствия, стала работа «Социальное настроение» [Тощенко, Харченко 1996]. Авторы определяли социальное самочувствие как базовый элемент социального настроения. Такая интерпретация указывала на важное и одновременно сложное для исследования обстоятельство – связь социального самочувствия с эмоциональным состоянием человека. Изучение эмоционально-психологического состояния как обязательного компонента социального самочувствия используется далеко не всегда и входит не во все авторские методики, из-за того что эмоциональное состояние меняется динамично и не может свидетельствовать о преобладающем в течение достаточно долгого времени настроении.

Несмотря на активный интерес к пониманию и измерению социального самочувствия и субъективного благополучия со стороны социологов, «согласия по поводу трактовки и способа измерения этих явлений среди социологов не достигнуто» [Кученкова 2016, с. 118]. В современных исследованиях предпринимаются попытки адаптировать системы показателей социального самочувствия к отдельным социальным группам, например для военнослужащих [Баранова, Музалевский 2023]. Разработке показателей социального самочувствия для молодых рабочих сервисной сферы посвящена статья «Концепт “социального самочувствия” молодежи, занятой в сервисной сфере экономики» [Гаврилюк и др. 2025]. В статье приведен один из наиболее полных обзоров истории подходов к интерпретации термина «социальное самочувствие», использования различных показателей и индикаторов социального самочувствия, применявшихся и применяемых в настоящее время в эмпирических социологических исследованиях. Принадлежа к той же научной школе самарской социологии труда, мы в своих мониторинговых исследованиях используем часть приведенных в названной статье индикаторов.

Что касается традиции измерения уровня жизни в отечественных исследованиях, то она не менее богата, чем традиция измерения социального самочувствия. Существует целый ряд авторских методик, например [Уровень 2022; Тихонова и др. 2022], и систем показателей уровня жизни, применяемых крупными исследовательскими центрами – ВЦИОМ, ФОМ, ВШЭ и Росстатом. Несмотря

на это многообразие подходов и систем показателей уровня жизни, мы в нашем исследовании используем только два субъективных показателя: оценка динамики доходов за прошлый год и оценка способности доходов удовлетворять потребности семей респондентов, поскольку они идут в логической связке с показателями уровня социального самочувствия. Подробнее авторская позиция обоснована в статье [Васькина 2024]. В связи с ограниченностью числа показателей считаем более корректным использовать термин «материальное положение», а не «уровень жизни».

Обзор научной литературы, посвященной анализу социального самочувствия и показателей уровня жизни, позволил выявить, что за рамками внимания исследователей остается взаимосвязь оценок произошедших изменений в жизни семьи (в том числе в материальном положении) с оценками текущего положения и прогнозами его изменения.

Для восполнения этих пробелов мы обратимся к анализу показателей социального самочувствия и материального положения населения Самарской области. У исследовательской группы НИИ социальных технологий Самарского университета есть возможность проследить их динамику в рамках мониторинговых исследований, проводимых с 2015 г. Выборка репрезентативна для области, включает 2600 респондентов из разных типов населенных пунктов, в числе которых областная столица, крупные и малые города области, сельские муниципальные районы, различающиеся социально-экономической ситуацией. Способ формирования выборочной совокупности – многоступенчатый. На первой ступени стратифицированная выборка: муниципальные образования Самарской области были разбиты на две группы – городские округа (с крупными и малыми городами) и муниципальные районы. Были отобраны типичные для своей группы территории. На второй ступени в каждом муниципальном образовании был применен квотный отбор, квотируемые признаки – пол и возраст. Сбор данных проводился стандартизированным личным интервью (face-to-face) с применением планшета с возможностью геолокации и записью (уличный опрос).

Мы используем два показателя материального положения (оценка изменений, произошедших в материальном положении респондентов в течение предыдущего года, самооценка респондентами потребительских возможностей их семей) и три показателя социального самочувствия (произошедшие изменения в течение минувшего года в жизни семей, восприятие текущей жизненной ситуации и перспектив ее изменения).

Материальное положение респондентов

За весь период мониторинга можно увидеть тенденцию на снижение ответов об ухудшении материального положения респондентов, устойчивый рост доли тех, кто сообщает о неизменности материального положения, и зигзагообразное изменение доли ответов об улучшении (рис. 1). Наиболее заметные изменения – в 2019 и 2020 гг., затем некоторая адаптация и после 2022 г. – незначительный рост негативных оценок, снижение позитивных и устойчивая доля ответов о неизменности материального положения.

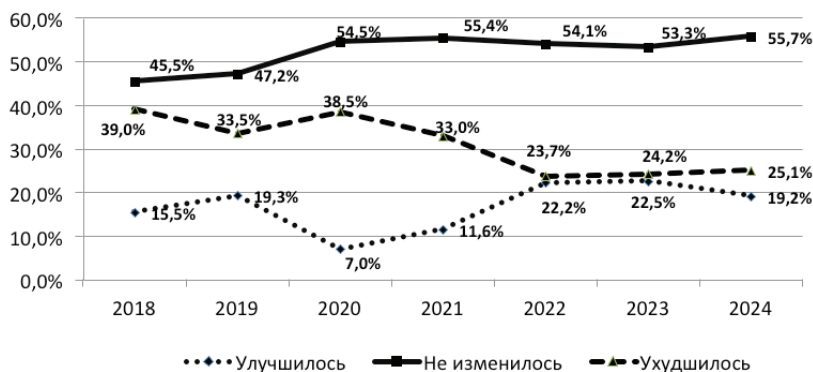

Рис. 1. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос: «Ухудшилось или улучшилось материальное положение вашей семьи (или ваше, если вы живете один/одна)?» (доля ответов, в %)

Источник: Мониторинговые исследования

«Отношение населения к соблюдению и реализации прав человека в Самарской области» в 2018–2024 гг.

Второй показатель материального положения, используемый в исследовании, – оценка респондентами потребительских возможностей своего дохода (рис. 2). Ответ на этот вопрос представлял собой классическую пятичленную шкалу, в которой условной серединой можно считать вариант ответа «Доходов не хватает на товары длительного пользования». Для более наглядного анализа мы суммировали доли ответов о доходах выше среднего уровня («испытываем затруднения только при покупке машины или квартиры» и «можем купить все, что захотим») и доли ответов о доходах ниже среднего уровня («не хватает на самое необходимое» и «хватает на повседневные расходы, но покупка одежды и обуви вызывает

затруднения»). В период пандемии соотношения в оценках респондентами своего материального положения резко нарушились, однако после 2022 г. наметилась тенденция к росту положительных оценок. Можно констатировать противоречивую ситуацию: при некотором изменении материального положения за год к худшему, оценки потребительских возможностей семьи в 2024 г. выше, чем год назад. Учитывая высокий уровень инфляции, это противоречие выглядит нелогично, однако социологические исследования уровня жизни уже сталкивались с подобными противоречиями во время эпидемии ковида, и объяснение их причин было связано с тем, что население пересматривает свои представления о «необходимом», «минимальном» наборе товаров и услуг в сторону его сокращения, поэтому даже уменьшающиеся доходы могут рассматриваться как достаточные для воспринимаемого по-новому минимума.

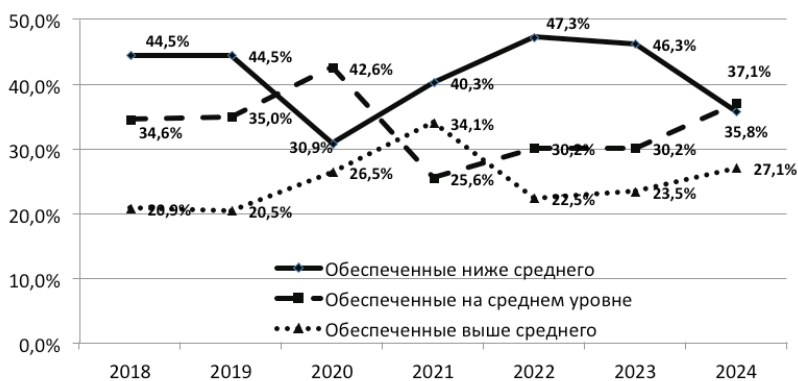

Рис. 2. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос: «На что обычно хватает доходов вашей семьи?» (доля ответов, в %)

Источник: Мониторинговые исследования

«Отношение населения к соблюдению и реализации прав человека в Самарской области» в 2018–2024 гг.

Социальное самочувствие

Для измерения социального самочувствия мы использовали оценки изменения за прошлый год, восприятие текущей ситуации и прогнозы относительно изменений в ближайшем будущем. Что касается произошедших изменений в предшествующий опросу год, то наиболее распространенный ответ (40,4% опрошенных) – «прошедший год оказался труднее предыдущего» (рис. 3). 21,6% рес-

пондентов придерживаются противоположного мнения, 32,6% – не заметили никаких изменений. Таким образом, респондентов, для кого 2024 г. оказался труднее, чем 2023-й, в два раза больше, чем тех, для кого 2024 г. стал легче. В 2021 и 2022 гг. наблюдался устойчивый рост доли положительных оценок прошедшего года, резкое сокращение отрицательных оценок, но затем уже не отмечается резких изменений в этих долях, хотя есть тенденция к увеличению доли негативных оценок и снижению доли положительных.

Рис. 3. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос: «Каким оказался этот год для вас (вашей семьи) по сравнению с предыдущим годом?» (доля ответов, в %)
Источник: Мониторинговые исследования «Отношение населения к соблюдению и реализации прав человека в Самарской области» в 2020–2024 гг.

Во втором показателе уровня социального самочувствия оценивается восприятие сложившейся жизненной ситуации (рис. 4). На рисунке не отражена доля тех, кто затруднился с ответом. За наблюдаемый период выделяется 2018 г., когда упали доли всех вариантов оценок (за счет резко увеличившейся доля затруднившихся с ответом). Затем до 2020 г. – рост положительных и нейтральных оценок, снижение отрицательных. В 2020–2022 гг. – разнонаправленные тенденции, которые затем вылились в почти параллельные линии, т. е. в сохранение на протяжении трех лет одинаковых долей по каждому ответу. Сопоставление суммы ответов, свидетельствующих о возможности терпеть жизненную ситуацию, и доли ответов об исчерпании терпения показывает увеличивающееся преобладание тех, кто может терпеть ситуацию с 2015 по 2020 г. к началу пан-

демии, снижение запаса терпения в 2021 г., по-видимому, за счет усталости от пандемии, затем снова резкий рост доли способных терпеть ситуацию в 2022 г. как ответ на новые вызовы. На протяжении последних трех лет наблюдения идет плавное снижение доли «терпеливых», однако она не вернулась к значениям десятилетней давности, население характеризуется гораздо более высоким запасом терпения, чем в относительно стабильное время.

Рис. 4. Динамика оценок сложившейся жизненной ситуации (доля ответов, в %)

Источник: Мониторинговые исследования «Отношение населения к соблюдению и реализации прав человека в Самарской области» в 2020–2024 гг.

Третий показатель социального самочувствия – ожидание изменений в жизни в ближайший год. В 2024 г. тех, кто надеется на лучшее, оказалось в 2,3 раза больше, чем тех, кто ожидает ухудшения. Это соотношение в пользу оптимистов изменилось по сравнению с 2023 и 2022 гг., когда оптимистов было соответственно в 1,8 раза и в 1,7 раза больше пессимистов. Десятилетняя динамика оценок будущего показывает резкие колебания доли оптимистов: снижения в 2018 и в 2021 гг., а между ними и после 2021 г. – значительный рост.

Выводы и заключение

Обратим внимание на тенденции в изменении оценок материального положения и социального самочувствия, характерные для трех последних лет. Оценки уровня жизни респондентов

демонстрируют противоречивую динамику: изменение материального положения семьи за последние три года воспринимается как ухудшающееся, тогда как потребительские возможности доходов семьи оцениваются все лучше. Наблюдается ухудшение оценок уходящего хода, снижение запаса терпения и рост оптимизма в отношении будущего.

И это, с одной стороны, подтверждает отмеченный в исследованиях ВЦИОМа вывод о несоответствии между оценками жизненной ситуации и мнением о грядущих изменениях, с другой стороны, в нашем исследовании оценки респондентами собственного благополучия снижаются, а доля положительных прогнозов на будущее растет в отличие от зафиксированной ВЦИОМом тенденции. Возможно, это расхождение в полученных выводах на общероссийской и региональной выборках связано с некоторым различием в применяемых показателях, формулировках вопросов, а возможно, и с региональной спецификой социально-экономической ситуации.

Проведенное исследование, ответив на поставленные в его программе исследовательские вопросы о состоянии и динамике оценок материального положения и социального самочувствия населения, показало необходимость дополнительных методов исследования и вызвало новые вопросы, на которые предстоит ответить в следующих этапах мониторинга. Так, мы полагаем, что к методам исследования необходимо добавить интервью, цель которого – получить от опрошенных объяснение их оценок различных показателей уровня жизни и социального самочувствия. Кроме того, необходимо понять, какие именно наборы благ и услуг представляются «достаточными» и «самыми необходимыми» разным группам населения, отличающимся статусом в занятости и доходами. И наконец, большой исследовательский интерес представляет характер связи между оценками произошедших изменений и настоящей ситуации в жизни респондентов с их восприятием будущих жизненных изменений.

Литература

- Баранова, Музалевский 2023 – *Баранова Г.В., Музалевский В.И.* Особенности характеристики социального самочувствия военнослужащих // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 214–223.
- Васькина 2024 – *Васькина Ю.В.* Изменения оценок материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 3. С. 450–460.

- Гаврилюк и др. 2025 – Гаврилюк В.В., Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Концепт «социального самочувствия» в исследовании молодежи, занятой в сервисной сфере экономики // Семиотические исследования. 2025. Т. 5. № 1. С. 115–129.
- Грачев, Русалинова 2007 – Грачев А.А., Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в организации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 30. С. 7–17.
- Кобозева 2007 – Кобозева Н.Н. Социальное самочувствие как социологическая категория // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 50. С. 117–122.
- Кученкова 2016 – Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 118–127.
- Тихонова и др. 2022 – Тихонова Н.Е., Мареева С.В., Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2022. 424 с.
- Тощенко, Харченко 1996 – Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Академия, 1996. 195 с.
- Уровень 2022 – Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / Под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с.

References

- Baranova, G.V. and Muzalevsky, V.I. (2023), “Special characteristics of the social well-being of military personnel”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 214–223.
- Bobkov, V.N., Loktyukhina, N.V. and Shamaeva, E.F. (eds.) (2022), *Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proektirovaniyu budushchego* [The Standard of Living and Quality of Life of the Russian Population: From Reality to Designing the Future], FNISRC RAN, Moscow, Russia.
- Gavrilyuk, V.V., Bocharov, V.Yu. and Gavrilyuk, T.V. (2025), “The concept of ‘social well-being’ in the study of youth employed in the service sector of the economy”, *Semiotic Studies*. vol. 5, no. 1, pp. 115–129.
- Grachev, A.A. and Rusalina, A.A. (2007), “Social ‘self-feeling’ of the person at an organization”, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 30, pp. 7–17.
- Kobozeva, N.N. (2016), “Social General State as Sociological Category”, *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 50, pp. 117–122.
- Kuchenkova, A.V. (2016), “Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 118–127.

- Tikhonova, N.E., Mareeva, S.V., Anikin, V.A., Lezhnina, Yu.P., Karavai, A.V. and Slobodenyuk, E.D. (2022), *Obshchestvo neravnykh vozmozhnostej: social'naya struktura sovremennoj Rossii* [Society of Unequal Opportunities: ineravnykh vozmozhnostei: social'naya struktura sovremennoj], Ves' Mir, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. and Kharchenko, S.V. (1996), *Social'noe nastroyenie* [Social Mood], Akademiya, Moscow, Russia.
- Vas'kina, Yu.V. (2024), "Changes in Assessments of the Financial Situation, Standard of Living and Social Well-Being of the Samara Region's Residents", *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 20, no. 3, pp. 450–460.

Информация об авторе

Юлия В. Васькина, кандидат социологических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия; 443086, Россия, Самара, ул. Московское шоссе, д. 34;

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; vaskina.yuv@ssa.ru, ORCID ID: 0000-0002-0586-839X

Information about the author

Yulya V. Vaskina, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia; bld. 34, Moskovskoe Highway, Samara, Russia, 443086;

RAS Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; bld. 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 190005; vaskina.yuv@ssa.ru, ORCID ID: 0000-0002-0586-839X

Молодежь и молодежные организации
предперестроечного периода (1970–1980-е годы):
позиции субъектности

Марина С. Короткова
*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, Korotkova.ms@rggu.ru*

Аннотация. В статье операционализируются понятия «субъектность», «социальный статус», показана дифференциация группы молодежи. Автор анализирует проявления субъектности учащейся молодежи в разных сферах: образовании (средне-профессиональное и высшее) и молодежных организациях различной направленности; формы участия и неучастия государства в формировании субъектности, последствия последнего факта. Показаны изменения вектора престижности получения высшего и среднего образования с опорой на исследования отечественных социологов. Факт наследования образовательного статуса молодежи в 1970-х также претерпел изменения. Приводится мотивация вступления молодежи в молодежные организации просоциальной, асоциальной и антисоциальной направленности. При историко-социологическом анализе молодежи данного периода учитывается то, какие стремления, интересы, ориентации были характерны для данной группы, в чем они состояли, какие существовали молодежные организации, официальные и неофициальные, самодельные объединения, молодежные движения, насколько они отвечали запросам государства.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, субъектность, социальный статус, образование, престиж, молодежные организации

Для цитирования: Короткова М.С. Молодежь и молодежные организации предперестроечного периода (1970–1980-е годы): позиции субъектности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 131–140. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-131-140

Youth and youth organizations
in the pre-perestroika period (1970–1980s):
positions of subjectivity

Marina S. Korotkova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia; Korotkova.ms@rggu.ru*

Abstract. The article operationalizes the concepts of “subjectivity” and “social status” and shows the differentiation of the youth group. The author analyzes the manifestations of the subjectivity of students in various fields: education (secondary vocational and higher education) and youth organizations of various orientations; the forms of participation and non-participation of the state in the formation of subjectivity, and the consequences of the latter fact. The article also shows changes in the prestige of higher and secondary education based on research by Russian sociologists. The educational status of young people in the 1970s has also undergone changes. The article provides motivation for young people to join pro-social, asocial, and antisocial youth organizations. When analyzing the youth of this period, it is important to consider the aspirations, interests, and orientations of this group, as well as the existing youth organizations, both formal and informal, and self-organized groups and youth movements. It is also important to examine how these organizations met the needs of the state.

Keywords: youth, students, agency, social status, education, prestige, and youth organizations

For citation: Korotkova, M.S. (2026), “Youth and youth organizations in the pre-perestroika period (1970–1980s): positions of subjectivity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 131–140, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-131-140

Введение

Одна из уникальных особенностей молодежи как образовательной общности состоит в том, что вся ее энергия, физическая выносливость, подвижность, свойственная молодому организму, затрачивается на поиск своего места в социальном пространстве, становление социальной позиции, обретение индивидуальности.

Позиция становящегося субъекта общественного воспроизводства вовлекает молодых людей в систему различных динамичных переходов в психофизическом и социальном смыслах во взрослое состояние: от учебы к труду, от преимущественного свойства быть объектом социального воздействия к формирую-

щемся свойству быть субъектом собственного развития, от младшей возрастной группы молодежи к старшей.

В широком смысле этот процесс означает обретение молодыми людьми социальной субъектности, завершающейся обретением социальной зрелости, экономической самостоятельности, преодолением маргинальности социального статуса, т. е. успешной интеграцией в социально-экономическую и профессиональную структуру общества [Короткова 2016]. Под субъектностью молодежи мы будем понимать способность к проявлению инициативной деятельности в обществе.

Мы будем использовать в связке эти два понятия: статус и субъектность. С той лишь разницей, что статус обозначает положение молодого человека в социальной структуре общества и этим указанием ограничивается, а субъектность как динамическая сторона статуса реализуется им в делах, проявляется постоянно. В этой динамичности субъектность напоминает социальную роль, только она не нагружена, как субъектность, целью, мотивацией, развитым механизмом саморегуляции, осознанием своей ответственности, а также наличием осознанной позитивной жизненной стратегии. На ее становление непосредственное влияние оказывает государство с расширенной сетью молодежных организаций и сама молодежь, самоорганизуясь в собственно интересные ей формы.

Дифференцированная по составу – молодые рабочие, сельская молодежь, учащиеся вузов и ссузов – нас в большей степени будет интересовать именно учащаяся молодежь, наиболее полно проявляющая свою субъектность в когнитивном процессе, становлении своей идентичности в институте образования.

Учащаяся молодежь. Средне-специальное профессиональное образование

В запросах государства реализовывалась субъектная позиция молодежи. В 1970-е гг. в мире разворачивался новый этап научно-технической революции. Молодежь 1980-х гг. обладала высоким образовательным потенциалом благодаря тому, что функционировала расширенная сеть образовательных учреждений, в которых мог реализовываться основной статус молодежи.

В статусе студента ссуза или вуза было возможно освоение молодыми людьми профессий, востребованных экономикой. Курс на НТР совпал с интенсивным развитием системы профессионально-технического образования: наблюдался рост средних специальных учебных заведений различного типа: на начало

1970-х гг. – 4223, к 1980 г. их число достигло 4383¹. Число профессионально-технических училищ только за пять лет (с 1966 по 1971 г.) увеличилось почти на четверть.

Таблица 1

Количество вузов и ссузов

Год	Кол-во вузов	Студентов вузов (тыс. чел.)	Кол-во ссузов	Студентов ссузов (тыс. чел.)
1979	866	5196	4383	4646
1990	911	5162	4556	4097

Субъектность половины обучающихся студентов ссузов в 1970-х гг. и более половины в 1980-х реализовывалась в статусе студентов очной формы обучения (рис. 1). Многие совмещали два статуса: учащегося и работника.

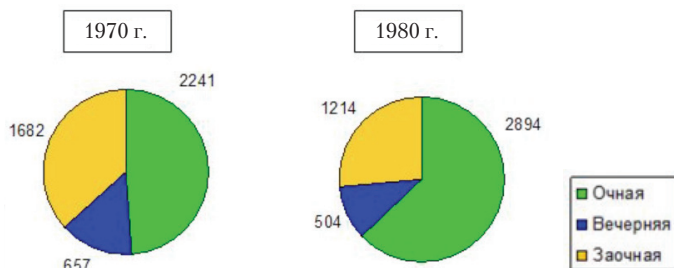

Рис. 1. Распределение студентов ссузов по формам обучения

Увеличение числа средних учебных заведений объясняется резким возрастанием численности учащихся: 4338 тыс. студентов в 1970 г., 4612 тыс. – в 1980 г. Темпы увеличения контингента обучающихся в образовательных учреждениях различных типов опережали динамику роста их числа. В течение двух десятилетий расширение контингента происходило не только за счет открытия новых учебных заведений, но преимущественно благодаря формированию укрупненных образовательных центров и комплексов, оснащенных современными материально-техническими ресурсами.

¹ Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах: 2008–2023. URL: <https://su90.ru/> (дата обращения 27 декабря 2025).

При этом система профессионально-технического образования развивалась преимущественно экстенсивно – «вширь», через строительство новых учреждений (темпы роста числа ПТУ превышали прирост контингента в расчете на одно училище), тогда как среднее специальное, и особенно высшее образование, демонстрировали интенсивный путь развития – «вглубь», что выражалось в процессе укрупнения учебных заведений

Повышение уровня образования населения обусловило дальнейшее развитие системы специального и профессионального образования в стране. В 1982 г. по сравнению с 1965 г. расходы на образование из государственного бюджета и других источников выросли в 2,3 раза.

Студенты 80-х считались отдельной категорией советского общества: они стремились покорять вершины, думали о будущем и планировали свою жизнь. Высшее образование ценилось и было главной целью для всей практически молодежи (за редкими исключениями). Образование продолжало выполнять действенную функцию социального лифта, однако динамика престижа высшего образования менялась. Если в середине 1960-х гг. в вуз желали поступать 80–90% десятиклассников, то к середине 1970-х гг. их число сократилось вдвое. По данным опросов Свердловской социологической школы В.Н. Шубкина, в середине 1980-х гг. намерены были поступать в вуз сразу после окончания средней школы 37% опрошенных учащихся, к концу 1980-х гг. – в 2 раза меньше [Чередниченко, Шубкин 1985]. Престиж выбранных профессий определялся в первую очередь фактором материального вознаграждения будущей профессии и в меньшей степени интересом к ней и фактором полезности труда. По большей части, это были творческие, а не рабочие профессии.

Современные исследования социологов также фиксируют трудности самоидентификации молодежи, выраженные в желании принадлежать к среднему классу, даже если это не всегда соответствует действительности [Крыштановская, Мещерякова 2023].

Молодежные организации

Комсомольская организация в рассматриваемый период выступала одним из ключевых институтов социализации молодежи, интегрированным практически во все сферы общественной жизни СССР. Численность членов ВЛКСМ достигла максимальных значений в начале 1980-х гг., превысив 40 млн человек. Существенным направлением деятельности являлись так называемые комсомольские ударные стройки, представлявшие собой масштаб-

ные проекты индустриального строительства, находившиеся под шефством организации. Высшей категорией таких объектов считались всеозонные ударные стройки, наиболее известной из которых стало возведение Байкало-Амурской магистрали (БАМ). В период 1974–1984 гг. на строительстве БАМа по комсомольским путевкам трудились десятки тысяч молодых людей, мотивированных не только материальными факторами, но и стремлением к участию в значимых государственных проектах, проверке личных качеств и реализации ценностей коллективизма.

Комсомольская путевка выполняла функцию социального лифта, обеспечивая молодежи доступ к профессиональному образованию, службе в армии, работе в различных регионах страны. Данный механизм способствовал формированию карьерных траекторий и укреплению институциональной роли комсомола в системе распределения социальных ресурсов.

Результаты деятельности ВЛКСМ имели значительный экономический эффект: силами молодежных отрядов было построено свыше 300 крупных промышленных объектов, включая 48 доменных и сталеплавильных печей, 34 прокатных и трубопрокатных стана, 65 химических предприятий, проложено около 5 тыс. км газонефтепроводов, а также построено и электрифицировано более 13 тыс. км железнодорожных путей.

Студенты могли записываться в студенческие отряды и подрабатывать. Иногда заработки доходили до 400–500 рублей, что было хорошим подспорьем в бюджете. В отрядах можно было лучше узнать выбранную профессию или освоить новую, а также посмотреть страну и побывать в разных городах.

Включаясь в деятельность молодежных организаций, иницируемых государством, субъектность молодежи перестает быть индивидуальной, самобытной. Она последовательно конструируется в пределах рамок, продуманных структурой. Сам молодой человек не всегда придает этому значение, приходя и увлекаясь работой. Тем временем его идентичность становится институционально центрированной структурой [Левичева, Диманс 2023]. Молодежь же 80-х все больше и открыто стремилась проявлять себя неформально: стали появляться такие молодежные субкультуры, как рокеры, металлисты, панки, хиппи и байкеры. Их объединяло то, что они предоставляли альтернативные социальные практики в сфере проведения досуга. Если в 1960–1970-е гг. неформальные молодежные объединения преимущественно ориентировались на выход за рамки официальной идеологии и противостояние политическому диктату, то в 1980-е гг. их активизация была обусловлена зарождающимся системным кризисом советской социальной структуры. Постепен-

ная перестройка институциональной основы социалистического общества, сопровождавшаяся экономическим спадом, деградацией отдельных сфер общественной жизни, ростом безработицы и снижением уровня жизни населения, создала благоприятные условия для формирования и расширения неформальных субкультур.

Неформальные молодежные группы

В рассматриваемый период произошел всплеск неформального молодежного движения (люберы, хиппи, панки). Согласно опросу, проведенному в Москве в 1987 г., к неформалам причисляли себя 52% молодых инженеров и техников, 65% молодых рабочих, более 70% студентов и десятиклассников и около 90% учащихся ПТУ. Неформалов стали определять по различным соматическим средствам (одежда, сленг, значковая атрибутика, манеры, мораль и т. д.), с помощью которых молодые отгораживались от взрослого сообщества, отстаивая свое право на внутреннюю жизнь.

Если до начала 80-х гг. молодежная культура находилась в «подполье», то с 1986–1987 гг. – существование неформальных групп признано официально, лавиной на страницы газет и журналов, экраны телевидения хлынули материалы о хиппи, панках, рокерах. Молодежь все сильнее стала чувствовать свою свободу, и процент появления неформальных движений вырос в три раза! Молодежь открыто выражала свое недовольство советской системой, участвуя в массовых акциях протеста и выступая за демократические преобразования. Неформалы стали символом перемен и свободы, символом протеста против устаревших ценностей и стереотипов, побуждая молодежь к самовыражению. Не являясь исключительно деструктивными, они во многом выступали своеобразными проводниками западного культурного влияния в условиях закрытости советского общества.

В конце 1980-х гг. в стране существовало 60 тыс. разномастных молодежных объединений. Даже с большой натяжкой их нельзя было назвать единым молодежным движением, которое прежде замещал многомиллионный комсомол.

Власти усиливали контроль над хиппи, устраивая облавы и аресты, исключая их из учебных заведений и отправляя в армию или на принудительное лечение в психиатрические больницы. Однако эти меры не смогли полностью подавить движение, которое продолжало существовать в подпольных условиях. Советское движение хиппи стало частью молодежной культуры и внесло свой вклад в развитие свободомыслия и альтернативного образа жизни в СССР.

Выводы

Советское государство много делало для развития субъектности молодежи: первая в мире страна, которая ввела бесплатное образование. Население страны стало самым образованным в мире. Функционировала широкая сеть школ, средних и высших учебных заведений, обеспечивающая когнитивный процесс и участие молодежи в духовном производстве. Численность специалистов с высшим образованием к 1985 г. достигла 14,5 млн человек. Оказывалась материальная поддержка в виде стипендий, квоты для «стажников», броня приема молодежи на работу.

В то же время изменился престиж профессий: молодых людей привлекали творческие, интеллектуальные, а не востребованные рабочие профессии.

Властью четко осознавался факт взаимосвязи успешности социализации молодежи со степенью включения ее в различные виды социально значимой деятельности. Молодежь приобщали к решению таких задач, которые требовали ответственного поведения. Однако молодежь хотела выбирать и проявлять инициативу в создании своих объединений. Причины вступления в комсомол со временем превратились в меркантильные: для студентов исключение из комсомола часто влекло за собой увольнение или иные проблемы, замедление карьерного роста. Таким образом, формировалось потребительское отношение к партии как к необходимой ступени карьерного роста, подкрепляемое страхом перед карательными органами.

Молодежь искала новые формы приложения своей энергии, стала осознавать себя как активного субъекта общественных отношений. Но когда она пыталась проявить себя в практической деятельности, порой срабатывала «шлагбаумная» психология. Несмотря на то что молодые люди, участники неформальных молодежных движений, в большинстве своем не имели ни анти-советских, ни террористических, ни изменнических умыслов, все равно они подвергались репрессивным мерам воздействия. Вина перекладывалась на пропаганду капиталистического строя и продолжали приниматься меры по искоренению чуждого элемента из советской действительности молодежи.

Поколению 80-х предстояло решить сложные задачи: помимо приобретения образовательного статуса и последующего за ним профессионального самоопределения, происходящих в условиях разлома социально-экономической и политической системы, им предложили освоить не существовавшие ранее профессии, разобраться в новых технологиях, освоить финансовую грамотность и притом максимально самостоятельно.

Масштаб социальных и культурных трансформаций потребовал времени для перестройки сознания в условиях системного идеологического кризиса, разрушения ценностно-нормативной системы, коммерциализации и деградации культурной среды. Эти процессы сопровождалась снижением эффективности механизмов социальной адаптации и утратой устойчивых жизненных ориентиров, что обусловило дезорганизацию молодежной идентичности и дефицит институциональных форм социализации. В результате возникли глубокие изменения в структуре жизнедеятельности молодежи, завершившиеся социальным и культурным кризисом.

С конца 1980-х гг. молодежь, по сути, была предоставлена самой себе. В ситуации отсутствия системной социально значимой деятельности облегчился и ускорился процесс переноса молодежной конструктивной инициативы в ряды бандформирований. Выстраивая барьер от взрослого мира, молодые люди обособлялись от старших, в качестве идеологов протеста выбирали себе своих или западных кумиров.

С конца 1980-х гг. субъектность вынуждена формироваться без поддержки государства, ей была предоставлена полная свобода, граничащая с криминальностью: у студенчества на глазах становились престижными совсем не те профессии, которые оно поэтапно осваивало; рабочая молодежь объективно не могла участвовать в экономическом производстве и скатывалась в полукриминальный мир; призывная молодежь оказалась втянутой в политические процессы, цели которых не понимало, но отдавало жизнь и здоровье; спортивная молодежь оказалась без должной материально-технической базы и переносила практику боевых искусств на улицы, битой и кулаками выбивая справедливость. Молодежь создавала свои правила, выстраивала иерархию в своих субкультурах, не рассчитывая на поддержку сверху, а иногда и радуясь предоставленной свободе и переменам.

Литература

- Короткова 2016 – *Короткова М.С.* Динамичность как сущностная характеристика социального статуса студентов московских вузов // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2016. № 4. С. 120–125.
- Крыштановская, Мещерякова 2023 – *Крыштановская О.В., Мещерякова Н.Н.* Современное социоструктурное пространство России в представлениях молодежи // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2023. № 3. Ч. 2. С. 288–299. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-288-299

- Левичева, Диманс 2023 – *Левичева В.Ф., Диманс С.Л.* Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 73–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-73-83
- Чередниченко, Шубкин 1985 – *Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М., 1985. 240 с.

References

- Cherednichenko, G.A. and Shubkin, V.N. (1985), *Molodezh' vstupaet v zhizn' (sotsiologicheskie issledovaniya problem vybora professii i trudoustroistva)* [Youth Enters Life (Sociological Research on the Problems of Choosing a Profession and Employment)], Mysl', Moscow, Russia.
- Korotkova, M.S. (2016), "Dynamism as an Intrinsic Characteristic of the Social Status of Students of the Moscow Higher Educational Institutions", *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, no. 4, pp. 120–125.
- Kryshatanovskaya, O.V. and Meshcheryakova, N.N. (2023), "The modern socio-structural space of Russia in the views of young people", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 288–299.
- Levicheva, V.F. and Dimans, S.L. (2023), "Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 73–83.

Информация об авторе

Марина С. Короткова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Korotkova.ms@rggu.ru

Information about the author

Marina S. Korotkova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Korotkova.ms@rggu.ru

Великая Отечественная война
в восприятии современных детей и подростков:
опыт мониторинговых исследований

Елена А. Колосова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, the_shmiga@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены сравнительные результаты исследований детей и подростков, посвященных Великой Отечественной войне, полученные в 2015, 2020 и 2025 гг. Представленные результаты показали трансформацию роли школы и детской библиотеки в приобщении современных школьников к теме Великой Отечественной войны через мероприятия, литературу и появляющиеся новые форматы для работы с подрастающим поколением.

В качестве источников информации о Великой Отечественной войне дети в основном указывали книги и школьные учебники, которые держат лидерство последние 10 лет. Однако не менее велика роль кинофильмов, сериалов, в том числе снятых по мотивам советских произведений о ВОВ.

Значительную часть информации современные дети получают из Интернета, и этот источник значительно прибавил информации о ВОВ за 10 лет, тогда как роль телевидения серьезно сократилась. Несмотря на всеобщее засилье Интернета, этот источник информации не вытеснил традиционные – печатные книги и учебную литературу, и помог в продвижении качественных и проверенных временем текстов с помощью новых форматов доступа к литературе (онлайн-сервисы и платформы для чтения книг, специализированные ресурсы о ВОВ, созданные библиотекарями, педагогами, музеями, и т. п.).

Ключевые слова: детство, Великая Отечественная война, литература, источники информации, школа, библиотека

Для цитирования: Колосова Е.А. Великая Отечественная война в восприятии современных детей и подростков: опыт мониторинговых исследований // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 141–152. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-141-152

The Great Patriotic War in the perception of modern children and adolescents: experience of monitoring research

Elena A. Kolosova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, the_shmiga@mail.ru*

Abstract. The article presents a comparative analysis of the results of three studies conducted in 2015, 2020 and 2025 on the perception of the Great Patriotic War among children and adolescents. The findings reveal the evolving role of schools and children's libraries in engaging young generations with the topic through events, literature, and innovative formats of educational work.

The study shows that books and school textbooks remain the primary sources of information about the war for children, maintaining their leading position over the past decade. At the same time, films and TV series – including screen adaptations of Soviet war literature – continue to play a significant role in shaping historical consciousness.

Notably, the Internet has become an increasingly important information source over the ten-year period, while television's influence has declined substantially. Despite the widespread use of the Internet, this source of information has not replaced traditional sources (printed books and educational literature), but has helped to promote high-quality and time-tested texts through new formats of access to literature (online services and platforms for reading books, specialized resources about the Great Patriotic War created by librarians, teachers, museums, etc.).

Keywords: childhood, Great Patriotic War, literature, sources of information, school, library

For citation: Kolosova, E.A. (2026), "The Great Patriotic War in the perception of modern children and adolescents: experience of monitoring research", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 141–152, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-141-152

Введение

По мере того как эпоха Великой Отечественной войны отдаляется от нас во времени, возрастает роль художественных текстов как хранителей исторического опыта. Особую актуальность приобретает проблема передачи знаний о войне новому поколению, для которого события начала прошлого века являются далеким прошлым.

Осведомленность о фактах, событиях и героях – это основа, на которой строится историческая память.

Историческая память о Великой Отечественной войне как капитал инкорпорируется в патриотическую самоидентификацию молодого поколения. Временная перспектива растягивается, отдаляя события, но сохраняется выраженная эмоциональная окраска их восприятия [Вишневский и др. 2025, с. 44].

Память о войне живет не сама по себе – она закреплена в институтах, поддерживается государством и вплетена в нашу повседневность. Особенно ярко это проявляется в дни юбилеев и памятных дат, когда прошлое становится частью настоящего.

Значимость исторического наследия напрямую зависит от его актуальности в современном культурном и социальном контексте. Его сохранение обеспечивается через систему образования, кинематограф, литературу и межпоколенческую коммуникацию в семье. Подлинное единство поколений формируется в процессе коллективных действий – ритуалов памяти, таких как военные парады и общественные акции, которые придают наследию эмоциональную глубину и символическую силу.

Рассмотрим, насколько эти формы и практики реализуются в жизни современного поколения и что является сегодня главным источником событий тех страшных и героических дней.

Программа исследования

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне Российская государственная детская библиотека (РГДБ) организовала масштабное социологическое исследование «Тема Великой Отечественной войны в чтении детей и подростков» [Колосова 2025]. Исследование базируется на сравнительном анализе данных трех волн опроса, что позволяет проследить динамику сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Целью мониторинговых исследований РГДБ (2015, 2020, 2025 гг.) стал сбор и анализ данных о восприятии военной тематики юным поколением, их читательских предпочтениях, а также о роли семьи, школы и библиотек в трансляции исторической памяти. Особое внимание уделялось источникам получения книг о Великой Отечественной войне и возрастающему влиянию электронных ресурсов.

Первая волна (2015 г.) была приурочена к 70-летию Победы и прошла на базе библиотек Москвы, Липецка, Ставрополя, Севастополя и Симферополя. Выборка составила 585 школьников в возрасте 7–17 лет [Колосова 2016]. Анкета первой волны легла в основу последующих этапов мониторинга.

Вторая волна (2020 г.) охватила уже 10 044 школьника (7–18 лет) из 84 регионов [Колосова 2020].

Третья волна (2025 г.) стала самой массовой: в опросе приняли участие 23 300 школьников от 6 до 18 лет из 85 регионов [Колосова 2025].

Ключевые вопросы мониторинга, на которые исследователи постарались найти ответы в ходе анализа данных: Сохраняется ли интерес к военной литературе у современных детей? Какие смыслы и идеи юные читатели выносят из книг о войне? Какова структура самостоятельного читательского выбора? Какие произведения о событиях 1941–1945 гг. остаются вне поля зрения молодежи? Как меняется влияние семьи, школы и библиотеки на формирование читательского интереса к военной прозе? Происходит ли замещение художественной литературы о войне электронными и цифровыми ресурсами?

Отношение детей и подростков к событиям Великой Отечественной войны

Динамика отношения школьников к событиям Великой Отечественной войны за период 2015–2025 гг. характеризуется устойчивостью базовых показателей при наличии локальных сдвигов по ряду параметров. Детализированные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Отношение школьников
к словам «Великая Отечественная война»,
в % от опрошенных

Вариант ответа	2015 г.	2020 г.	2025 г.
Неотъемлемая часть моей жизни, истории моей семьи, моей страны	20	22	25
Трагическое и страшное событие в судьбе нашей Родины	33	41	41
Уважение к ныне живущим ветеранам и участникам войны	42	37	38
Память о погибших в сражениях за Родину	61	57	60
Великий подвиг России, который нельзя забывать	77	73	78

Источник: Мониторинговые исследования РГДБ «Тема Великой Отечественной войны в чтении детей и подростков».

В восприятии современных школьников доминирует отношение к Великой Отечественной войне как к великому подвигу России, который нельзя забывать. Вторую позицию занимает трактовка войны как памяти о погибших за Родину. При этом зафиксирован существенный рост числа респондентов, воспринимающих военные события как трагическую и страшную страницу в судьбе Отечества – на 8 п. п., поскольку дети мыслят контрастами сильнее, чем взрослые. Они сравнивают свою сытую, безопасную, наполненную гаджетами и развлечениями жизнь с тем, что описывается в рассказах о войне: холод в блокадном Ленинграде, жизнь в землянках, отсутствие еды. Чем больше этот контраст, тем более диким и страшным кажется то время. Полученные данные свидетельствуют о прерывании тенденции субъективного отдаления от событий Великой Отечественной войны, фиксировавшейся в 2020 г. Сходная динамика прослеживается и в результатах федерального исследования студенческой молодежи, проведенного Российским обществом социологов в 2005–2025 гг. Зафиксировано повышение за последние пять лет

...доли несогласных с тем, что Великая Отечественная война – это что-то давнее и не заслуживающее внимания. Причем уменьшилось число частично несогласных и выросло число полностью несогласных [Вишневский и др. 2025, с. 36].

Абсолютное большинство россиян всех возрастов убеждены, что

...память о Великой Отечественной войне важно сохранять. Несмотря на то что мы все дальше от событий тех лет, отмечать День Победы следует так же масштабно, как и раньше¹.

Согласно представлениям россиян, ключевыми механизмами сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне выступают: межпоколенческая коммуникация (диалог с молодежью в школе и за ее пределами); репрезентация военной тематики в СМИ и массовой культуре; поддержание культа памяти о ветеранах и их подвиге.

В 2015 г. главным каналом передачи «живой истории» были встречи с ветеранами – живое общение с поколением победителей

¹ Великой Победе – 80 лет! Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник». В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения 1 января 2026).

(72%) [Колосова 2016]. К 2025 г. этот показатель снизился до 38% в силу объективных причин (естественная убыль фронтовиков), что делает каждую такую встречу сегодня особенно бесценной.

Живых очевидцев и участников тех событий практически не осталось, но их потомки воспроизводят опыт, унаследованный в процессе коммуникации внутри семьи [Великая и др. 2025, с. 16].

Ученые называют этот феномен «постпамять». Ведущую роль в патриотическом воспитании и формировании исторической памяти закрепила за собой школа. Доля респондентов, отмечающих значимость школьных мероприятий, выросла с 70% в 2015 г. до 82% в 2025 г. Несмотря на усиление роли образовательных институтов, семья сохраняет прочные позиции (второе место) как хранитель межпоколенческой памяти. Передача семейных историй, реликвий и воспоминаний остается ключевым механизмом, обеспечивающим личностное восприятие истории.

Художественная литература о Великой Отечественной войне как основа исторической памяти

Данные мониторинга демонстрируют константность структуры информационных источников: в течение всего десятилетнего периода наблюдения доминирующими каналами получения сведений о Великой Отечественной войне являются книги (74% респондентов) и учебная литература (63%) [Колосова 2025, с. 35]. Книга остается наиболее надежным источником информации, достоверность которых проверена временем.

Содержание школьных учебников истории, как правило, находится под влиянием народной исторической памяти. История в школьных учебниках описывает не «социальные действия» безликих «актеров», но деяния конкретных героев и злодеев; она всегда в какой-то мере политизирована, идеологизирована, мифологизирована [Малинкин 2020, с. 25].

Воспитание подрастающего поколения невозможно без учебной литературы, выступающей ключевым средством социализации. Объективное знание, опосредованное учебным текстом, трансформируется во внутренние убеждения и ценностные ориентации, конституирующие личностную зрелость.

Анализ читательских предпочтений показал, что доминирующим источником информации о событиях 1941–1945 гг. для детей и подростков остается художественная литература. Наибольший эмоциональный отклик у респондентов вызывают произведения писателей-фронтовиков – тех, кто прошел войну лично. И это не случайность: именно эти произведения входят в школьную программу и списки внеклассного чтения, формируя общий культурный код.

В число самых часто упоминаемых школьниками книг вошли такие как: Твардовский А.Т. «Василий Теркин», Катаев В.П. «Сын полка», Васильев Б.Л. «А зори здесь тихие», Полевой Б.Н. «Повесть о настоящем человеке», Шолохов М.А. «Судьба человека», Бондарев Ю.В. «Горячий снег», Ильина Е.Я. «Четвертая высота», Воронкова Л.Ф. «Девочка из города», Симонов К.М. «Живые и мертвые», Богомолов В.О. «Иван», Фадеев А.А. «Молодая гвардия», Воробьев К.Д. «Убиты под Москвой» [Колосова 2025, с. 35–36].

Для взрослых россиян старше 18 лет

...книги также остаются одним из ключевых источников знаний о событиях 1941–1945 гг. – им доверяют 84% жителей России. Среди россиян в возрасте 45–54 лет уровень доверия книгам как источнику знаний о войне достигает 89%, а среди тех, кому за 55 – 90%².

В ходе исследования россиянам предложили список художественных произведений о войне. Самыми известными оказались те же книги, что обнаружены в ответах детей, т. е. эти книги знают представители разных поколений, и они являются общим «культурным кодом» для них. «А зори здесь тихие» Бориса Васильева (84%), «Они сражались за Родину» Михаила Шолохова (81%), «Василий Теркин» Александра Твардовского (80%), «Сын полка» Валентина Катаева (78%), «Судьба человека» Михаила Шолохова (76%).

Чаще всего книги о Великой Отечественной войне дети и подростки берут в городских и сельских библиотеках, эта позиция сохраняется за последние 10 лет (63% – 2025, 58% – 2020, 61% – 2015),

² «А зори здесь тихие» и Шолохов – каких авторов и книги о Великой Отечественной войне знают россияне. Всероссийский опрос проведен Аналитическим центром НАФИ в апреле 2025 г. с помощью собственной исследовательской платформы «Тет-о-твет». Опрошены 1600 человек в возрасте 18 лет и старше. URL: <https://nafu.ru/analytics/a-zori-zdes-tikhie-i-sholokhov-kakikh-avtorov-i-knigi-o-velikoy-otechestvennoy-voynye-znayut-rossiyan/> (дата обращения 1 января 2026).

...на втором месте по популярности – школьные библиотеки (56% – 2025, 60% – 2020, 51% – 2015). Гораздо меньше тех, кто может воспользоваться собственной домашней библиотекой в поисках книг о Великой Отечественной войне (26% – 2025, 32% – 2020, 42% – 2015), в том числе по причине сокращения домашних библиотек в семьях [Колосова 2025, с. 36].

В отличие от коммерческих книжных магазинов и платных онлайн-сервисов публичные библиотеки остаются территорией свободного доступа к литературе. Это единственные бесплатные учреждения, где можно получить любую интересующую книгу и тем самым расширить свой круг чтения.

Электронный контент о Великой Отечественной войне

За последнее десятилетие структура детских информационных источников претерпела существенные изменения. Интернет уверенно занимает одну из ведущих позиций: сегодня 60% детей получают информацию из Сети, что демонстрирует значительный рост по сравнению с 2015 г. на 10 п.п. На этом фоне фиксируется закономерное снижение роли телевидения (падение на 10%). Однако вопреки ожиданиям, экспансия цифровых технологий не привела к вытеснению традиционных носителей: печатные книги и учебная литература сохраняют свои позиции и продолжают использоваться детьми значительно чаще, чем интернет-ресурсы.

В связи с возрастающей ролью цифровой среды в 2025 г. в исследовательский инструментарий был добавлен вопрос об электронных источниках информации о Великой Отечественной войне, к которым обращаются дети и подростки. В основном среди электронных ресурсов дети называли: «Литрес: Библиотека», «Летопись мужества», «НЭБ Свет».

Понимая важность присутствия в том числе в виртуальной среде, библиотеки продолжают создавать ресурсы для детской и подростковой аудитории, посвященные военной тематике. Сайты о Великой Отечественной войне собраны в отдельную подрубрику «1941–1945» на сайте РГДБ «Вебландия»³, отобранных экспертами и проверенных на соответствие критериям контента, который

³ Ресурс Российской государственной детской библиотеки «Вебландия – лучшие сайты для детей». URL: <https://web-landia.ru/site-content/istoriya-i-biografi/1941-1945> (дата обращения 1 января 2026).

может быть доступен для детей и не нарушит положения ФЗ-436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010⁴.

Информационно-просветительский портал «Летопись мужества»⁵ представляет собой электронный ресурс, аккумулирующий сведения о ключевых фигурах и событиях Великой Отечественной войны. Сайт содержит материалы о героях фронта, жителях оккупированных территорий, защитниках городов и тех, кто ковал Победу в тылу.

Особого внимания заслуживает коллекция диафильмов, посвященных теме войны (как документальные, так и художественные), размещенные на сайте «Летопись мужества». На момент создания ресурса в коллекции Национальной электронной детской библиотеки насчитывалось более сотни оцифрованных пленок. На портале они систематизированы в 10 подразбук – про память о войне, про писателей, про разведчиков, про партизан, про жизнь в тылу, про подвиги, про полководцев, про города-герои, про животных (четвероногих и крылатых помощников – котов, собак, лошадей).

В советское время диафильмы служили не просто для развлечения и проведения досуга, а являлись важным инструментом агитации, просветительской и лекционной деятельности. Это не менее ценный источник информации о тех событиях, чем книги.

Диафильм – это серия позитивных изображений (диапозитивов), объединенных общей тематикой в короткометражный фильм, состоящий обычно из 20–50 кадров. Диафильмы почти буквально заимствуют формат и эстетику немого кинематографа: наличие титров, способ повествования, размер пленки и кадра.

Но сегодня фильмы и сериалы играют большую роль в трансляции событий тех страшных лет. За 80 лет со дня Победы было снято более 600 фильмов. К 80-му юбилею Победы сняли 33 фильма, которые идут с широким охватом в кинотеатрах и на онлайн-платформах, доступных большинству. Среди фильмов, которые респонденты назвали в ходе опроса, встречается и советская классика: «А зори здесь тихие», «Горячий снег», «В бой идут одни старики», «Они сражались за Родину», «Офицеры» (фильмы с великими

⁴ Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения 1 января 2026).

⁵ Информационно-просветительский ресурс «Летопись мужества» Российской государственной детской библиотеки. URL: <https://letopismuzhestva.rgdb.ru> (дата обращения 1 января 2026).

советскими актерами Леонидом Быковым, Сергеем Бондарчуком, Василием Лановым), но еще чаще это новые экранизации книг о Великой Отечественной войне: «А зори здесь тихие», «До свидания, мальчики», «Брестская крепость», «По зову сердца», «Первый Оскар» и др.

Школьники активно смотрят фильмы и особенно сериалы о событиях Великой Отечественной войны, чтобы погрузиться в эту эпоху, лучше понять происходившие события, сопереживать героям, которые отдали свою жизнь во имя победы. 38,5% читали книги, по мотивам которых были сняты фильмы/сериалы, 14,8% прочитали книгу до просмотра киноверсии.

Заключение

Исследование показывает, что восприятие Великой Отечественной войны юным поколением остается неизменным: для большинства школьников это по-прежнему великий подвиг России, не подлежащий забвению, несмотря на временную дистанцию.

Анализ читательских предпочтений выявил, что подростки ориентируются в военной прозе и поэзии, но их круг чтения ограничивается советской классикой. Ключевыми трансляторами памяти по-прежнему выступают семья и школа, причем роль образовательных учреждений в этом процессе существенно возросла. Примечательно, что визуальный контент (фильмы и сериалы) стимулирует интерес к первоисточникам: все больше школьников берутся за книгу именно после просмотра экранизации.

В итоге мы наблюдаем трансформацию механизмов передачи исторической памяти. Традиционные институты – школа и библиотека – укрепили свои позиции. При этом Интернет не заменил книгу и учебник, а стал эффективным вспомогательным инструментом, который успешно интегрируется в образовательную и библиотечную работу для привлечения внимания молодежи.

Литература

- Великая и др. 2025 – *Великая Н.М., Голосева А.А., Ирсетская Е.А.* Нарративы постпамяти: репрезентация Великой Отечественной войны в семейной памяти трех поколений // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 14–28. DOI: 10.31857/S0132162525050027
- Вишневский и др. 2025 – *Вишневский Ю.Р., Мансуров В.А., Кульминская А.В.* Студенчество о Великой Отечественной войне: результаты федерального

- исследования Российского общества социологов (2005–2025 гг.) // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 33–46. DOI: 10.31857/S0132162525070043
- Колосова 2016 – Колосова Е.А. Проблемы сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 99–104. EDN WFEGHZ.
- Колосова 2020 – Колосова Е.А. Динамика сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2 (21). С. 69–80. DOI 10.28995/2073-6401-2020-2-69-80. EDN RXCCSK.
- Колосова 2025 – Колосова Е.А. Детская библиотека в помощь учебному процессу: Книги о Великой Отечественной войне в чтении детей и подростков // Доклады Научного совета по проблемам чтения РАО: По материалам Постоянного круглого стола по проблемам чтения РАО. Москва, 25 сентября 2025 г. М., 2025. С. 32–39. EDN TSFZRM.
- Малинкин 2020 – Малинкин А.Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23–34. DOI: 10.31857/S013216250009409-2

References

- Kolosova, E.A. (2016), “Issues of the remembrance work and the memory actualization of the Great Patriotic War among modern children and adolescents”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 99–104.
- Kolosova, E.A. (2020), “The dynamics in the remembrance work and the memory actualization of the Great Patriotic War among modern children and adolescents”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 69–80, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-69-80
- Kolosova, E.A. (2025), “Children’s Library to Support the Educational Process: Books about the Great Patriotic War in Children’s and Teenagers’ Reading”, *Doklady Nauchnogo soveta po problemam chteniya RAO: Po materialam Postoyannogo Kruglogo stola po problemam chteniya RAO. Moskva, 25 sentyabrya 2025 g.* [Reports of the Scientific Council on Reading Problems of the Russian Academy of Education: Based on the materials of the Permanent Round Table on Reading Problems of the Russian Academy of Education, Moscow, September 25, 2025], Moscow Russia, pp. 32–39, EDN TSFZRM.
- Malinkin, A. (2020), “Historical Memory of the Great Patriotic War: Epistemologic and Genealogic Aspects”, *Sociological Studies*, no. 5, pp. 23–34, DOI: 10.31857/S013216250009409-2
- Velikaya, N.M., Goloseeva, A.A. and Irsetskaya, E.A. (2025), “Postmemory Narratives: Representation of the Great Patriotic War in the Family Memory

of Three Generations”, *Sociological Studies*, no. 5, pp. 14–28, DOI: 10.31857/S0132162525050027

Vishnevsky, Yu.R., Mansurov, V.A. and Climatskaya, A.V. (2025), “Students about the Great Patriotic War: results of a federal study of the Russian Society of Sociologists (2005–2025)”, *Sociological Studies*, no. 7, pp. 33–46, DOI: 10.31857/S0132162525070043

Информация об авторе

Елена А. Колосова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; the_shmiga@mail.ru

Information about the author

Elena A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; the_shmiga@mail.ru

Иностранные и советские инженеры
в системе «сталинского» общественного договора
в 1930-х гг.

Марина А. Колмыкова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, mari_kol@mail.ru*

Арина Е. Бутыгина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, arina.butysina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу «общественного договора», сложившегося в СССР в 1930-е гг. между государством и инженерно-технической интеллигенцией, численность которой в те годы была недостаточной, чтобы достигать поставленных целей в плане индустриализации страны. Этот период обусловлен двойственной стратегией советского государства: с одной стороны, массовой подготовкой собственных кадров, с другой – временного использования труда «старых» инженеров. Авторы выделяют еще одну группу инженеров – иностранных специалистов, без которых государственная власть в тот период не смогла справиться с грандиозными задачами индустриализации страны. Особое внимание уделяется смене лозунга «Техника решает всё» на «Кадры решают всё», знаменующей переход от зависимости от внешних технологий к созданию внутренней технократической элиты. В результате образовывается особая социально-профессиональная группа советских инженеров с добровольно-принудительной изоляцией от международного профессионального сообщества и своей идейной преданностью.

Ключевые слова: общественный договор, инженерно-техническая интеллигенция, иностранные специалисты, советские инженеры, индустриализация

Для цитирования: Колмыкова М.А., Бутыгина А.Е. Иностранные и советские инженеры в системе «сталинского» общественного договора в 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2026. № 2. С. 153–165. DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-153-165

Foreign and soviet engineers
in the *stalinist* social contract system in the 1930s

Marina A. Kolmykova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, mari_kol@mail.ru

Arina E. Butysina

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, arina.butysina@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the “social contract” in the 1930s between the state and the engineering and technical intelligentsia, whose numbers were insufficient to achieve the goals of industrialization. This period was caused by the Soviet state’s dual strategy: on the one hand, the mass training of its own personnel, and on the other, the temporary use of “old” engineers. The authors also highlight another group of engineers – foreign specialists, without whom the government would not have been able to cope with the enormous challenges of industrialization. Special attention is paid to the change in the slogan from “Technology solves everything” to “People solve everything”, which marks the transition from dependence on external technologies to the creation of an internal technocratic elite. As a result, a special socio-professional group of Soviet engineers was formed, with voluntary-forced isolation from the international professional community and their own ideological loyalty.

Keywords: social contract, engineering and technical intelligentsia, foreign specialists, soviet engineers, industrialization

For citation: Kolmykova, M.A. and Butysina, A.E. (2026), “Foreign and soviet engineers in the *stalinist* social contract system in the 1930s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 153–165, DOI: 10.28995/2073-6401-2026-2-153-165

Введение

В 1920–1930-е гг. во всем мире наблюдался глубочайший экономический кризис и массовая безработица, в том числе в промышленно развитых странах Запада. Тем временем в СССР И.В. Сталин объявил об ускоренной индустриализации, которую, в свою очередь, экономисты называли «экономическим чудом», поскольку темпы роста промышленного производства были ошеломляющими. Ключевая роль в этом процессе отводилась советским инженерам, определяющими тенденциями в профессиональном становлении

которых были: ускоренная подготовка кадров и использование опыта западных коллег, причем как на советских предприятиях, так и на зарубежных. Отметим, что далеко не во всех исследованиях, посвященных периоду первых пятилеток, упоминается о привлечении иностранных специалистов, которые были необходимы советскому правительству для восполнения недостатка в инженерных работниках. Это подтверждается тем, что 2 августа 1928 г. в СССР было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О привлечении иностранных специалистов», документ, который находился под грифом «строго секретно»¹. Именно поэтому этот период с позиции общественного договора представляет особый интерес, который обусловлен особенностями отношения государственной власти к советским инженерами и к иностранным инженерным кадрам, которых в этот период действующее правительство было вынуждено привлекать для реализации своих грандиозных планов.

Советские инженеры

Для сокращения существенного разрыва в численности инженеров, рабочих и крестьянских хозяйств и улучшения подготовки специалистов были организованы втузы с сокращенным сроком обучения 3–4 года. Однако с таким подходом качество обучения было слабым, поэтому вместо сокращения требовалось, напротив, увеличить образовательные сроки [Гусарова 2011]. В связи с началом индустриализации появилась острая необходимость в подготовке квалифицированных специалистов инженерно-технической направленности, что потребовало пересмотра государственной политики в сфере высшего образования – углубления общенаучной подготовки и увеличения академических часов, укрепления связи учебного процесса с практикой, наращивания количества профильных вузов, увеличения финансирования технического образования и улучшения материального положения студентов-инженеров. Целью было увеличение в ближайшие сроки количества новых кадров инженерно-технического ремесла. В 1930-е гг. начался период стремительного роста технических университетов, в том числе в регионах (более чем в 8 раз за 4 года), появились первые отраслевые инженерные втузы, осуществлявшие подготовку кадров для определенных отраслей производства. Происходило это прежде всего за счет выделения факультетов крупных вузов в самостоятельные институты. Так, в 1930 г. на базе МВТУ

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 698. Л. 3–4.

были организованы: Московский авиационный институт (МАИ), Московский энергетический институт (МЭИ), Московский инженерно-строительный институт (МИСИ) и др. [Гусарова 2011]. К 1933 г. большинство технических учебных заведений вернулись к дореволюционным принципам организации обучения, где главным вектором было качество подготовки специалистов, ориентированное на их индивидуальные достижения. Одновременно возобновился прием студентов на основе их способностей с отказом от особых льгот для детей рабочих и крестьян. Инженерная профессия оставалась востребованной в СССР, и технические учебные заведения вновь стали притягивать самых сильных выпускников школ [Морозов, Николаенко 2007].

С целью стимулирования советских инженеров к освоению новой техники в 1933 г. советское правительство ввело технический экзамен. Инженеров-производственников отправляли за рубеж в краткосрочные командировки по конкретным заданиям предприятия, организовывались систематические направления студентов, оканчивавших вузы по малоразвитым или вовсе неразвитым отраслям промышленности в СССР, за границу для работы там на заводах и фабриках и др. [Ерошенко, Трофимова 2020]. Согласно отчету комиссии Главэкспрома «О работе группы советских инженеров в США», к 1938 г. в Соединенные Штаты было командировано 29 человек. Для освоения передовых технологий им предоставили рабочие места на предприятиях, в лабораториях и цехах, а также к каждому прикрепили американского специалиста для ускоренного и углубленного обучения².

Одновременно с улучшением подготовки инженерных кадров государство формировало «советское инженерное сословие», предлагая ему долгосрочный, но амбивалентный договор – основу новой технократической элиты.

Необходимо отметить, что в период 1920–1930 гг. одновременно существовали две диаметрально разные социально-профессиональные группы инженеров – «старые» и «новые» инженеры, в отношении которых со стороны действующего правительства наблюдались и различные установки. Выдвиженцы, как представители новой инженерно-технической интеллигенции,

...полностью устраивали власть своей близостью к народу, идейной преданностью и желанием трудиться на благо партии. Поэтому они

² Из отчета комиссии Главэкспрома о работе группы советских инженеров в США // Россия и США. Экономические отношения. 1933–1941: Сб. докл. / Сост. А.Ю. Бахтурина. М.: Наука, 2001. С. 301–304.

быстро продвигались по партийной лестнице и занимали руководящие позиции, хотя уровень профессиональной подготовки оставлял желать лучшего [Колмыкова, Короткова 2024, с. 76–77].

А вторая группа – инженеры «старой» формации, или «буржуазные специалисты» (бурспецы) – постоянно подвергалась гонениям и подозрительности со стороны «красных» специалистов. Они «мешали» руководству страны, но избавиться от них в тот период не представлялось возможным, поскольку их профессиональные знания и умения пока еще требовались на производствах.

В 1930-е гг. статус инженера стал привилегированным: за 1928–1932 гг. их зарплата в среднем выросла на 47%, им предоставляли дополнительную жилплощадь, а в 1932 г. СНК СССР распорядился построить более 100 домов с полным благоустройством. Некоторым даже выдавали легковые автомобили в качестве премии. В 1933 г. часть инженеров получили возможность пройти санаторно-курортное лечение. Особое внимание уделялось развитию пригородных хозяйств, созданных для обеспечения инженерно-технических сотрудников мясом и овощами. Таким образом, инженер становился частью новой советской «служилой» аристократии [Шаттенберг 2011; Ерошенко, Трофимова 2020].

В обмен на привилегии советские власти требовали от инженерно-технических специалистов политической лояльности и безупречной идеологической позиции, проявлявшейся в партийной преданности – главном условии карьерного роста. Собрания они (особенно новая интеллигенция – выдвигенцы) воспринимали как достижение революции и основной механизм народной демократии. В дневниковых записях Дж.Д. Литтлпейдж упоминается:

...настаивают, чтобы инженеры, как и все прочие, принимали активное участие в политической жизни страны. Мои русские сотрудники должны были тратить каждый день несколько часов на дела, не связанные с производством. Часто они теряли столько времени на митингах, парадах и всяческих говорильнях, что работать как следует не могли. <...> Инженеров винят, если они пренебрегают этими посторонними вещами, и тут же винят, что работа идет недостаточно хорошо. От советских инженеров требуют проводить весь долгий рабочий день на своей работе. Требуют следить за последними техническими улучшениями в их области. Требуют посещать бесконечные политические митинги и говорить рабочим речи, когда попросят. Также требуют изучать коммунистические теории, особенно если они члены партии [...]. Если им не удастся все это, вместе взятое, они могут потерять работу, а может быть, и свободу [Литтлпейдж, Бесс 2023, с. 201–202].

Иностранные специалисты

Для ускорения индустриализации СССР активно привлекал иностранных специалистов, в первую очередь высококвалифицированных промышленных рабочих. Однако на практике нередко заключались контракты с инженерами, не соответствовавшими профильным требованиям предприятий, с низкоквалифицированными работниками, неспособными справиться с задачами, или с людьми, чей предыдущий опыт не проверялся вообще. Наиболее интенсивный приток эмигрантов пришелся на начало 1930-х гг.: в США бушевала Великая депрессия, а Европа все еще восстанавливалась после Первой мировой войны и революций. В этих условиях СССР привлекал самых разных людей – от убежденных левых идеалистов, видевших в советском проекте моральный долг и историческую миссию, до авантюристов и простых соискателей заработка. Более того, ранее применявшаяся в СССР производственная система – тесно связанная с уровнем подготовки специалистов – считалась технически отсталой, что требовало поиска новых решений и перехода к более современным, рациональным методам производства. Этот переход мог быть осуществлен за счет освоения опыта технического персонала, уже знакомого с развитой промышленной культурой. Начальник сектора кадров Наркомата снабжения СССР А.Л. Гишинский в докладной записке ЦК ВКП(б) от сентября 1931 г. объявил:

Учитывая конъюнктуру, сложившуюся за границей в связи с обострением безработицы даже среди технической интеллигенции, мы считаем необходимым форсировать вербовку за границей специалистов и рабочих для промышленности³.

Однако массовый характер привлечения иностранных специалистов был невозможен, ввиду чего осуществлялся постепенно.

По типу устройства иностранные рабочие подразделялись на 4 категории: постоянные работники (контрактники); сезонные; оформленные по туристическим визам; временно пребывающие на территории СССР. В сфере промышленности основная масса иностранных трудящихся подписывала индивидуальные договора, заключающиеся между зарубежными компаниями и администрацией советских предприятий. С ценными специалистами еще перед отправкой в СССР заключался 2–3-летний контракт, где четко прописывались условия труда и проживания, размер заработной

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 257.

платы (половина – в рублях, половина – в иностранной валюте), нормы снабжения и др.

Для привлечения иностранных рабочих в Союзную промышленность государство предлагало им краткосрочный и инструментальный договор, который в целом можно охарактеризовать как «услуга за деньги и убежище». От государства поступали предложения по обеспечению иностранных инженеров высокими материальными благами, их заработная плата превосходила жалование работников СССР в несколько раз. Например, месячная плата инженера, работавшего в Центральном Бюро иностранной консультации строительного комитета ВСНХ, составляла 1000 руб., в то время как зарплата советского специалиста на том же предприятии порой едва достигала 150–200 руб. [Ермушин, Беляев 2016]. Налогообложение иностранных специалистов ограничивалось:

...утверждать и гарантировать в персональных договорах с приглашаемыми специалистами твердые оклады жалования, независимо от общих установленных для специалистов норм, а также лимитировать общие суммы налогов», в договорах иностранцев был опционален пункт, согласно которому они не подлежали ни уплотнению, ни каким-либо другим жилищным стеснениям, им предоставлялись двух- или трехкомнатные квартиры, тем временем жилищный вопрос советских инженеров оставался актуальным, несмотря на упомянутые выше изменения, которых было недостаточно для трудящихся всей Союзной страны⁴.

Однако эта «идиллия» была доступна не всем: лишь наиболее ценных специалистов размещали в гостиницах или домах, построенных специально для иностранцев, тогда как остальные инженеры и рабочие жили в бараках и типовых многоквартирных домах, уровень комфорта которых уступал западным стандартам. Уже на этапе вербовки советские власти прибегали к завышенным обещаниям, рисуя перед иностранцами «золотые горы»: им сулили работу на новых предприятиях в благоустроенных районах с изобилием продовольствия, новыми квартирами с ванными и центральным отоплением, а также выгодное экономическое и географическое положение. На деле же обещанные условия зача-

⁴ Тезисы по вопросу о привлечении иностранных специалистов в союзную промышленность и о заграничных командировках советских студентов, инженеров и техников // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет: В 5 т. Т. 1: 1917–1928 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 492.

стю оказывались недостижимой роскошью даже для партийной номенклатуры. С иностранными специалистами оговаривались особые условия снабжения: на фоне общегосударственного продовольственного кризиса они получали доступ к дефицитным товарам через спецмагазины и часть зарплаты в иностранной валюте, что резко контрастировало с пайковой системой, по которой жили советские работники [Осокина 1999]. Такой порядок представлял собой «контракт найма» в чистом виде.

Советское государство привлекало иностранных специалистов не только материальными привилегиями, но и идеологическим убежищем, наделяя их моральным статусом «строителей нового мира». Среди них выделялись три группы. «Идейные» – члены компартий, комсомольцы, левые активисты – воспринимали работу в СССР как акт солидарности и историческую миссию, часто игнорируя бытовые трудности. «Профессионалы» – высококвалифицированные инженеры и рабочие – приезжали по контрактам ради высокой оплаты и карьерных возможностей, сохраняя деловое, неполитическое отношение к стране. «Беженцы» – спасавшиеся от Великой депрессии или политических репрессий – видели в СССР шанс начать жизнь сначала. Государство заключало с каждой группой свой неформальный договор: с первыми – обмен энтузиазма на моральный капитал и карьеру, со вторыми – навыков на деньги и привилегии, с третьими – лояльности на безопасность и социальные гарантии.

На первых порах иностранным трудящимся предоставлялась значительная свобода в принятии технических решений на своем участке работы, а также других сферах жизни, например, привилегия беспопытного ввоза товара из-за границы, беспрепятственное право перевода своего заработка за рубеж, даже на фоне голода в стране политбюро предоставляло им островок относительного изобилия, или не ограничивая их снабжение какими-либо нормами вовсе, или устанавливая их высокими даже в голодные времена. Однако постепенно ситуация со снабжением населения Советского Союза улучшалась, и к 1935 г. иностранные рабочие получали товары уже на общих основаниях.

Взамен к иностранным инженерам выдвигались определенные требования. Прежде всего еще на этапе вербовки приглашались специалисты, обладающие навыками и компетенциями, необходимыми для инструктирования советских трудящихся. Однако на практике возникала другая проблема: из-за острой нехватки квалифицированных переводчиков технических текстов их функции зачастую выполняли сами советские инженеры – что отвлекало их от основной профессиональной деятельности⁵. Привлекаемые ино-

странцы должны были соответствовать базовым ожиданиям советского общества, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие с местными работниками. На предприятиях для них организовывали кружки по изучению русского языка, политической и технической грамотности. От иностранных специалистов ожидали быстрой передачи технологий и практических знаний – не ради долгосрочного партнерства, а ради скорейшего формирования собственных кадров, способных самостоятельно освоить новое оборудование и методы производства.

Одновременно государство стремилось интегрировать иностранцев в советский образ жизни и вовлечь их в «строительство социализма». Партийные коллективы активно подключали их к социалистическому соревнованию, ударническому движению, работе производственных совещаний, а также организовывали занятия по изучению основ советской Конституции. Профсоюзные и партийные органы проводили целенаправленную работу по выдвижению иностранных специалистов, стараясь включить наиболее заслуженных из них в ряды ВКП(б) и комсомола [Резаненко 2018].

После 1935 г. большая часть иностранных трудящихся, в том числе инженеров и техников, покинули СССР, однако были и те, кто остался, получив гражданство. Некоторые вступали в ВКП(б), женились на русских девушках. Несмотря на улучшение положения советских инженеров и привилегированный статус иностранных специалистов, разница в менталитете и подходах к труду между ними часто приводила к серьезным конфликтам. Западные инженеры, привыкшие к четкой организации, дисциплине, строгому соблюдению технологий и инструкций, сталкивались с иной рабочей культурой: советские работники чаще полагались на смекалку, «золотые руки» и авральную работу, игнорируя формальные правила. Эта несовместимость вызывала взаимное непонимание: иностранцам была чужда безалаберность местных, а те, в свою очередь, воспринимали педантизм западных коллег как излишнюю бюрократию. Вскоре между сторонами образовалась глубокая пропасть – особенно остро это ощущалось в таких отраслях, как тракторостроение и металлургия, где хаос, штурмовщина и пренебрежение базовыми нормами труда стали повседневной реальностью. Конфликты усугублялись и бытовыми трудностями: условия проживания и снабжения зачастую резко отличались от тех, что были обещаны в контрактах. Иностранные специалисты открыто выражали недовольство на собраниях, указывая на расхождение между договоренностями и действительностью [Рохацевич 2019].

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 198.

Заключение

Таким образом, к середине 1930-х гг. Советское государство выстроило двойную модель неформального «общественного договора»: с одной стороны, краткосрочный, прагматичный контракт с иностранными специалистами, основанный на обмене знаний на материальные привилегии и идеологическое убежище; с другой – долгосрочное, амбивалентное соглашение с отечественными инженерами, предполагавшее подданническую лояльность в обмен на статус, жильё и карьерные перспективы. Однако эта конструкция принципиально расходилась как с нормативной моделью Поля Гольбаха, так и с радикальной критикой М.А. Бакунина. У Гольбаха общественный договор возможен лишь при условии добровольного согласия, взаимных обязательств и права гражданина выйти из соглашения, если государство нарушает свои обязательства. У Бакунина же сама идея договора с государством – иллюзия, поскольку государство по своей природе стремится к подавлению свободы, а не к сотрудничеству [Буланова 2023; Воробьева 2023]. Именно в этот момент – когда договор еще маскировался под социальный компромисс – происходит его резкая трансформация. На выпуске слушателей Военной академии РККА 4 мая 1935 г. И.В. Сталин провозглашает новый лозунг «Кадры решают всё»⁶. Эта фраза знаменует окончательный отказ от зависимости от внешних технологий и переход к формированию собственной технократической элиты. Но за декларацией о значимости человеческого фактора скрывается иное: если кадры теперь «решают всё», то их лояльность становится вопросом государственной безопасности – а значит, подлежит тотальному контролю.

Уже через два года эта логика обернулась массовым разрывом общественного договора. В ходе репрессий тысячи советских инженеров были арестованы по обвинению в шпионаже и «вредительстве». При этом, как свидетельствуют воспоминания бывших сотрудников НКВД, аресты носили безразборный характер: не делалось различий между высококвалифицированными специалистами и рядовыми рабочими, а компрометирующие материалы зачастую отсутствовали вовсе [Рохацевич 2019]. Таким образом, общественный договор П. Гольбаха был невозможен: ни о добровольности, ни о праве на выход не могло быть и речи. А критика М.А. Бакунина подтвердилась в полной мере: государство не стало

⁶ *Сталин И.В.* Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года // Сталин И.В. Соч. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 58–63.

партнером по соглашению – оно продемонстрировало, что может в любой момент односторонне разорвать даже самые выгодные условия, заменив привилегии страхом, а лояльность принуждением. Договор перестал быть социальным – он стал политическим, персональным и репрессивным. Основой нового, посттеррористического «соглашения» стала не карьера и не идеология, а показная преданность и страх. Именно этот режим породил особую профессиональную культуру советского инженера, сочетающую высокую узкоспециализированную компетентность с глубокой политической зависимостью и добровольно-принудительной изоляцией от международного профессионального сообщества.

Литература

- Буланова 2023 – Буланова М.Б. Общественный договор: pro et contra М. Бакунина // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 184–192.
- Воробьева 2023 – Воробьева И.В. Идеи Поля Гольбаха об общественном договоре и их значение для современности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 67–78.
- Гусарова 2011 – Гусарова М.Н. Подготовка инженерных кадров в советской высшей технической школе в 1920–1930-е гг. // Известия АлтГУ. 2011. № 4-2. С. 87–89.
- Ермушин, Беляев 2016 – Ермушин М.В., Беляев Г.В. Советская политика по оплате труда иностранных инженеров в 20-е гг. XX века // Вестник КГУ. 2016. № 1. С. 39–41.
- Ерошенко, Трофимова 2020 – Ерошенко А.В., Трофимова Л.Н. Развитие инженерного образования в СССР с 1917 по 1945 г. (исторический аспект) // Russian Journal of Education and Psychology. 2020. № 5. С. 57–66.
- Колмыкова, Короткова 2024 – Колмыкова М.А., Короткова М.С. Инженеры как объект и субъект «общественного договора» в период с 1920 по 1945 г. // Вестник Самарского муниципального института управления. 2024. № 3. С. 73–81.
- Литтлпейдж, Бесс 2023 – Литтлпейдж Дж. Д., Бесс Д. В поисках советского золота. Генеральное сражение на золотом фронте Сталина / Пер. Л.А. Игоревский. М.: Центрполиграф, 2023. 287 с.
- Морозов, Николаенко 2007 – Морозов В.В., Николаенко В.И. История инженерной деятельности. Харьков: НТУ «ХПИ», 2007. 336 с.
- Осокина 1999 – Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
- Резаненко 2018 – Резаненко О.О. Иностранцы-специалисты на промышленных предприятиях Сталинграда в конце 1920-х – 1930-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2018. 222 с.

- Рохацевич 2019 – *Рохацевич Е.* «История снизу»: жизнь и судьба иностранных рабочих и специалистов в СССР в 1920–1930-х годах. 2019 // Официальный сайт Государственного учреждения «Объединенный государственный архив Челябинской области». URL: <https://archive74.ru/news/istoriya-snizu-zhizni-i-sudba-inostrannykh-rabochih-i-specialistov-v-sssr-v-1920-1930-h-godah> (дата обращения 10 января 2026).
- Шаттенберг 2011 – *Шаттенберг С.* Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы / Пер. В.А. Брун-Цеховой, Л.Ю. Пантина. М.: РОССПЭН, 2011. 477 с.

References

- Bulanova, M.B. (2023), “Social contract. Pro et contra M. Bakunin”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 184–192.
- Ermushin, M.V. and Belyaev, G.V. (2016), “Soviet policy on remuneration of foreign engineers in the 20s of the XX century”, *Vestnik of Kostroma State University*, no. 1, pp. 39–41.
- Eroshenko, A.V. and Trofimova, L.N. (2020), “Formation of engineering education in Russia from 1917 to 1945 (historical aspect)”, *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 5, pp. 57–66.
- Gusarova, M.N. (2011), “The training of engineering staff in the Soviet higher technical school in 1920–1930s”, *Bulletin of Altai State University*, no. 4-2, pp. 87–89.
- Littlepage, J.D. and Bess, D. (2023), *V poiskakh sovetskogo zolota. General'noe srazhenie na zolotom fronte Stalina* [In Search of Soviet Gold: The Battle of Stalin's Gold Front], Igorevsky, L.A. (transl.), Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Kolmykova, M.A. and Korotkova, M.S. (2024), “Engineers as an object and subject of the ‘social contract’ in the period from 1920 to 1945”, *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, no. 3, pp. 73–81.
- Morozov, V.V. and Nikolaenko, V.I. (2007), *Istoriya inzhenernoi deyatel'nosti* [History of engineering activity], NTU “KHPI”, Kharkov.
- Osokina, E.A. (1999), *Za fasadom “stalinskogo izobil'ya”: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the Facade of “Stalin's Abundance”: Distribution and Market in the Supply of the Population during the Years of Industrialization. 1927–1941], ROSSPEHN, Moscow, Russia.
- Rezanenko, O.O. (2018), *Foreign specialists at industrial enterprises of Stalingrad in the late 1920s–1930s*, Ph. D. Dissertation. Volgograd, Russia.
- Rokhatsevich, E. (2019), “*Istoriya snizU*”: zhizn' i sud'ba inostrannykh rabochikh i spetsialistov v SSSR v 1920–1930-kh godakh [“History from Below”: The Life and Fate of Foreign Workers and Specialists in the USSR in the 1920s and 1930s], *Official website of the State Institution “United State Archives of the Chelyabinsk Region”*, available at: <https://archive74.ru/news/istoriya-snizu-zhizni-i-sudba-inostrannykh-rabochih-i-specialistov-v-sssr-v-1920-1930-h-godah> (Accessed 10 January 2026).

Schattenberg, S. (2011), *Inzheneriy Stalina. Zhizn' mezhdru tekhnikoi i terrorom v 1930-e gody* [Stalin's Engineers. Life between Technology and Terror in the 1930s], Brun-Tsekhova, V.A. and Pantin, L.Yu. (transl.), ROSSPEHN, Moscow, Russia.

Vorobyova, I.V. (2023), "Paul Holbach's Ideas about the Social Contract and Their Significance for Nowadays", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 67–78.

Информация об авторах

Марина А. Колмыкова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; mari_kol@mail.ru

Арина Е. Бутысина, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; arina.butysina@yandex.ru

Information about the authors

Marina A. Kolmykova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; mari_kol@mail.ru

Arina E. Butysina, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; arina.butysina@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№ 2
2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
О.К. Юрьев

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 18.06.2026
Выход в свет 25.06.2026
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 9,3. Усл. печ. л. 10,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2374

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru